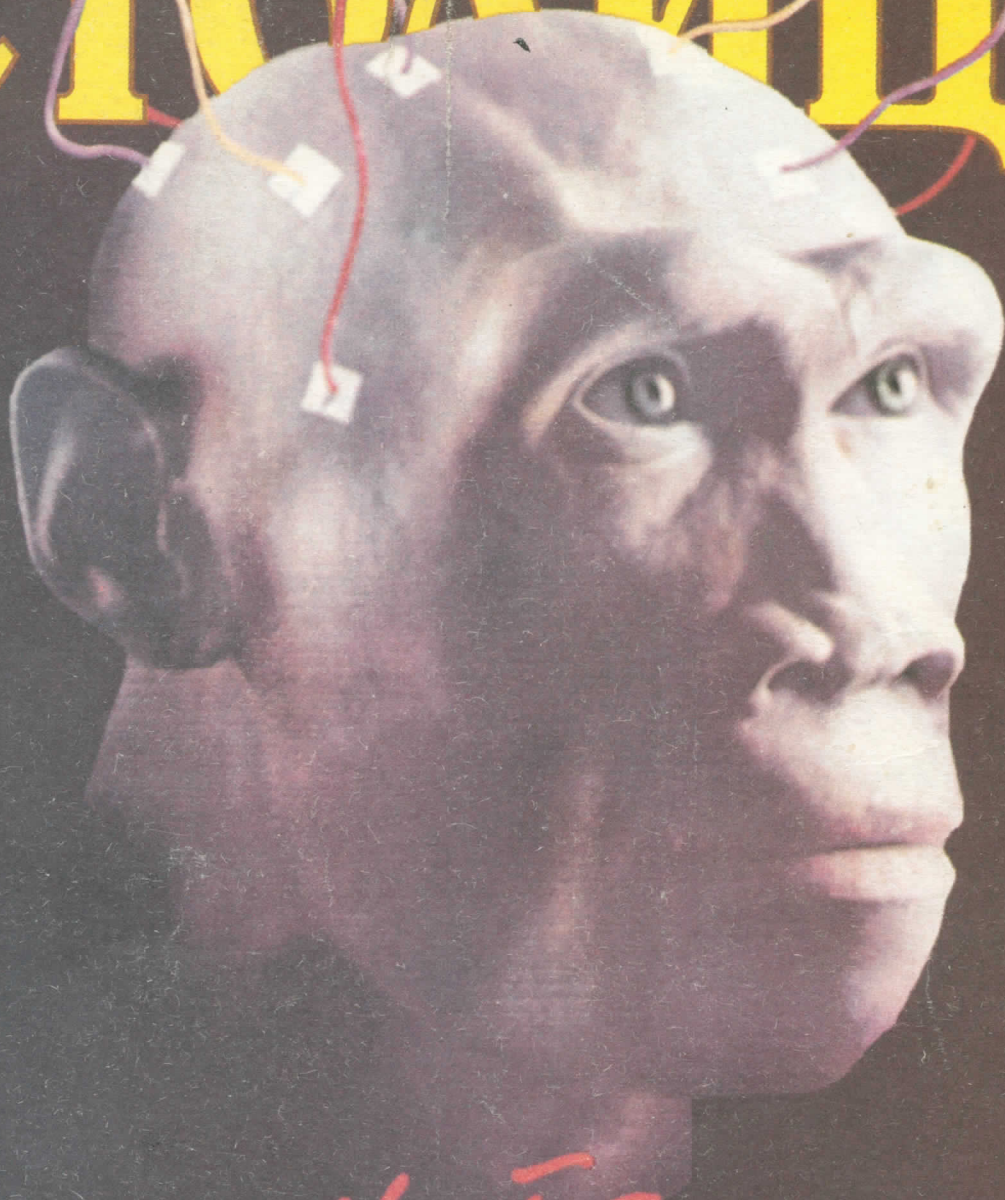

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№ 34(40)

1991г. 1руб. 30коп

*Великий
социальный
эксперимент
завершен...*

иллюстрированный еженедельник

ЭЛЕКТРОННАЯ БИРЖА «ExNet»

Приступает к реализации
права на приобретение
брокерских мест.

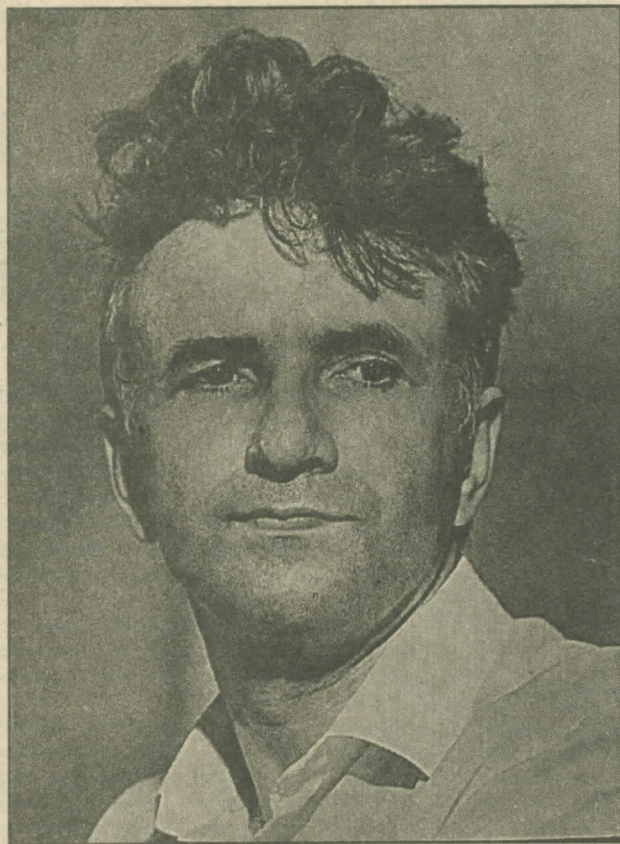
Номинальная стоимость
брокерского места
— 100.000 рублей,
для иностранных участников
— 55.000 долларов

EXNET

Телефоны:	252-17-34	Факс:	252-14-27
	252-23-19	PC-СЕРВЕР:	252-53-40
			252-62-52

Александр ОБОЛЕНСКИЙ
 — 1943 года рождения,
 народный депутат СССР
 от Ленинградского
 сельского
 национально-территори-
 ального округа,
 инженер-конструктор
 Полярного
 географического
 института (г.Апатиты),
 член Комитета ВС СССР
 по общесоюзному
 потребительскому
 рынку; член правления
 Социал-демократической
 партии Российской
 Федерации, председатель
 комиссии по партийному
 строительству.

Александр ОБОЛЕНСКИЙ:

«ОНИ КАК ЧЕРТ ЛАДАНА БОЯТСЯ ЕЛЬЦИНА!»

— Александр Митрофанович, на чрезвычайной сессии ВС СССР, начавшейся 26 августа (как и всегда, впрочем, в момент, казалось бы, самый для этого неподходящий), разгорелись жаркие дебаты вокруг слов — как что называть... Что это было, в те три дня августа: переворот или попытка переворота? Ваша оценка тех событий?

— То, что произошло с 19 по 21 августа, для меня совершенно однозначно — это настоящий переворот, антиконституционная акция заговорщиков-партократов.

Именно в тот, первый, день, 19 августа, каждый человек делал для себя, я считаю, свой главный выбор: гражданин он своей страны или продолжает пребывать просто жителем, полурабом... Но я бы предостерег наших сограждан от излишней эйфории от этой «победы». Еще и сегодня не разобраны баррикады у «Белого дома» на Краснопресненской набережной, не расходятся люди, и это правильно. Рано еще, по моему, расходиться и успокаиваться... Мне даже, например, странно, что сегодня, в дни чрезвычайной сес-

сии, когда мы с вами беседуем, здесь, в Кремле, не принято никаких дополнительных мер безопасности, а ведь, между прочим, это очень удобный момент для реванша путчистов...

— Что же, вы считаете, что с переворотом еще не покончено? Возможны повторения?

— Да. Для меня эта попытка была четвертой. Загибайте пальцы: первая — 13 января в Вильнюсе, вторая — 28 марта в день открытия съезда России в Москве, 16 июня в Верховном Совете СССР (когда,

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739.
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Esonews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Esonews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Факс: 41.21—311.45.11
Тел.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Номер подписан в печать 3.09.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате
142300, г. Чехов Московской области, Зак.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 «Они как черт ладана боятя Ельцина!»
А.Оболенский

ПОЗИЦИЯ

- 5 Никогда не петь хором!
А.Гаврилов

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА

- 11 Три буквы на заборе
А.Мальгин

БЫВШИЕ

- 13 Так кто же патриот?..
В.Оскоцкий

ПАРАДОКСЫ

- 15 Ответы «Нашему современнику»
В.Тростников

ПОЛИТИКА

- 24 Кто тебя выдумал, «народный большевизм»?
И.Зайдман

АРХИВ

- 34 Покушение на Ленина
Г.Нилов

КРУГЛЫЙ СТОЛ

- 52 СССР и ЮАР: Как мы похожи
В.Еренков

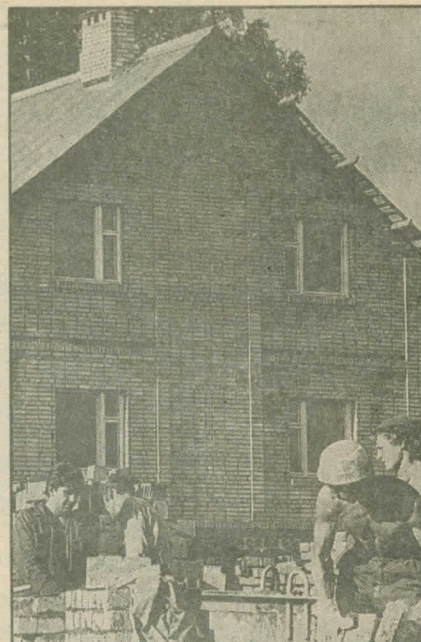
ОТТУДА

- 56 Продается... хоккеист, или
Большие торги в Буффало

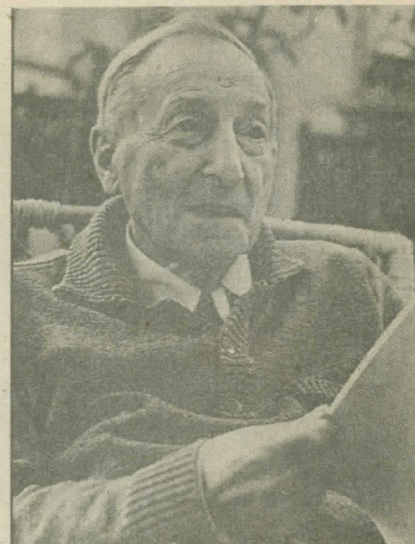
На 1-й странице обложки — плакат Н.Червоткина

Над номером работали:
В.Цыбульский, В.Петров,
И.Мельникова

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

32 Этот дом, скромно именуемый «дачей», должен был стать собственностью бывшего председателя КГБ В.Крючкова. Не состоялась покупка. Но строительство особняков продолжается.

58 Г.Ефремов:
Март 1987 года. Я иду от платформы Мичуринец на дачу Вениамина Александровича Каверина. Иду по важному, даже неотложному поводу: надо прозвониться в ЦК КПСС. Ответственный работник идеологического отдела (или соответствующей комиссии, кто их там разберет) тов. Воронов обещал «посодействовать» нам. Мы — это независимое издательство «Весть». Мы звучим гордо и непреклонно, а на самом деле нас всего пятеро...

помните, Павлов за спиной у президента потребовал себе дополнительных полномочий), четвертая — 19—21 августа...

— Но на этот раз они пошли в открытую?

— Не совсем. Они-то считают, что делают это «малой кровью». Почему? Потому что реакция хотела сохранить человеческое лицо в глазах Запада: в противном случае они бы не продержались и трех месяцев, они ж это прекрасно понимали: без помощи Запада на это нечего и рассчитывать. Поэтому на этот раз им важно было придать перевороту видимость вынужденной меры, законности и т.д.

— Что же может в этих условиях парламент Союза?

— На сессии нам удалось создать парламентскую комиссию по расследованию обстоятельств, связанных с переворотом. Это очень важно: надо расставить поскорее все точки над «ф», чтоб создать гарантии неповторения подобного вновь. А самое лучшее, что может сделать союзный парламент, я считаю, — это как следует подготовить чрезвычайный съезд, а непосредственно накануне его начала — самораспуститься. Это идеальный вариант: во-первых, признание моральной ответственности парламента в целом за то, что не смог предотвратить переворот, проявив при этом растерянность, пассивность, несостоятельность. И в то же время — это развязывание рук съезду для формирования нового Верховного Совета, чтобы те, кто проявил себя достойно, вновь могли быть избраны.

— Как и где вы встретили известие о перевороте?

— В воскресенье, 18 августа, я находился в Орле, у своих родственников, отдыхал. Как только в понедельник рано утром узнал о путче, все бросил, сел в поезд и через семь часов, после обеда, уже был в Москве. И первое, что я сделал, пошел в Кремль к председателю ВС...

— Неужели вы попали к Лукьянову?

— Да, я был у него. А вынес я то, что если он и не был прямым организатором или участником переворота, то, во всяком случае, позицию непритворения, выжидания он занял, это точно. А это для такой должности, как вы понимаете, тоже является по крайней мере должностным преступлением.

— Он сразу вас принял?

— Да. Я пришел в Кремль. Никаких дополнительных постов охраны не было. В его приемной — никого, кроме помощника и секретаря. Вхожу. В кабинете — никого из посетителей, сидит спокойно. Я даже удивление ему высказал: мол, в стране переворот, а он так спокоен... Ничего, говорит, подождем, вот сессия соберется, вынесет свое решение... «Как решат депутаты» — это его дословная фраза. Я пришел к нему по трем вопросам: первый из них — как здоровье Горбачева? Он говорит, что у него информация только та, что сообщили ему Павлов и другие из «восьмерки»: повысилась давление, что-то там с шейными позвонками, словом, не может работать. Ну хорошо, говорю, а вы-то по своим каналам перепроверили эту информацию? Нет, отвечает, мы с Михаилом Сергеевичем не настолько близки, чтобы интересоваться здоровьем друга...

Второй вопрос мой: в каких местах было введено чрезвычайное положение? «Ни в каких», — отвечает...

И третий — об аресте депутата Гдьяна. Он сначала сказал мне, что не верит этому, но, когда я подтвердил ему эту информацию, пообещал мне, что берет вопрос на свой контроль и чтоб я позвонил ему завтра. А назавтра он мне сказал, что Гдьяна выпустили еще 19 числа... Но, оказывается, он меня просто обманул: Тельман Хоренович подтвердил мне, что выпустили его только... 21 августа. Вот и судите.

— В свете всего, что сейчас происходит, не кажется ли вам, что над нашей демократией нависла угроза?

— Могу сказать одно: потеря демократии нам не грозит. По одной простой причине: ее у нас пока нет. Демократия это ведь не сумма каких-то правил. Демократия — это прежде всего культура. Культура политическая и культура общечеловеческая. Это база, необходимое условие для того, чтобы могли функционировать какие-то демократические принципы. Если таких условий нет, то любой закон, любую норму, демократическую процедуру можно обойти, что и случилось в эти августовские дни.

— У нас этих условий, по вашему, и сейчас нет?

— Нет. И это обстоятельство больше всего меня тревожит сегодня. На протяжении семи с лишним десятиков лет в нашем народе про-

дили целенаправленную селекцию. Я не боюсь употребить это жуткое слово — «селекция», оно необычайно точно. У нас действительно выведен человек... как бы... новой породы. Мы уже близко подошли к главной цели эксперимента — созданию биороботов, лишенных всяких нравственных устоев. И есть реальная опасность в том, что более демократические силы, которые сейчас приходят к власти, не имея прочной нравственной базы, неизбежно вступают во взаимодействие с прежними структурами, что грозит вырождением этих новых политиков. Они могут перейти на те же старые рельсы, по которым двигались те, с кем мы боремся... Знаете, очень трудно бороться со злом, не применяя его методов. Добро всегда в этой ситуации ущемлено, потому что оно ограничено в средствах, а зла нет никаких ограничителей, потому оно и зло.

— У вас есть конкретные иллюстрации этой мысли?

— Конечно. Вспомним, например, известный Указ Президента РСФСР о департизации. Идея его лично для меня сомнению не подлежит: никакие партии не имеют права вмешиваться в функционирование государственных органов и хозяйственных структур. Это ясно.

В то же время форма, в которую воплощен Указ, вызывает массу сомнений. Ну, смотрите. Текст Указа — официальный — опубликован, а затем... начинается серия «разъяснений» его статей?! Разве это нормально? Указ (!) «разъясняется» органами или лицами, подчиненными президенту... Если бы я, например, был президентом, я немедленно бы уволил такого чиновника, который взял на себя смелость интерпретировать то, что президент хотел сказать, подписывая Указ. Документ, подписанный высшей властью, должен читаться именно так, как он написан. И никак иначе!

Мы же сейчас столкнулись с рецидивом порочной практики, которую сами критиковали все предшествующие годы: помните, сначала принимали основной нормотворческий документ — закон, а затем начинали издаваться многочисленные ведомственные подзаконные акты, выворачивающие первоначальный документ наизнанку. Причем в суде-то использовали именно эти подзаконные акты... Посему мы и имели, с одной стороны, декларированные Конституцией прекрасные права, а с

другой — полнейшее отсутствие их в реальной жизни.

— Но, может быть, ничего страшного, если требуется иногда что-то и прояснить людям в русле изданного документа?

— Если бы «в русле»! А когда нет? Я вот читал тот Указ: он однозначно запрещает функционирование на производстве профсоюзов. То есть деятельность профсоюзной организации может осуществляться по согласованию (или, кажется, с ведома) администрации! Значит, понимать надо однозначно: если нет такого согласия или разрешения администрации предприятия, то и деятельность профсоюзов не может осуществляться. Так записано в Указе...

Издание таких сырых, юридически не отработанных документов, по моему, сильно дискредитирует новую власть. Мне очень хочется надеяться, что это досадный плод поспешности, нетипичный для нового российского руководства.

— Вы сказали о дискредитации новой власти. А не высказывают ли вам избиратели на ваших встречах претензии такого типа: «Что от демократов толку? Власть взяли, а мяса все равно нету...»

— К сожалению, очень частые претензии. Конечно, независимо ни от какой власти человек должен прежде всего быть сыт, но... Многие почему-то считают, что депутат, раз его выбрали, должен обеспечить людям мясо, молоко, хлеб и так далее. Но ведь народные депутаты — это законодательная власть. Ближайшее, оперативное управление — это прерогатива этой самой исполнительной власти. Вот где корень нашего непонимания ситуации.

А с исполнительной властью все обстоит гораздо сложнее. Если в законодательную власть мы смогли избрать более или менее прогрессивный депутатский корпус, то при формировании исполнительной власти «более или менее» уже не подходит.

— Формирование новой высшей исполнительной структуры в России — президентской — происходит иначе?

— Должен сказать, что лично мне импонируют другие подходы к формированию президентской команды. Я считаю, что принцип «личной преданности», по которому сейчас идет подбор этой команды, не совсем то, что надо. С другой стороны,

видимо, в этот переходный период можно пойти на такой компромиссный вариант, так как нет еще серьезного кадрового резерва для новой власти. А самое главное, нет времени для того, чтобы реализовать в полной мере более, на мой взгляд, демократичный и эффективный подход — конкурсный. То есть на каждую должность утвержденной структуры исполнительной власти объявляется конкурс. А почему, в самом деле, надо искать должностных лиц только в среде самых близких знакомых? Ведь выбирать-то надо не по признаку личности, а по признаку компетентности и наличию идей. Так вот конкурс на должность — это должен быть прежде всего конкурс и д е й. Я заключаю с работником трудовой контракт: он обязуется сделать то-то, в такие-то сроки, я за эту работу плачу ему столько-то. Если его работа меня не устраивает, я контракт расторгаю. И все. Это деловой подход.

И что меня еще сегодня очень тревожит, это отсутствие надежных механизмов, способных противодействовать рецидивам авторитарных методов в работе руководства. Отсутствие гарантий необратимости начавшихся процессов демократизации общества.

Например, председатель Хабаровского крайсовета, будучи ярым противником Ельцина во время выборной кампании, одним из первых появился в Москве, уже после выборов президента, — наводить мосты в новой президентской структуре... Такие вот перевертыши, эти испытанные партийные кадры. Они сейчас на местах как черт ладана боятся Ельцина!

— Так что же делать? Других-то кадров нет.

— Один у нас есть только выход — растить новые кадры. Создавать свою, демократическую школу новых руководителей, специалистов. Потому и нужна нам многопартийность как условие выживания нации. Потому что партии — это как раз и есть школы — причем разные — воспитания кадров для управления обществом. Каждая школа (как и каждая партия) чем-то отличается, какой-то своей индивидуальностью. То есть у партии в обществе как бы две функции: первая — лаборатория по выработке экономической и политической м о д е л и развития общества (во время выборов избиратели отдают свой голос за наи-

более подходящую для них модель), вторая — школа по воспитанию кадров для реализации своей модели, оказавшейся наиболее привлекательной на выборах. Словом, партия побеждает на выборах (или блок партий), и у нее уже есть готовые кадры, не надо метаться, искать поспешно верных людей и так далее, как это совершенно стихийно происходит ныне.

— Вы сказали «блок партий». А как вы относитесь к идее создания е д и н о й партии демократических сил?

— Позиция нашей социал-демократической партии в этом вопросе сформулирована на нашем 9-м пленуме четко и однозначно: мы для себя считаем недопустимым вхождение в такие структуры с потерей своего лица. Вместе с тем мы отметили на пленуме настоятельную потребность в объединении усилий всех демократических сил, но видим единственный реальный механизм в этом плане — заключение блоков, коалиций, союзов, соглашений, но по каким-то конкретным вопросам.

— КПСС в результате последних событий как политическая сила существовать перестала. Что дальше?

— Главная сейчас опасность для победивших демократов — увлечься революционной вакханалией. А рецидивы такие, к сожалению, уже есть: эти дикие сносы памятников, призывы громить райкомы и прочее. И этому, что меня особенно тревожит, оказались подвержены весьма достойные люди. На днях, например, на заседании МДГ даже такой вроде бы убежденный демократ, как эстонский профессор Виктор Пальм, и тот, слышу, призывает не заниматься «правовым чистоплюйством»: мол, сейчас не до этого, сейчас — революция... Это очень опасно.

Григорий КРОШИН

НИКОГДА НЕ ПЕТЬ ХОРОМ!

Когда сейчас, по прошествии совсем небольшого отрезка времени, я вспоминаю события 19—21 августа, ощущение от происшедшего как бы расслаивается для меня на два больших пласта. Первый — это естественный интерес: а что же действительно произошло с политической точки зрения — заговор или спектакль? Если спектакль, то чей? А если все-таки заговор, то неужели подонки оказались к тому же и недоумками? Но очень быстро этот интерес отступает на второй план. И возникает второй, могучий, громадный пласт — мгновенная, искренняя и безоглядная реакция людей. Что бы ни произошло в действительности — путч или инсценировка путча, предсказанный Нострадамусом крах империи зла или репетиция перед новым ГУЛАГовским террором, — это оказывается не столь важным. Пусть простят меня политики, совершенно справедливо озабоченные тем, чтобы такое не повторилось, я скажу еще раз: главное не в этом. Главное в том, что люди не опустили головы у репродукторов, услышав про очередных врагов народа, не разошлись по домам, чтобы строго-настрого велеть детям и внукам не болтать языком в школе или институте. Люди взялись за оружие (пусть оружие это — по большей части лишь арматура и бульбжники). Люди построили баррикады и образовали цепочки взявшихся за руки друзей (сюрреалистическое слияние Шадра и Окуджавы). Народ доказал, что перестал быть безгласным и бездушным монолитом, расколовшись на три огромные группы: на тех, кто боролся, на тех, кто злорадствовал, и на тех, кто молчал.

Этот раскол зияющей третиной прошел через все общество. Как

бы мы ни стремились к примирению, мы не скоро сможем забыть, что одни танкисты защищали «Белый дом», а другие уверенно заявляли, что если получат приказ, то будут стрелять. Что одни музыканты пришли к зданию парламента, а других словно и не было никогда. Что одни политические деятели несколько суток не спали, спасая страну, а другие ударились в спасительный запой. Что Кронид Любарский рванул к радиопередатчику «Московских новостей», а другие «бывшие соотечественники» заявили, что не хотят вмешиваться в политику.

Раскол этот прошел и через средства массовой информации. Произошел мгновенно, насильственно и беспощадно. Одним попытались заткнуть рот, отрезав их от типографий, радиопередатчиков, телекамер. Другие получили официальное благословение. Вскоре после Победы представительница газеты «Правда» посетовала по ТВ на то, что их газета закрыта. Действительно, это, на мой взгляд, вопиющий пережест эмоций над разумом. Но меня поразило то, что, явно рассчитывая на поддержку коллег-журналистов, эта дама даже не подумала извиниться, повиниться за то, что, когда ситуация была обратной, правдисты молчали.

Хотя поведение работников «Правды», «Советской России» и других не удивляет. Как не удивляет и то, что трудовые коллективы ряда изданий выступили с безумно смелыми заявлениями только тогда, когда судьба путча была уже практически решена. Я не спрашиваю, как могли дикторы ТВ читать заявления мерзавцев (да, мы все видели их похоронные физиономии, да, они, конечно, в быту очень хорошие, тонко чувствующие люди — но ведь

читали!). Я не собираюсь спрашивать, почему Кравченко ничего не сделал, узнав за несколько часов о том, что должно произойти. Я знаю, почему он ничего не сделал — потому что он трус и подлец и его объяснения лишь доказывают это. Все это грустно, противно, мерзко — но не удивительно. Ничего другого от подобных людей ждать было, очевидно, нельзя. Но одним из наиболее сильных шоков за эти три дня для меня стала та минута, когда я машинально, по привычке, включил «Европу плюс». Мне трудно объяснить, почему меня так поразило то, что она продолжала крутить свою развлекательную программу. Даже позже, в день похорон погибших защитников «Белого дома», у дикторов «Европы...» не дрогнули их красивые голоса. Мне казалось — и продолжает казаться, — что эстраде не место в эфире, когда решается судьба страны, когда танки и бронетранспортеры идут на безоружных людей. (Смогла же редакция телеканала 2x2 найти достойную форму невыхода в эфир сразу после путча.) Я до сих пор не понимаю, как сотрудники независимой радиостанции смогли работать, зная, что их коллеги из «Эха Москвы» мечутся по Москве в поисках хоть каких-то возможностей прорваться к слушателям. Ну ладно, пусть им плевать на политику, но хоть какая-то чисто человеческая солидарность должна быть! Я помню, в стенограмме одного жэка «За здоровый быт» было написано, что «Владимир Ильич Ленин очень любил петь хором». Не замолчав, не выключив демонстративно передатчик в знак протеста против цензуры, «Европа плюс» запела хором. Хором с хунтой, хором с псевдорусскими, псевдонародными

певцами по 1-й программе ТВ. Ну неужели ребят не оскорбило то, что, хотя тут же пошли по официальному радио передачи о вреде рока, их не закрыли? Неужели их не резануло молчаливое одобрение сексуального гиганта Янаева? Неужели они не поняли, что, делая вид, будто ничего не происходит, они не оказывают пассивного сопротивления, — наоборот, активно поддерживают генералиссимуса Язова? Неужели не мерзко то сознания, что ты не опасен фашисту?

В свое время «Европа плюс» привела слова французского посла о том, что ему очень нравится радиостанция. Думаю, что господина амбассадора можно поздравить с хорошим окружением. Судя по всему, радиостанция должна нравиться еще и послу Ливии, ООП, Кубы. Не говоря уж о после Ирака. Войстину — «в Багдаде все спокойно»!

Но, к счастью, все спокойно было далеко не для всех. Уже неловко писать об «Эхе Москвы», совершившем второй — после Вильнюса — гражданский, человеческий и профессиональный подвиг. Можно просто сказать, что такого бесстрашия, такой решимости, такой готовности к самопожертвованию — не одного отдельного журналиста, а всего творческого коллектива — современная отечественная журналистика еще не знала. Как хочется надеяться, что у сотрудников «Эха» не будет больше поводов продемонстрировать эти свои качества! Кстати, «Эхо» получило, наверное, самый большой возможный комплимент от хунты — их не только закрыли, но и фальсифицировали их передачи. Это ли не признание авторитета и популярности!

К «Эху» присоединилось и «Радио России», и радиостанция «Белого дома», и те неведомые радиолюбители, которые ретранслировали голос борьбы дальше. (Увы, то же нельзя сказать про многочисленные кабельные ТВ-студии, так любившие в допереворотное время крутить ворованные западные фильмы. Мне не известен ни один случай, чтобы такая студия предложила свой эфир — или свой кабель — кому-нибудь из тележурналистов. Хотя есть сообщения, что некоторые из них все-таки ретранслировали информационные программы CNN.)

Еще одно небывалое событие — массовый переход официальных прежде газет в подпольный режим. Я не знаю, представляют ли даже сей-

час журналисты «Мегаполис-Экспресса», «Московского комсомольца», «Комсомолки», «Собеседника», «Вечерки», «Дем. России», «41», «Паритета», «Делового мира», «Московских новостей», «Независимой газеты», «Экспресс-хроники», «Рабочей силы», «Российских вестей», «Искусства кино», «Экрана и сцены», «Курьеров», «Русского курьера», «Российской газеты» и конечно же «России», какое огромное значение имела их работа по выпуску подпольных номеров газет. (Не хваля себя, скажем, что и у «Столицы» было три выпуска.) И пусть все эти нелегальные номера часто печатали одни и те же сообщения — главное, что эти сообщения в итоге доходили до тех, кому они были предназначены. (Мы сознательно ограничиваемся только московскими изданиями — о других у нас слишком фрагментарная информация.) Некоторые газеты смогли хоть отдельные номера выпустить в типографии, некоторые сразу перешли на принтер и ксерокс. Одни, очевидно, механически, ставили в выходных данных цену — правда, раздавали газеты даром, другие демонстративно писали — «Бесплатно». Некоторые указывали тираж (эти классические 999 экз., которые никогда никого не могли обмануть), другие, как «Россия», наоборот, писали: «Если можешь, размножь». Одни набирали текст на обеих сторонах листа, другие сразу стали выходить как листовки — для расклейки на стенах. Одни давали свои комментарии, репортажи. Другие ограничивались лишь официальными сообщениями или вообще карикатурами. Огромной силой, по идее, должна была стать «Общая газета» — совместное издание одиннадцати запрещенных изданий. Но, к счастью, не стала. К счастью, потому что такое издание было бы необходимо в случае затяжной борьбы. Судьба распорядилась иначе — долгой борьбой не было. Это, конечно, отнюдь не умаляет ни отваги журналистов, делавших «Общую газету», демонстративно зарегистрированную специальным решением Министерства печати и информации России 20 августа, ни их высокого профессионального мастерства.

Нельзя не отметить и работу информационных агентств: Интерфакса, Постфактума и Российского информационного агентства (РИА), не будь которых мы бы лишились,

наверное, девяносто процентов информации.

Кстати, технический прогресс привел к появлению еще одного немалозначимого средства обмена новостями. Практически с первых же часов путча в распространение правдивой информации включилась любительская компьютерная сеть. Связанные модемами между собой в самых разных концах страны, а через Прибалтику с Европой, компьютерщики обменивались новостями, передавали официальные сообщения, документы российских властей, телеграммы РИА, изложения передач «Эха Москвы». И если фамилии журналистов, делавших подпольные выпуски газет и журналов, ни для кого не секрет, радиожурналистов тем более, то, боюсь, имена этих отважных ребят могут остаться неизвестными. Только для того, чтобы этого не случилось (отнюдь не для противопоставления их сотрудникам масс медиа), назовем некоторых наиболее активных в те страшные дни. Это Иван Рябов, Андрей Ковалев, Александр Иванов, Сергей Житинский, Дайнис Ульяновс, Николай Немиров, Эдуардас Белявскис и другие.

Потом, когда-нибудь, кто-нибудь напишет исследование об этих неожиданных формах работы средств массовой информации. Будет проведен анализ, сравнение. Нам этого делать не хочется. Для нас эти газеты, листовки, радиопередачи были еще одним оружием, не менее мощным, чем танки и бронетранспортеры у наших врагов.

Сейчас вышедшие из подполья газеты и журналы печатают сенсационные подробности путча. Пришло время первых аналитических обзоров, трезвых, взвешенных оценок. На фоне этих публикаций нелегальные издания могут показаться наивными, сиюминутными. Впрочем, именно такими они были. Сиюминутными — ибо ничего не было тогда важнее, чем сиюминутная, свежая информация. И наивными — ибо наивно не сомневались в победе, в торжестве над мракобесами. И кто знает — может быть, эта наивная вера и помогла продержаться людям 20-го, когда шла перестрелка у «Белого дома» и танковый штурм казался неминуемым? И если так — а я верю, что так, — эти издания оправдали свое существование перед совестью и людьми.

Андрей ГАВРИЛОВ

Виктор АКСЮЧИЦ,
сопредседатель Рос-
сийского христианско-
демократического дви-
жения, которое входит в
«Демократическую Рос-
сию».

И ДЕМОКРАТАМ НУЖНА «ИМПЕРИЯ»

Некоторые демократы говорят сейчас о «распаде унитарной Российской империи, называемой СССР». Такую характеристику современным событиям дал недавно и сопредседатель движения «Демократическая Россия» Ю.Н.Афанасьев. Но не все политические силы, которые входят в это движение, могут согласиться с таким утверждением. Почему?

Если Советский Союз — правопреемник Российской империи, то из этого следует, что поработителем и угнетателем является русский народ. Отсюда легко сделать вывод о первоочередных задачах: бороться с «русским империализмом». Поэтому наиболее радикально настроенные демократы Российской Федерации солидарны с националистическими движениями в республиках, требующими изгнания «русских оккупантов» и покаяния русского народа перед угнетенными. Получается, что для искоренения зла необходимо расчленив империю зла на многочисленные государственные образования: каждой компактной общности, имеющей свой язык, — свое государство.

Факты же истории говорят о том, что Российская империя была уничтожена в семнадцатом году. СССР — это интернациональная коммунистическая империя. Властителем и поработителем в ней является интернациональный люмпен: денационализированный и асоциальный элемент всех народов страны, спаянный шкурными интересами властной номенклатуры и идеологическим догматизмом сознания. И русский народ поработен здесь не менее других. Интернациональная коммунистическая экспансия осуществлялась на русском языке только потому, что русских здесь абсолютное большинство. Без термина «коммунистическая» понятие «империя» по отношению к СССР теряет смысл. Если определять империю как большое многонациональное государство, тогда и США, и Китай, и Индия — тоже «империи».

Ленин и Сталин начертили на теле нашей огромной страны искусственные, мотивированные лишь идеологически границы республик. Одни из них произвольно были объявлены союзными, другие — автономными. РСФСР — это самое условное образование, с которым и сами создатели считались менее всего. Нарождающаяся же демократия берет сталинские границы за точку отсчета в самом главном вопросе политики — национально-государственном устройстве. Могут ли быть благополучными страны, в основе создания которых заложен принцип произвольного определения границ? Кровавые события на Кавказе показывают, как решаются проблемы границ новых государств при нынешнем состоянии общества. Неужели и другие народы нужно подталкивать на этот же гибельный путь?

Если уж быть последовательным, то следует бороться за «распад унитарной Российской империи» и на территории РСФСР. Но гибельность этой позиции в последнее время становится понятной большинству демократов Российской Федерации. На третьем Съезде депутатов РСФСР Б.Н.Ельцин отказался от своего лозунга времен первого Съезда: «Суверенитет РСФСР должен основываться на суверенитете автономий, суверенитете территорий, суверенитете предприятий, суверенитете личности» или «Берите суверенитета столько, сколько сможете взять», ибо понятно, что в одном государстве не может быть более одного суверенитета.

Применительно же к территориям надо говорить о самоуп-

равлении, к предприятиям — о независимости, к личности — о правах и свободах.

Коммунистические фикции и сегодня настолько укоренены в сознании, что многие демократы видят свою главную и первоочередную задачу в борьбе за иллюзорные суверенитеты разнообразных территорий, в то время как коммунистический режим лишь вчера потерял контроль над реальными рычагами власти — союзными структурами: армией, КГБ, финансами, недвижимостью, средствами массовой информации... Результат — «парад суверенитетов», разжигание межнациональных конфликтов, нерешенность острейших экономических проблем...

Догма о том, что во имя демократии нужно искусственно расчленив страну и разрушить государство, — очень сомнительна. Американцы, скажем, гордятся мощью своего государства, свято чтят государственный флаг. Ибо они-то знают, что только сильное демократическое государство способно защитить права и свободы личности. История учит, что даже самое плохое государство лучше, чем анархия и хаос. Тем более в ядерной сверхдержаве.

Странники тотальной суверенизации должны продумывать последствия своих шагов на многие годы вперед. Кто будет постоянным членом Совета Безопасности ООН вместо СССР? Персидский кризис показал, что это место дорогого стоит. Или у нас после освобождения от коммунизма не будет международных проблем, которые заставляли бы печется о гарантиях международной безопасности? А как, скажем, встретят 53 суверенных княжества Евро-Азии лет так через тридцать — пятьдесят экспансию объединенного исламского фундаментализма, например? Или кто-то может гарантировать, что история человечества вышла в иное измерение и существованию народов страны, свободе наших граждан больше никогда не будет грозить внешняя опасность?

Для всех было бы очевидным безумие какого-либо проекта, который во имя самых высоких целей предлагает уничтожить Землю — наш космический дом. Но во имя чего мы должны разрушать наш общественный дом — государство? Может быть, целесообразнее действовать в другом направлении: освободить, а не расчленив страну, вытеснить коммунистическую идеологию и коммунистический режим из государства, но не рушить самую государственность? В демократическом государстве никто никого насильно держать не будет. Пока же существует монополия КПСС, в стране невозможны ни истинные экономические реформы, ни политические свободы, ни национальное самоопределение. Только демократизация государственной системы создаст условия свободного и осознанного политического, культурного и национального волеизъявления общества. Свободу этого выбора могут обеспечить только демократические институты и процедуры, а осознанность — полная гласность и здравость сознания общества. Все это невозможно в современной больной и во всех отношениях искаженной жизни. Поэтому задача политиков-демократов — не навязывать те или иные политические схемы, а создавать условия для полного самоопределения общества.

Совершенно очевидно, что всякие попытки насильственно удерживать кого-либо в Союзе непродуктивны. Если судить по результатам, а не намерениям, то Горбачев оказался боль-

Окончание на 10-й стр.

Михаил ГЛОБАЧЕВ,
вице-председатель Партии конституционных демократов, принадлежащей к радикальному крылу «Демроссии».

«...ИМПЕРИЯ» НЕ СКАЗКА СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

Вопрос о будущем Советского Союза стал камнем преткновения в стане демократов. «Умеренные либералы» упрекают радикалов в «злорадном восторге», с каким будто бы те следят за распадом государства или прямо стремятся подтолкнуть этот процесс. Типичное полемическое заострение: большинству людей такие чувства не свойственны. Грустно смотреть, даже когда ломают ветхий домишко, чтобы на его месте воздвигнуть современный дворец. А сейчас на наших глазах рушится куда более внушительное здание, поражающее воображение хотя бы своими размерами.

Мы рождены в империи, в ней — хорошо ли, худо ли — прожили жизнь и свыклись с ее образом. Любим привычкам рано или поздно приходит конец.

Все рассуждения о том, надо ли считать СССР правопреемником Российской империи, насколько применима к нему эта терминология, являются ли русские «имперцами», если в массе своей живут бедно, и т.п., — чрезвычайно далеки от существа проблемы. Отражают они разве что парадоксальное состояние общественного сознания, когда, по наблюдению академика Павлова, «условные рефлексы координируются не с действительностью, а со словами». Ведь российские «умеренные» говорят о своем непротавлении тем, кто твердо решил отделиться от Союза; радикалы же вовсе не собираются силой выпроваживать тех, кто предпочитает остаться в нем. Разница — в понимании происходящего.

Распад начался не в 1988 или 1989 году, когда еще «можно было удержать прибалтов», прояви Центр минимум здравого рассудка, — а в 1918-м. Тогда им были охвачены одновременно три великие континентальные (то есть объединенные в одном территориальном массиве) державы: Австро-Венгрия, Османская империя и Россия. Последняя, как и теперь, начала разделяться на независимые государства, связанные остатками докризисного экономического пространства. Непрочным в исторической перспективе оказался и конгломерат наций, созданный на стыке двух других бывших империй из их частей, — Югославская Федерация. Совпадение процессов в соседних геополитических центрах указывает на закономерность истории. А она, как известно, не считается с пожеланиями участников драмы.

России удалось вновь собрать большинство прежних земель. Но второй — выморочный жизненный цикл империи дарован не исторической тягой народов друг к другу, а коммунистической идеей и вооруженным террором. Всюду, где выдыхались военные и политические акции Центра, притяжение никак не проявлялось. И как только окончательно изжили себя вера в социализм и страх репрессий, выяснилось, что универсальной, целостной «идеи общей судьбы» (как, например, в США) в нашем социально-географическом пространстве не существует.

Трудно сегодня не согласиться, что национально-территориальный иерархический рецепт лечения «тюрем народов» оказался в итоге опаснее самой болезни. Но отменить его объективные последствия невозможно.

Приверженцы «осторожного» замораживания имперской стабильности охотно аргументируют тем, что универсалистский дух великих держав как-никак защищает национальные и социальные меньшинства. А сей-

час на руинах Союза готовы возникнуть отнюдь не одни свободные демократии, а сплошь и рядом авторитарные националистические «мини-империи» с многочисленными нарушениями прав человека.

Не стоит вдаваться в вопрос, насколько в данном случае именно эти права волнуют каждого сторонника Единой и Неделимой. Но коль скоро мы признаем реальным фактом и нежелание многих народов жить в одном государстве, откуда в умах «постепеновцев» идея внутренней свободы, обретаемой сразу с вершины? Корни ее всегда корявы и горьки, и сама по себе она не устраняет ни проблем личности, ни проблем нации. Зато «справедливость величия» советского образца неотвратимо истребляет все живое на своем пути.

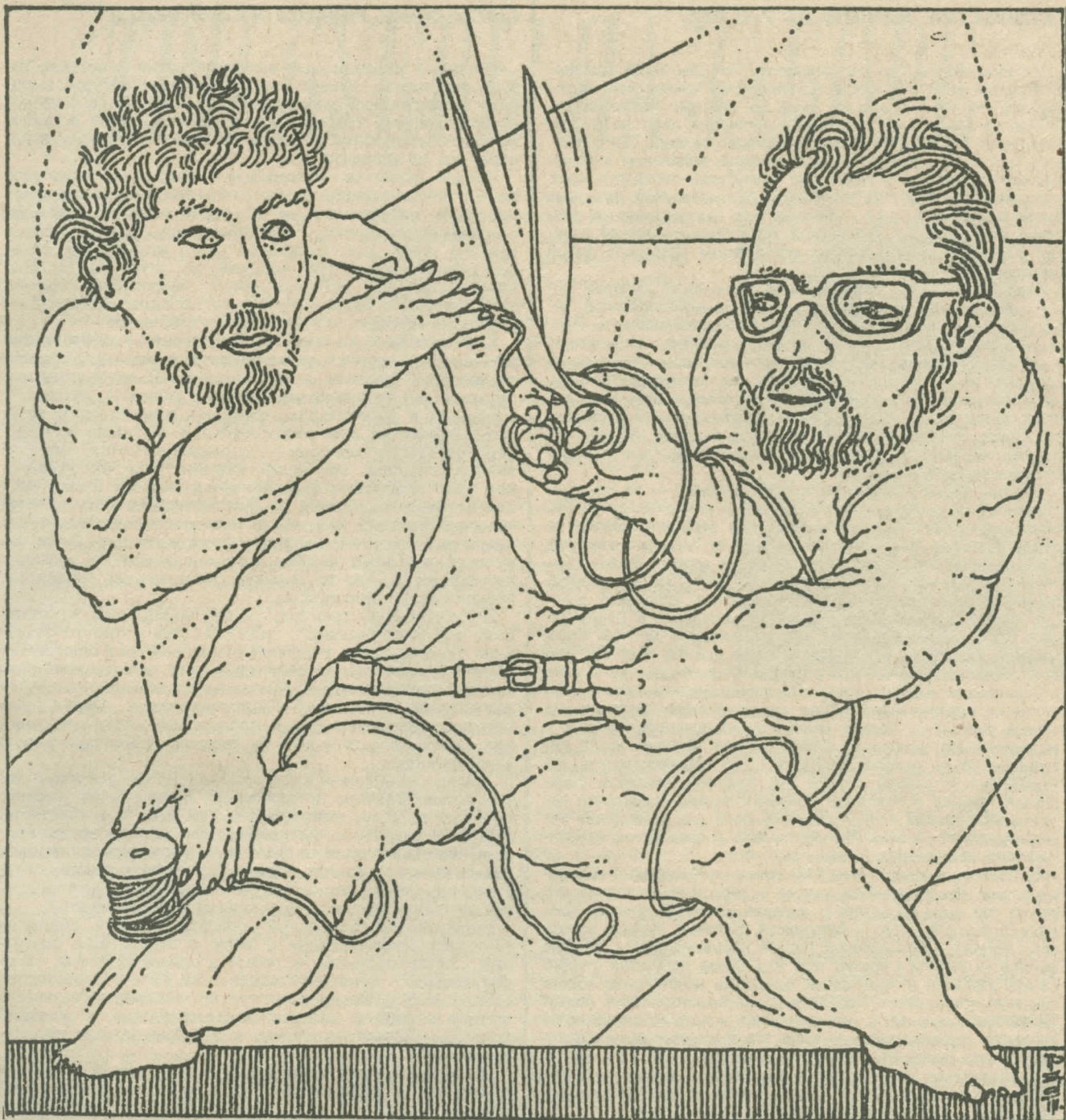
Правовую империю «для всех» предки потеряли в октябре 1917 года. Что было дальше — разъяснять излишне. Достичь с этого уровня более высокой (по сути, начальной) степени свободы можно только тем беззупречным способом, каким реально действуют республики. В основе иных представлений — либо политическая манипуляция, либо эмоциональная вера в благодать «особого пути», «опережающих» прыжков и скачков по обочинам магистрали. Не увязнуть бы вконец на бездорожье...

Любопытный парадокс: всюду консерваторы исходят из положения, что любые недостатки действующей системы предпочтительней любых достоинств непроверенной. То есть охраняют реальность от утопий. Наши охранители берут отправной точкой государственный организм, который скончался своей смертью 73 года назад, был оживлен в ипостаси ходячего мертвеца-вампира и с тех пор «эволюционировал» только так, как любой покойник, даже пьющий живую кровь: постепенно разлагался. Теперь, когда суставы окончательно прогнили и нежить валится с ног, ее предлагают взамен уже испытанной другими — пусть не «совершенной», но живой жизни. Воистину, многие продолжают пребывать в мире опрокинутых идей.

Наверное, потому наши «умеренные» желают (вполне возможно, искренне) достичь цели, разъяв действительно нераздельное. Сначала сообщая преодолеть коммунизм на всей территории страны, сохраняя ее государственность, а уже потом обдумывать будущее устройство. Напрасная надежда: ведь что такое распад, вокруг которого поломано столько копий национал-демократами и госпатриотами, космополитами и фундаменталистами? Это не только уход «шестерки» от «девятки» или серьезные сомнения правительства России и Украины (без которых немислим никакой, даже очень «обновленный» Союз) по поводу ратификации Союзного договора.

Это также продовольственная блокада Москвы и Петербурга прошлой зимой; мартовская «плебисцитная война» Смоленской области против Российской Федерации; повсеместные, повседневные войны городских и районных парламентов со своими исполкомами, комитетами КПСС и аграриями — и многое другое, чего не спишешь на сепаратистов с «окраин» и отдельных демократов, охваченных манией разрушения...

Окончание на 10-й стр.

Художник П. Стуенко

Виктор АКСЮЧИЦ:

«Догма о том, что во имя демократии нужно искусственно расчленить страну и разрушить государство, — очень сомнительна... История учит, что даже самое плохое государство лучше, чем анархия и хаос».

Михаил ГЛОБАЧЕВ:

«Пора бы демократам, еще не обремененным самодовлеющими властными интересами, принять неизбежность законов жизни. Все державы, как люди, смертны; но от них остаются «потомки» — генетически преемственные структуры со своей линией развития».

Окончание. Начало на 7-й стр.

шим сепаратистом, чем его оппоненты. Если бы он не отказался вовремя решить вопросы экономической суверенизации республик, то Прибалтика не была бы сегодня «забурьем». Создается это или не создается, но сегодня бегут не от России, не от Союза а от коммунистического режима. Так сложилось, что сила коммунистической империи воплощена в союзных структурах. Это и вынуждает республики отстаивать свой суверенитет: в ответ на безумие централизованного планирования — экономический, а по мере того как усиливается давление Центра — и политический. Но, отдаваясь слепой инерции борьбы за суверенитеты, мы рискуем разрушить свои собственные дома.

Народы огромной страны, бывшей Российской империи, освобождаются от невиданно жестокой коммунистической экспансии и мучительно рождают новую государственность. Одновременно пагубно как маниакально унифицировать, так и искусственно расчленять нарождающийся организм. Единственно разумный выход сейчас — отпустить тех, кто стремится уйти, но и предоставить возможность для объединения тем, кто этого хочет. Одни народы обретут государственный суверенитет. Другие хотят создать федеративное союзное государство. В конечном итоге определить это можно только через референдумы территорий.

Поэтому самый прямой путь к освобождению — не один радикальный прыжок, а «тысяча шагов». В наших условиях это объединение всех свобододлюбивых сил страны в борьбе за демократизацию реального центра власти: союзных структур. Условием подписания Союзного договора должно быть назначение даты выборов: **НОВОМУ ГОСУДАРСТВУ — НОВЫЕ ВЫБОРЫ**. Естественно, на тех территориях, население которых высказалось на референдуме за вхождение в Союз. Начать следует с выборов президента, который мог бы стать президентом переходного периода — на два-три года. Он должен иметь полномочия для роспуска старых структур власти и объявления выборов новых. Первоочередная задача президента — чрезвычайные указы, стимулирующие развитие рыночной экономики. Только полный демонтаж политической и экономической монополии КПСС создаст условия, когда результаты труда каждого человека будут соответствовать его жизненным интересам, только это позволит избежать социального взрыва и коллапса. Основная задача президента переходного периода — подготовка условий для проведения Учредительного собрания, которое только и правомочно конституировать новую государственность.

В этой связи «соглашение 9+1», как всякий здравый компромисс, мне представляется шагом в верном направлении. Но важно при этом не потерять видения конечной цели и обнажить опасность этого компромисса. Конечно, нельзя допускать никаких «чрезвычайных мер» в промышленности, но еще важнее — бороться против того, что Съезд депутатов старого Союза способен и правомочен принимать конституцию нового союзного государства. Правовая сомнительность этого подхода настолько очевидна, что заставляет искать истинные мотивы такого решения. Прежде всего это открывает возможность партократии всячески откладывать выборы, ссылаясь на то, что разработка новой конституции требует времени. Кроме того, ясно, что послушный Съезд примет ту редакцию новой конституции, которая удобна правящей номенклатуре.

Итак, в оппозиционном лагере оформились два направления. Одно требует скорейшего расчленения страны, что якобы приведет нас к царству свободы. Другое же стремится сначала освободиться от коммунизма, не разрушая государственности, затем свободно и достойно решать: кто с кем хочет жить. Мне представляется, что узкий и многотрудный путь к свободе лежит в соединении тех ценностей, которые на сегодняшний день искусственно разъединены, — соединении демократии и патриотизма, государственности и демократии.

Окончание. Начало на 8-й стр.

Реальный социализм и есть разбухшая советская государственность, доведенная до пределов абсурда и потому пожирающая сама себя. Это — политика «страуса злого». Такого, что не просто прячет голову в песок, но еще ожесточенно лягается вслепую. Ни к чему хорошему она не приведет.

Любые попытки «осторожно» сохранять отжившее неминуемо превращаются в свою противоположность; либералы оказываются в объятиях генералов. Вас не устраивает политика В.Ландсбергиса? Центр делал в течение трех лет буквально все, чтобы она стала безальтернативной для большинства литовцев. Не нравится поведение З.Гамсахурдия? Выдвижение именно этой фигуры в лидеры Грузии — целиком и полностью результат «кровавого воскресенья» в Тбилиси.

К сожалению, ни один из московских консерваторов еще ни разу всерьез не озаботился, к примеру, судьбой таджикской общины в Узбекистане. В их понимании, обижена территориально главным образом Россия — Украиной и Казахстаном, страдают прежде всего «русскоязычные» во всех республиках. В их глазах действия народов Балтии еще как-то оправданы пактом Молотова—Риббентропа. Но когда заходит речь об украинском или грузинском национализме, знатоки отечественной истории ссылаются на Переяславскую Раду и Георгийевский трактат (не знают они или предпочитают не помнить о том, что условия обоих договоров были нарушены русскими царями, аннексировавшими союзные государства?). Это во многом обесценивает гуманистический пафос миротворцев.

Искусственные границы — беспорно, зло, но меньшее, чем «справедливый» передел (идея которого отчетливо проглядывает у иных охранителей как вариант срыва программы-максимум: сохранения унитарного государства). Да так ли много в мире полностью «естественных» границ? Напомню, что в Африке, где они проведены еще более произвольно, счет гражданских войн с 1960 года идет на десятки, межнациональных — на единицы.

...Выйдя из младенчества, мы узнаем, что все люди, даже самые близкие и любимые, когда-нибудь умрут; пережив детство, смиряемся с тем, что эта участь не минует и нас. Пора бы демократам, еще не обремененным самодовлеющими властными интересами, принять неизбежность законов жизни. Все державы, как люди, смертны; но от них остаются «потомки» — генетически приемственные структуры со своей линией развития.

Десятилетия социализма внушали нашему обществу «детские» представления о мире и стереотипы поведения. Сейчас общество вступает в самый тяжелый, «подростковый» психологический возраст: агрессивное отторжение прежних авторитетов смешано с неуверенностью в себе и жадной самоувердностью в «уличной команде». Вернуться отсюда к заботам детства уже невозможно.

Дождемся в свой срок и разумной зрелости с новыми подходами к интеграции. Если только осознаем неизбежное и найдем в себе силы пережить то, чего не можем изменить.

Андрей МАЛЬГИН

ТРИ БУКВЫ НА ЗАБОРЕ

Границы дозволенного в искусстве сейчас, как известно, значительно расширились. Когда пять лет назад Анатолий Рыбаков опубликовал «Дети Арбата», где изобразил черной краской Сталина, все ахнули. Но вот уже не только Иосиф Виссарионович, но и Владимир Ильич попал под безжалостные копы наших художников пера и кресала — и ничего, привыкли, кажется. Даже и ныне действующему президенту достается...

Параллельно шло срывание всех и всяческих масок, так сказать, в интимной сфере. Стоило Наталье Негоде, не снимая юбки, взгромоздиться на якобы обнаженного юношу, как общественность заволновалась, запротестовала, погрузилась в напряженные дискуссии. Но вот после «Маленькой Веры» вышли в прокат десятки советских и зарубежных фильмов, где этот самый половой акт изображен гораздо более откровенно и, разумеется, без юбки, — и ничего, претерпелись, кажется. Сейчас на экранах столицы демонстрируется фильм моего любимого режиссера Александра Сокурова «Спаси и сохрани», снятый по мотивам «Госпожи Бовари» Флобера, и вот в нем госпожа Бовари и ее возлюбленный Родольф не только совокупляются долго и вкусно, но даже демонстрируют свои, так сказать, причиндалы, в том числе и Родольф, — хочу это подчеркнуть особо, т.к. это для советского кинематографа новинка. Впрочем, тут же приходит на память один из персонажей Киры Муратовой... Как бы то ни было, резвой лошадыю отечественного киноискусства взят еще один барьер.

Следующий этап — проникновение на страницы книг и на экраны кинотеатров и даже телевизоров разного рода сквернословия. Сейчас наше искусство с особой страстью занялось разработкой как раз этой жилы.

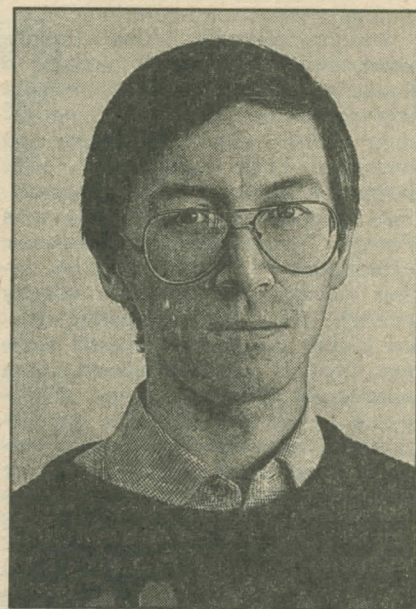
Рывок вперед совершили создатели художественного фильма «Бля». Борьба за выход фильма на экран широко освещалась в прессе.

Его не выпускали как раз из-за названия, снабженного, для большей экспрессивности, еще и восклицательным знаком. Наконец, был достигнут компромисс: для широкой публики фильм идет под названием «Сэнет зон» (совершенно для широкой публики непонятным), а для узкой — в творческих домах, на всякого рода презентациях и светских вечерах — под прежним, вызывающим названием. Впрочем, и там и там крамольное словечко звучит на протяжении фильма не менее пятидесяти раз.

Получил приглашение на такую презентацию и я — в Московский дворец молодежи. Пошел с женой. Мероприятие прошло с помпой: везде были развешаны воздушные шарики с надписью «Бля» на каждом, шла бойкая торговля разными предметами — от календаря до лицейского жезла, и на каждом красовалось все то же назойливое словцо. А фильм был откровенно слабым, карикатурно-ходульным. За смачным, ярким названием скрывалось довольно серенькое содержание.

Что не мешает нашей либеральной интеллигенции гордо носить майки, значки и даже бижутерию с рекламой картины. Таким образом эти люди, наверное, выражают свой протест. Против чего, интересно? Так, на днях меня посетила достойная дама — главный редактор газеты «Дом кино», кинокритик Елена Бокшицкая. Так вот она буквально с головы до ног была увешана надписями «Бля» — с восклицательным, естественно, знаком.

Но дело не в этом. Дело в другом. Когда я смотрел эту самую «Блю», меня не покидало чувство неловкости. Чувство, которого я совершенно не испытывал, когда, например, читал повесть Юза Алешковского «Николай Николаевич» или известное сочинение Венечки Ерофеева, где соленых (назовем их так) выражений куда больше и они куда более вульгарны. Из фильма же неприличное словечко торчало, причем самым неприличным образом. В упомяну-

тых же мною книгах — нет, напротив, все слова были на месте. И главная причина заключалась как раз в том, что книги написаны талантливо.

Не будем забывать, кино — это все-таки самое массовое из искусств. И то, что можно узреть наедине, скажем, с книгой, совсем иначе будет восприниматься, когда ты находишься в большой или небольшой компании. На людях, особенно когда эти люди тебе незнакомы, не принято сквернословить.

Вот недавно я был на конференции по постмодернизму, которая прошла в стенах Литинститута в Москве. Было на конференции, среди прочих, выступление прозаика Виктора Ерофеева, моего давнего знакомого, человека изысканных манер, выросшего в семье дипломата. Виктор прочитал такое, знаете ли, шутивное эссе, пародирующее юбилейное литературоведение. И в этом эссе раз десять, наверное, звучало известное словечко из трех букв. Не «бля» — другое, мужского рода.

Сидящие в зале постмодернисты

и студенты робко хихикали, как бы поощряя этот Витин эпатаж, остальная часть аудитории — критики и критикессы — наливались злобой либо густо краснели. Но всем, абсолютно всем в зале было понятно, что из общего контекста собрания и самой эссе, и злополучное слово, простите, вываливалось. И когда Виктор Ерофеев, простите, кончил, все с облегчением вздохнули.

Эпатаж эпатажу рознь. Помню, несколько лет назад, когда в Большом зале ЦДЛ проходило торжественное открытие очередного сезона, произошел следующий инцидент. Едва вышедший к микрофону в начале вечера председатель правления Дома литераторов Роберт Рождественский произнес: «Товарищи! Разрешите открыть вечер, посвященный нашему новому сезону», как к нему из правой кулисы вышел совершенно голый человек. Постояв какое-то время перед онемевшим залом, человек повернулся к публике задом и издевательски покрутил им. На правой ягодице у него было написано: «СП», а на левой: «СССР» (все вместе означало «Союз писателей СССР»). Тут из зала раздался истошный крик какой-то писательской жены: «Позор!» — она решила, что выходка голого человека входила в план юбилейного мероприятия. Выведенные этим криком из оцепенения служители ЦДЛ выскочили на сцену, накинули на голого человека скатерть зеленого сукна и уволокли его, как позже выяснилось, в отделение милиции. Голый человек оказался жителем Подмосковья, которому незадолго до этого отказали в приеме в Союз писателей. Своей акцией он хотел выразить свое отношение как к самому Союзу, так и к собравшимся в зале деятелям пера.

К выходке голого человека я отношусь с большей симпатией, чем к эпатирующей акции Виктора Ерофеева (хотя, повторяю, голого я знать не знаю, а Ерофеева люблю и уважаю). Но судите сами: в одном случае в собрание истеблишмента пришел бедный, отринутый ими человек и, скинув штанишки, заявил о своем презрении к ним; а в другом случае к залу, битком набитому студенчеством и прочей постмодернистской публикой, подкатил на «вольво» хорошо одетый господин, авторские интересы которого защищает литературный агент в Нью-Йорке, и этот господин, литературный почти корифей, от которого

публика ждет откровений, вдруг говорит ей, этой публике, словечко из трех букв. Этакая шутка гения.

А недавно на Красной площади произошел любопытный инцидент. Группа свободных художников «ЭТИ» провела следующую акцию. Ровно в 12.00 находящиеся возле мавзолея Ленина восемь молодых людей вдруг упали на брусчатку площади так, что образовали своими телами то самое неприличное слово мужского рода из трех букв. Последний, восьмой, молодой человек, изогнувшийся в виде дуги, изображал черточку над «й». На фотографии, опубликованной на первой полосе газеты «Московский комсомолец», видно, как милиционеры пытаются поднять участников акции с мостовой, а на лицах прохожих написано скорее все же не удивление, а осуждение.

Через несколько дней звонит мне обозреватель нашего журнала Александр Минкин (напечатавший в свое время в «Новом русском слове» нашумевшую статью «Кто победил?» об итогах второй мировой войны). Рассказывает такую историю. В половине первого ночи к нему конспиративным образом пришел, озираясь по сторонам, один из участников акции. Стал хныкать, говорить что-то о наружном наблюдении, о грядущем аресте, о тех многих годах лагерей, которые пообещал следователь. Короче, просил защиты. Минкин, по его словам, ответил ему так: «Уважаемый, если вам дадут несоразмерно много, я готов возвысить свой голос, а если вы получите пятнадцать суток — так буду даже рад. И не потому, что с почтением относиться к сооружению, возле которого вы расположились, или к телу, которое в нем находится, а потому, что не считаю нормальным появление подобных слов в публичном месте. Если бы вы написали слово из трех букв на заборе где-нибудь на людной улице и за это попали в кутузку, я относился бы к этому точно так же. Совершенно необязательно женщинам и детям, прогуливающимся по Красной площади, лицезреть ваше самовыражение...» Вот примерно так сказал испуганному участнику смелой акции Александру Минкину, и участник понуро ушел в ночь.

Выслушав эту историю, я сказал Александру Минкину, что полностью на его стороне. Протест — дело хорошее, особенно на Красной площади, но надо думать и об окружаю-

щих. А еще я сказал, что, с удовольствием прочитав «Николая Николаевича», не могу все же представить его, скажем, на театральной сцене. Если актеры будут произносить весь написанный Алешковским текст, в зале будет трудно высидеть, а если будут пропускать матерные выражения — останутся немые как рыбы. «Подходящая пьеса для Театра мимики и жеста», — ответил проффессиональный театральный критик Минкин.

Впрочем, я удалился от темы. Возвращаюсь.

Был я как-то неделю за границей. Приезжаю, узнаю, что очередной номер журнала «Столица» не вышел. Спрашиваю, в чем дело. Говорят, директор типографии снял обложку. «Как снял? Что такое?» — изумился я. Все-таки с момента выхода нашего первого номера мы ни разу не испытали на себе действия какой бы то ни было цензуры. Ни разу! А тут — запрещение обложки.

Но все оказалось не так страшно. Действительно, на задней обложке сданного в производство журнала красовалось произведение замечательного художника Сокова: скульптурное изображение Венеры Милосской с отрубленными руками, а на ляжке у нее надпись: «Умру за красивую е...» (тут, конечно, матерное слово). Вот директор типографии, кстати, Николай Николаевич (почти по Алешковскому), и забил тревогу, позвонил в редакцию, попросил все взвесить. И правильно сделал, что забил. Предвижу ситуацию: маленькая девочка, только что научившаяся читать, увидела лежащий у родителей наш журнал, спрашивает у мамы: «Мама, а что такое е...?»

Предвижу обвинения в ханжестве. Ну что ж, значит, я ханжа. Предвижу восклицания: «Ну вот, можно подумать, наших людей непечатным словом можно испортить. Да кто ж таких слов не знает? Да кто ж их не употребляет?»

Признаюсь, я тоже их не только знаю, но и употребляю. Бывают в жизни моменты, когда не хочешь, а употребишь. И все же... И все же Юзу Алешковскому его мат-перемат прощаю, а участникам смелой акции перед входом в мавзолей — нет. Хотя, признаюсь, сообщение о ней меня весьма и весьма повеселило...

Валентин ОСКОЦКИЙ

ТАК КТО ЖЕ ПАТРИОТ?..

«Крайности смыкаются», — наслаждаясь производимым эффектом, восклицал с высокой трибуны президент.

Три дня августа подтвердили справедливость этих слов: на баррикадах у «Белого дома» бок о бок стояли демократы и монархисты, казаки и члены еврейской общины.

Те, кто в последние месяцы истерически кричал о спасении России, оказались по другую сторону баррикад.

История еще раз свидетельствовала: патриотизм и лакейство — понятия принципиально разные.

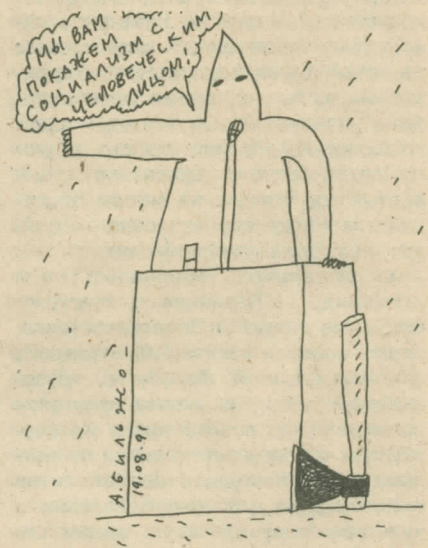
Об этом думаешь, читая статьи двух авторов, стоящих на позициях, казалось бы, крайних. Если не принимать в расчет общую для них позицию сына Отечества...

Трагические события 19—21 августа, в которые свергла страну кучка политических авантюристов, помимо всего, не просто заново высветили, заострили вопрос, вынесенный в заголовок, но, резко разделив людей непоказного долга и почитателей громкой фразы, дали на него определенный, исчерпывающий и, что особенно важно, однозначный ответ.

В самом деле: демагогическим заклинаниям ура-патриотического толка не было числа и в «Обращении к советскому народу» самозванного ГКЧП. Лесть на лести — лишь бы пробудить и ублажить кичливую национальную гордыню. И крутая «соль на раны» — дабы больнее разбередить уязвленное национальное самолюбие. Но все это не патриотизм. Крапленая карта в нравственно неопрятной, грязной иг-

ре на национальном самосознании и патриотических чувствах людей, действительно страдающих за свою несчастную страну. Как не вспомнить: незабвенный вождь и учитель, великий и мудрый отец народов слыл и был в этих шулерских махинациях виртуозом. Достойны ли его наши отечественные пиночеты? О том пусть болят не наши, а на тюремном досуге их головы...

Духовно сродни лозунговым «патриотам» из ГКЧП идеологи современного национал-патриотизма, обильно унавожившие почву, на которой вызревали замыслы государственного переворота обрели идейную опору. На заговор вдохновляли программные и погромные выступления «Нашего современника» и «Молодой гвардии», «Москвы» и «Кубани», «Литературной России» и «Ленинградской панорамы», шо-

винистической газеты «День» и антисемитского листка «Московский литератор». Не говоря о разных прочих черносотенных шавках, как «Пульс Тушина» или «Русский клич», — низкопробной печатной трибуне, облюбованной новоявленными охотнорядскими лабазниками. Неужто не стыдно стоять в одном ряду патриотов-«заединчиков» изданиям писательским? Или, точнее сказать, незвано-непрошено выступающим от имени писателей, а на деле — той охранительной части их, которая если и составляет некое большинство, то окололитературное. Зато «агрессивно-поислушное».

Вот и тянет спросить напрямик, к примеру, Владимира Гусева, который самочинно возвел себя в руководителя Московской писательской организации, чтобы под изношенным до лоскутьев флагом ее возгла-

вить шумную группу косных, но злобных охранителей. Помышлял ли он о своей ответственности за подстрекательство к перевороту, когда из статьи в статью, печатавшиеся в «Литературной России» под рекламной шапкой «Атмосфера», клеймил демократов (разумеется, «так называемых» или в презрительных кавычках), которые если чего и добились за последние шесть лет, то разве что одного-единственного: «рассоплили, расслонявили, промитинговали страну»? В очередной и, как всегда, лживой «сводке погоды», появившейся вслед за избранием первого российского президента, он истерически прокричал, будто с 12 июня страны России «уже нет, а есть лишь территория». И этот его провокационный выкрик не потонул в какофонии намеренно нагнетаемых страстей и ужасов. Уж если «территория», то почему бы не превратить ее в испытательный полигон военно-милицейского или любого другого диктаторского правления? Четвертый год сходит на малом пространстве Нагорного Карабаха — сойдет и на больших российских...

А Владимир Бондаренко или Александр Казинцев, пишущие столь же плохо и безответственно, сколь часто и много! Оба отделились самоослепленной борьбе с «руссофобами», которых въяве отродясь не видели, но всегда чуяли за версту, как их предшественники по погромам — безродных космополитов в постыдную для нашей истории и культуры пору охоты на ведьм еврейского происхождения. Не по их ли зашумительным наущениям в злоумышленники-антипатриоты попадает каждый, кто мыслит не на черносотенный лад, а воистину безбрежным полем враждебных отечеству происков объявляется все, что ни заблагорассудится бдительным народолюбам? Неприятие сталинизма и его наследия, протесты против оккупации Чехословакии и войны в Афганистане, поддержка национально-освободительных движений в Прибалтике и кооперативного движения в России, политика разоружения на мировой арене и экономические реформы внутри нашей перерезелосоциалистической казармы, воссоединение Германии и освобождение Кувейта. Даже защита от поношения невыдуманного героя повести Даниила Гранина «Зубр» — выдающегося русского (русского!) ученого

Н.В.Тимофеева-Ресовского или критика до бульварности пошлой псевдоисторической беллетристики Валентина Пикуля...

Или — Александр Проханов, недаром нареченный «соловьем Генерального штаба»! Его имперские романы и милитаристская публицистика проповедуют культ силы и насилия, полным-полны воинственных призывов не щадить живота и не жалеть крови ради высших государственных интересов, которые доступны пониманию немногих избранных, ведомых одним посвященным. Куда бы ни шло — своего живота и своей крови. Так нет же. Снова «колесиков», опять «винтиков», безличностная унификация которых нынешнему «инженеру человеческих душ» всего милее.

Непревзойденным на сегодня шедевром национал-патриотической публицистики, появившейся за пару недель до путча, стало «Слово к народу». Его подписывали именитые люди. Не диво, что генералы: альянс военщины и партократии стремительно набирал силу и вдохновлял на заговор. Бог с тем, что подпись ставила недалекая эстрадная певица: почему бы и Людмиле Зыкиной не позабавиться политиканством, если им принародно забавляются и Нина Андреева, и Светлана Горячева. Печальней, что наряду с государственными преступниками, которым предстоит ответить за путч перед судом народным, кликушеское «Слово...» скрепили своими писательскими именами Юрий Бондарев и Валентин Распутин. Оба — не чета «государственнику» Проханову: живут на дивиденды отнюдь не с выморочного творческого капитала. Как разумней распорядиться своим наработанным богатством — их собственная забота, проблема личной совести. Но монополия на патриотизм, под лозунгом которого они пылко зовут к борьбе за честь нации, якобы поруганную, попанную все теми же космополитически настроенными демократами-отщепенцами, нигилистами-разрушителями инородных кровей, — акция общественная. Чреватая кровопролитиями, которые в ночь на 21 августа и до Москвы докатились. Мыслимо ли не знать — не ведать или хотя бы не задуматься об этом заступникам да радетелям народным?

Вот нам и ответ на вопрос, кто патриот. Станислав Куняев, вдохнов-

лявший на путч публикациями «Нашего современника» и поддержавший его заявлением, которое приведено «Независимой газетой»? Или без конца уличаемый им в антипатриотизме безнадежный «западник» Евгений Евтушенко, занявший свое место поэта на трибуне митингов протеста и в многолюдных толпах защитников российского Дома Советов? Не впервой выпадает ему спасти поэтическим словом достоинство России. Вспомним танки, что шли по Праге, и о правде «в закатной крови рассвета». Или русско-парня, что «лежит на афганской земле» с того самого рокового дня, когда «ограниченный контингент» советских войск вторгся в чужую страну для выполнения мифического «интернационального долга».

Кто, далее, патриот — тот, кто трусливо или угодливо поддержал путчистские попытки установить антинародную диктатуру, или тысячи, десятки тысяч людей, с риском для жизни не изменивших законно избранной власти России, которая, выстояв в трудный час испытаний, мужественно взяла на себя ответственность за настоящую и будущую судьбу страны? Среди них Марк Захаров и Юрий Черниченко, Алесь Адамович и Юрий Карякин, Геннадий Хазанов и Александр Калинин. Забудьте: как раз те писатели и мастера сцены, которым чаще и больше других доставалось разносов от национал-патриотической критики.

Вывод ясен настолько, что станет попросту невозможно не посчитаться с ним, когда время вернется в привычную колею. И если уже не спросили, то еще спросят не только с самих заговорщиков, но и с их национал-патриотических единомышленников. Вряд ли поэтому будет уместно по новому кругу возобновлять старые споры о патриотизме, доводить их до прежнего публицистического накала. Бесполезно, бессмысленно спорить, если и так ясней ясного, кто есть кто...

Весной этого года журнал российских писателей «Наш современник» обратился к группе политологов, экономистов, историков и литераторов с анкетой о «перспективах социализма». В числе опрошенных оказался и я. По-видимому, мои ответы вызвали у господ национал-коммунистов не просто несогласие, но страх, уязвив их самолюбие и претензии на исключительное право решать будущую судьбу России: редакция отказалась печатать мой текст.

Августовская смута подтвердила то, о чем с самого начала предостерегала «левая пресса»: самая большая опасность для движения нашего общества к освобождению — смычка певцов «социалистического выбора» с поощряемыми армейской верхушкой и чекистами «ура-патриотами». «Народ, держись своих вождей!» — еще десять лет назад взывал редактор «Нашего современника» стихотворец Ст. Куняев. Народ последовал этому призыву — хотя, впрочем, предпочел совсем не тех вождей, которые были ему навязаны.

Публикуемый ниже текст я принес в «Столицу» за четыре дня до переворота. Сейчас это документ в каком-то смысле исторический. Но не утративший, как мне кажется, актуальности.

Анкетирование — полезная вещь, если оно проводится грамотно.

Когда вопросы ставятся редакцией журнала и предлагаются людям, которым, как она полагает, есть что сказать по данной теме, грамотность означает отсутствие тенденциозности. «Мы хотим спровоцировать автора на выступление, а уж что именно он скажет, это его дело» — вот такой должна быть позиция составителей анкеты.

В нашем же случае тенденциозность не только присутствует, но и имеет неприличные размеры. Тот,

Виктор ТРОСТНИКОВ

ОТВЕТЫ «НАШЕМУ СОВРЕМЕННОМУ»

кто писал анкету, сам отвечает на свои вопросы и просто приглашает нас присоединиться к его ответам. Для себя-то он все уже решил, поэтому иные мнения его не интересуют как заведомо ложные. Тут нет провокации, тут нам говорят: «подпишитесь под нашими утверждениями, поскольку разумный и цивилизованный человек не может не подписаться под ними». И, конечно, я не стал бы отвечать на такую «анкету», если бы один сотрудник редакции, к которому я отношусь с большим уважением, не попросил меня об этом персонально, добавив: «Вы можете отвечать на вопросы как угодно, даже ругая нас за них». Что ж, раз мне дан такой карт-бланш, я согласен высказаться. Но уж не обессудьте.

Вопрос первый. «Чем для вас является социализм?»

Если бы он был здесь оборван, все было бы нормально. Но он продолжается дальше: «Теоретической схемой? Идеологией? Политическим строем? Системой хозяйствования?» Впечатление такое, что мы сидим на экзамене в ГАИ и надо нажать на одну из четырех кнопок. Но там-то среди вариантов всегда имеется правильный, а здесь он отсутствует. Какую кнопку ни нажми, все будет ложь.

Социализм есть не схема, не идеология, не строй, не экономика. Это вообще не есть что-то самозначащее, это не предмет и не цель. Это — средство. Средство уничтожения человека — сначала как богородного существа, а затем и как биологического вида.

Замысел древний как мир. Он упорно вынашивается тем самым персонажем, который был когда-то одним из высших ангелов, но устоял в борьбе и истине, возгордился и был за это низвергнут. Став князем тьмы, он все глупее ненавидел Бога и поставил главной своей задачей уничтожить Его творение. А поскольку венцом творения является

человек, то человекоубийство стало его профессией. Понятно, что, обладая недюжинным интеллектом, он придумывал все новые способы осуществления своего плана, приспособляя их к конкретным обстоятельствам. В свое время он уговорил Еву и Адама послушаться Господа, за что они были изгнаны из рая, потом нашептал вавилонянам бредовую идею воздвигнуть до неба башню, впоследствии не раз совращал богоизбранный народ, толкая его к идолопоклонничеству, а в более близкие к нам времена изобрел социализм. Этой выдумкой он может гордиться, пожалуй, больше, чем всеми другими.

Будучи сам бесплотным, этот персонаж вынужден действовать через людей. Он старается внушить им такой образ мыслей и такие поступки, которые приведут к их собственной гибели. Только такая у него стратегия, другой быть не может! Поневоле стал он великим сердцееводом, знатоком человеческих слабостей, за которые ему можно уцепиться и войти в душу, чтобы стать в ней повелителем. И чаще всего его разрушительному делу служит тот же порок, который привел к падению его самого, — гордыня. Ее-то он и разжигает всеми силами в податливых на эту приманку людях, напавая им тот старенький мотивчик, каким усыпил совесть Адама и Евы: «Будьте сами как боги...»

Социализм тоже проникнут пафосом человекоубийства. Вспомните знаменитую песню тридцатых годов: «Нам нет преград ни в море, ни на суше!» Но в нем имеется и другая составляющая, придающая ему дополнительную привлекательность: имитация научной обоснованности. В этом состоит специфика социализма как средства уничтожения человеческого племени. Проекты замены естественного устройства общественной жизни искусственным возникали в воспаленных умах мечтателей еще в античном мире, но

до недавнего времени никто не относился к ним серьезно, так как всем было ясно: доверить выбор образа существования миллионов людей какому-то умнику нельзя, так как человеческий разум ограничен по своим возможностям. Но в девятнадцатом веке разум стали отождествлять с наукой, а ее сочили всемогущей, поэтому этикетка «сделано наукой», наклеенная на социализм, сразу обеспечила ему популярность. Конечно, это была чистейшая фальсификация, то, что блатные называют «отмазкой», но трюк сработал. И можно представить, как хохотал и потирал руки сатана, любуясь на эту заворочившую всем глаза наклейку.

В чем же состоит убивающая сила социализма? Да именно в том, что естественный порядок людского бытия заменяется выдуманным. Исходное в социалистическом строе даже не отмена частной собственности, как утверждали Маркс и Энгельс в «Манифесте», а организация людской жизни сверху. Но без ликвидации частной собственности такая организация невозможна, ибо человек, владеющий землей и средствами производства, все равно начнет хозяйствовать по собственному усмотрению, не слушая никаких теоретиков, поэтому ограбление хозяев есть неперемное условие воцарения социализма и его можно считать характеристическим признаком обсуждаемого понятия.

Почему же формирование человеческого общества по указкам сверху равнозначно его умерщвлению? А как же может быть иначе! Вообразите, что какой-то теоретик начнет диктовать дереву, как ему расти, или принуждать муравьев строить свой муравейник не так, как они делают это миллионы лет, а более прогрессивным методом. Понятно, что при этом дерево засохнет, а муравейник развалится. Тут ничего не надо придумывать, ибо все уже придумано Творцом. Он установил для всех существ законы поведения, которые обеспечивают экологическое равновесие и, следовательно, выживание. Животные выполняют эти законы благодаря инстинкту, а человек, обладающий большей мерой свободы, должен держаться их сознательно, следуя данным в религиозном откровении заповедям. И когда жизнь строится снизу, эти за-

поведи в основном выполняются, ибо во всяком естественно развивающемся обществе сам собой возникает такой нормативный этический институт, как Церковь.

Но вот на сцену выходит социализм, и вся эта божественная экология рушится. Как это происходит, мы, русские, знаем лучше всех на свете. Она разоряется у нас уже более семидесяти лет и продолжает разоряться и сегодня. От перестройки, гласности и нового мышления ничего не изменилось. Выдвигаются то «продовольственная программа», то «программа пятьсот дней», то «программа выхода из кризиса», и каждая из них подается как окончательное решение всех проблем. Но весь ужас в том, что все это — программы, то есть все те же попытки организовать нашу общественную жизнь сверху. Ждите, граждане, мы тут посоветуемся, проанализируем ошибки, исправим их и на этот раз дадим вам уже совершенно правильные принципы жизнеустройства. А главная-то ошибка состоит в том, что они подавляют хозяйственную самостоятельность народа, не дают ему существовать так, как подсказывает сама человеческая природа. Но ее они не только не собираются исправлять, но даже и не замечают. Это значит, что наше движение к небытию в ближайшее время не прекратится. Большинство из нас уже чувствует дыхание коллективной смерти, но не все понимают причину ее приближения. А причина одна — социализм. На то он и придуман этим рогатым, чтобы мы все сгбли. Вот мой краткий ответ на первый вопрос.

Второй вопрос звучит так: «Не приведет ли реальное постперестроечное общество к крушению пока еще существующей социальной защищенности, вытолкнув за черту бедности большинство из нас?»

В этом осторожность соседствует с откровенной и очевидной неправдой. Как понимать странный термин «реальное постперестроечное общество»? Разве существуют общества нереальные? Из всего духа анкеты можно догадаться, что авторы имеют тут в виду «рынок», к которому относятся с большой неприязнью, но не хотят называть черта по имени. Ну что за застенчивость, так бы и сказали прямо, тем более, что дальше всякая стеснительность отбрасывается и черным по белому утверждается, что у нас есть

социальная защищенность! И это в то время, когда цены выросли в четыре раза, а зарплата почти не увеличилась. Пойдите и расскажите об этой «защищенности» шахтерам Кузбасса или рабочим Белоруссии, и они дадут вам более четкий ответ, чем я. А мне хочется ответить на другой вопрос, мой собственный. Я давно задумываюсь: в чем причина того, что в нашем обществе, поставленном социализмом на край гибели и знаем, что еще по крайней мере двадцать стран доведены им до ручки и почти все из них — кроме принципиальной Кубы — твердо решили покончить с ним, чтобы не уйти в небытие, почему в этом обществе продолжает сохраняться нежная любовь к социализму — чувство, которое так и сочится из предложенной нам анкеты? Почему собака лижет бьющую руку, понятно: она хочет, чтобы ее перестали бить. Но социализм, как его ни лижи, нас обязательно доконает, и уже в самое недалекое время. Так что же это — какая-то форма мазохизма?

Я думаю, прибегать здесь к фрейдистским категориям нет надобности. Объяснение проще и страшнее. Прежде чем уничтожить нацию физически, социализм принимает все меры, чтобы она деградировала духовно. Он отменяет религию. Он разжигает зависть и ненависть бедных к имущим. Он вырубает под корень цвет нации, понижая этим качество ее генофонда. Он вовлекает народ в бесконечно размножаемую средствами массовой информации тотальную ложь. Он развращает людей выплатой зарплаты за фиктивный и никому не нужный труд. В результате ему удается выполнить данное в самом начале обещание — вырастить нового человека, «хомо советикус». Это — человек пониженной жизненной энергии, коварный и злобный, отвыкший от тяжелой работы и больше всего заботящийся не о том, чтобы ему было хорошо, а о том, чтобы не было хорошо соседу. И такому человеку действительно страшно выходить из обожанного им социализма в какое-то полное звуков и красок общество, где от него потребуются огромная активность и где более ловкие и умные люди будут жить гораздо богаче, чем он. Нет, с наличием таких процветающих людей он не может примириться в своих мыслях, пусть лучше все мы останемся нищими — на миру ведь и смерть крас-

на. Говорят, долго просидевший в лагере заключенный не испытывает при освобождении никакой радости, наоборот, ему становится грустно и боязно. Как там проживет он на воле, где нужно все время думать и не дремать? То же и у нас. Слишком долго сидели мы в этом огромном лагере, где все было регламентировано, не сможем жить самостоятельно, не будем знать, куда ступить и что сказать... И мне кажется, что, говоря о нашей якобы существующей социальной защищенности, авторы думали о другом факте: об одинаковой для всех социальной незащищенности. Раз все не защищены, то никому и не обидно...

Третий вопрос. «Как, по-вашему, мы сможем преодолеть наш нынешний кризис, учитывая, что для выхода из подобных ситуаций даже ведущие капиталистические страны в свое время широко использовали опыт реального социализма?»

Тут, как говорится, не знаешь, с чего начать возмущаться. Как мне все-таки хотелось бы взглянуть в глаза человеку, написавшему текст этого вопроса. Имеет ли он понятие о том, что изредка нужно все-таки отвечать за сказанное?

С формальной точки зрения тут вообще нет вопроса. Если бы бедные капиталисты действительно в периоды, когда у них исчезали с прилавков все продукты, временно вводили бы у себя социализм (то есть устраивали некий нэп наоборот), после чего все поправлялось, то нечего и думать поступить так же. Но, во-первых, «подобных ситуаций» у них не было, а во-вторых, они никогда не вводили у себя социализм. Прекрасно об этом зная, авторы вопроса опять лукавят и говорят не «социализм», а «реальный социализм» — здорово и непонятно. Но каким бы социализм ни был — реальным или нереальным, у него есть характеристический признак, подчеркнутый самим Марксом: уничтожение частной собственности. Так вот, во всех капиталистических странах частная собственность всегда оставалась священной и неприкосновенной, а значит, никаким социализмом там не пахло. Если же имеется в виду нахождение у власти социалистов, как, скажем, Миттерана во Франции, то это как раз «нереальный» социализм, это просто слово. У них оно обозначает то, что правительство будет заботиться о социальном обеспечении населения, делая это за счет налогов, взим-

аемых с тех, у кого имеются собственные предприятия и прочее. Так что же, такую налоговую политику можно назвать социализмом? Что же касается национализации отдельных отраслей промышленности, которая иногда производится в ведущих капиталистических странах, то она зарекомендовала себя плохо и от нее сейчас отказываются. Добавим к этому, что такая национализация всегда производится там с выплатой полной компенсации бывшим владельцам, так что ни о какой экспроприации имущества, на которой зиждется настоящий социализм, не может быть и речи.

Впрочем, полемизировать об этом — дело зряшное. Скажу лучше вот о чем. Дилемма, «будет ли у нас социализм или вновь вернется капитализм», логически неверна. Ее надо ставить иначе: сохранится ли запрет на частную собственность или же он будет отменен? Если запрет сохранится, то мы, действительно, останемся жить, точнее, умирать при социализме. Но если собственность будет возвращена людям, у которых ее отняли, это вовсе не будет означать, что мы станем капиталистической страной. Частная собственность была неприкосновенной на протяжении большей части человеческой истории, но капитализм появился только в шестнадцатом веке. В Древнем Риме не просто была частная собственность, но и законы, регулирующие ее принадлежность и продажу, были почти точно такими же, как в современной Англии или Франции, а никакого капитализма там не было. Капитализм есть не что иное, как узаконенное и поощряемое ростовщичество, т.е. такой уклад, при котором к деньгам все относится преимущественно как к капиталу, стараются вкладывать их в производство или в займы. Это ведет к непрерывному росту и совершенствованию промышленности, к появлению на рынке все новых и новых товаров и к искусственному разжиганию потребностей, чтобы можно было их удовлетворять. Это, конечно, плохо. На меня лично заваленные всяким бараклом западные магазины производят удручающее впечатление. Глядя на эти выставки-продажи, невольно думаешь: да ведь большинство этих изделий человеку не нужны, все это приходится всучивать! Но машина не может остановиться, иначе не будет процентов, а значит, деньги перестанут быть капиталом и не станет капита-

лизма. Так и идет эта бешеная гонка, не имеющая никакой разумной перспективы. Но почему же нам, вернув людей к нормальному статусу хозяев, делать их ненасытными ростовщиками?

Последний вопрос. «Не кажется ли вам, что социализм в нашей стране в чем-то опирался на народные ценности: православие, центристские государственные тенденции, традиционный уклад (община, помочи и т.д.)?»

Это единственный вопрос анкеты, на который можно ответить без всяких предисловий. Отвечаю: что социализм опирался на народные ценности — не кажется, а что враг человека, подсовывая нам социализм, использовал нашу приверженность к христианским ценностям, — это факт. Главное, что было использовано, — жившая в русских душах новозаветная заповедь «отдай свою рубашку ближнему». Революционеры долго засоряли наши мозги своей агитацией, а потом вложили туда эту заповедь в несколько измененном виде: «если гады буржуи, имея столько рубашек, не хотят ими поделиться с бедными, надо эти рубашки у них отнять». Внешне все вроде бы по-христиански, а по сути — противоположно. У Христа акт отдачи своей рубашки есть акт любви, и нужен он в первую очередь не тому, кому ее отдают, а тому, кто ее отдает, ибо это поднимает его на высший уровень духовного развития. И этот акт требует выполнения двух непрременных условий: во-первых, отдающий рубашку человек должен иметь свою рубашку, ибо, если он отдаст казенную, цель не будет достигнута. Во-вторых, он должен отдать ее добровольно. При уравнивающем количестве рубашек социализме ни одно из этих условий не выполняется. Поэтому его можно назвать карикатурой на христианство. Но диавол только и умеет делать, что карикатуры. Недаром его называют «обезьяной Бога».

И все же не удержусь от краткого комментария и по поводу четвертого вопроса. Когда-то любители социализма запрещали и заикались о христианстве, крушили церкви, расстреливали священников. А теперь, защищая социализм, начали апеллировать к православию и чуть ли не цитировать Священное писание.

Видно, последние для них настали времена. И вот это уже хорошо!

26 апреля 1991г.

Организация зарегистрирована в 1991 году. Наши клиенты — крупные предприятия, концерны, акционерные общества. Мы помогаем покупать и продавать: сырье, оборудование, технологии, проектные и строительные услуги, ценные бумаги, недвижимость, товары от ниток и пуговиц до автомобилей и самолетов. Имейте брокерские места на крупнейших биржах страны: Российской товарно-сырьевой, Московской центральной фондовой, Всероссийской бирже недвижимости и на организующейся Международной универсальной бирже вторичных ресурсов. Наш месячный оборот на Российской товарно-сырьевой бирже — 20—30 миллионов рублей. Мы имеем филиалы в Риге, Тбилиси, Свердловске, Сургуте, Одессе и других городах. Телефоны: (095) 207-08-20, 291-78-24. Факс: (095) 207-08-44, 230-25-35.

«...а к концу дня, если богу угодно, набегает и вся сотня... а то и все три... Почему бы и нет? На то и биржа! Биржа — это игра, дело удачи».

Шолом-Алейхем

— Говорят, торговать на бирже до смешного просто, деньги буквально под ногами валяются. Это действительно так?

— Схема работы на бирже действительно проста: стоят вокруг маклера несколько сот брокеров, он по очереди перебирает все позиции предложений товаров на продажу, и желающие тут же заключают сделки. Проще и лучше ничего человечество не выдумало, но все остальное, как говорится, за кадром. Это как в шахматах. Правила знают все — но не все умеют играть.

— В чем состоит технология вашей работы?

— Мы являемся посредниками между продавцами и покупателями, поскольку на биржу, где происходят торги, допускаются только те организации или лица, которые обладают брокерскими местами. Миллионы существ-

БРОКЕРЫ ТРИНИТИ: «МЫ ГОТОВЫ ПОТЕРЯТЬ ЧАСТЬ ПРИБЫЛИ — ЛИШЬ БЫ СОХРАНИТЬ СВОЕ ЛИЦО»

вующих и потенциальных продавцов и покупателей различных товаров не имеют этих мест. Они обращаются к брокерам. Мы заключаем договор и согласно ему получаем право совершать сделки от имени наших клиентов, но действуем в рамках условий, очерченных ими. За выполненные услуги мы получаем брокерское вознаграждение. У нас оно самое маленькое на бирже, колеблется от 0,5 до 5%.

Кроме того, мы делим с клиентом разницу между его ценой и той ценой, по которой произошла сделка на бирже, т.е. если клиент просил купить товар по цене не выше указанной им, а мы купили ниже, то получившуюся разницу делим пополам.

— А если клиент не узнает, что вы купили для него товар дешевле?

— Такого не может быть. Как только происходит сделка — компьютер распечатывает договор поставки, который мы подписываем от имени своего клиента, и каждая сторона получает экземпляр.

— Почему к вам обращаются за помощью даже государственные структуры? Разве у нас уже отменено фондовое распределение?

— Оно еще не отменено, к сожалению, но дисциплина государственных поставок и их уровень таковы, что предприятиям в условиях нарождающегося рынка просто выгодно обращаться к нам. Сейчас, когда здорово подорваны прямые хозяйственные связи, мы им облегчаем жизнь. Биржа — одна из самых демократических структур рыночной экономики. Торги на бирже всегда открытые, гласные, результаты публикуются в периодической печати, а обратиться к брокерам может любая организация и даже частное лицо. Единственное, биржи ограничивают нижний предел сделки — 20 тысяч рублей.

— И все-таки покупать на бирже очень дорого.

— Безусловно. Цены на крупных биржах очень высокие, но тем они и привлекают товаропроизводителей. Дорого покупать, но и выгодно продавать. Любая органи-

зация не только покупает, но и продает на бирже свой произведенный продукт. Норма прибыли не понижается, и производство не страдает. Общее количество товаров на рынке увеличивается.

— Какими принципами вы руководствуетесь в своей деятельности?

— Прежде всего, мы честны по отношению к своим клиентам и партнерам. Мы готовы потерять часть прибыли, лишь бы сохранить свое лицо.

Следующий принцип — высокая эффективность, она основана на высокой компетенции наших брокеров, на оперативности работы связи, которой мы пользуемся. С одной стороны, мы работаем на крупнейших биржах в Москве, с другой стороны, наши филиалы, которые находятся во всех регионах страны, контролируют обстановку на региональных биржах. Таким образом, мы обладаем всей полнотой информации. Мы можем предлагать нашим клиентам самые выгодные сделки.

Беседу вела
Галина ВАСИЛЬЕВА

ВЗДРОГНУЛИ!

Резкий звон разбитого стекла заставил обернуться всю «винную» очередь. Раздался один всеобщий выдох силой в несколько сотен легких. Люди с выгнутыми, как у испуганных птиц, шеями смотрели на величайшую трагедию, творящуюся у них на глазах. Мужик тихо лежал в луже портвейна, среди зеленоватых осколков. Лишь правая нога его совершала вялые сгибательные движения, пытаясь нащупать точку опоры. Он был пьян настолько, что последних сил хватило лишь на то, чтобы прорваться сквозь массу тел к прилавку, выложить деньги, сложить товар в сумку и выйти с ней на улицу. Свежий воздух так крепко ударил по насквозь проспиртованным мозгам, что без стога он рухнул на асфальт. Силы его покинули. Равнодушная очередь продолжила свое вечное движение за «нектаром богов».

Пьют во всем мире, и мы, как одна шестая часть суши, разумеется, участвуем в этом процессе в гигантских масштабах, с присущим нам размахом. Кто кого перепьет — известная забава на Руси. Раньше, правда, в ней участвовали профессионалы-одиночки, сейчас счет пошел на миллионы. По крайней мере, шел еще в 1985 году. Вся страна разделилась на два враждующих лагеря. С одной стороны — члены Общества трезвости во главе с любимой партией и правительством, с другой — поклонники Бахуса. А так как вступали в добровольное общество селами, городами и областями, то силы в конце концов уравновесились и началось великое противостояние. Этот кретинский эксперимент на сегодняшний день закончился полной и окончательной победой ярых противников трезвости.

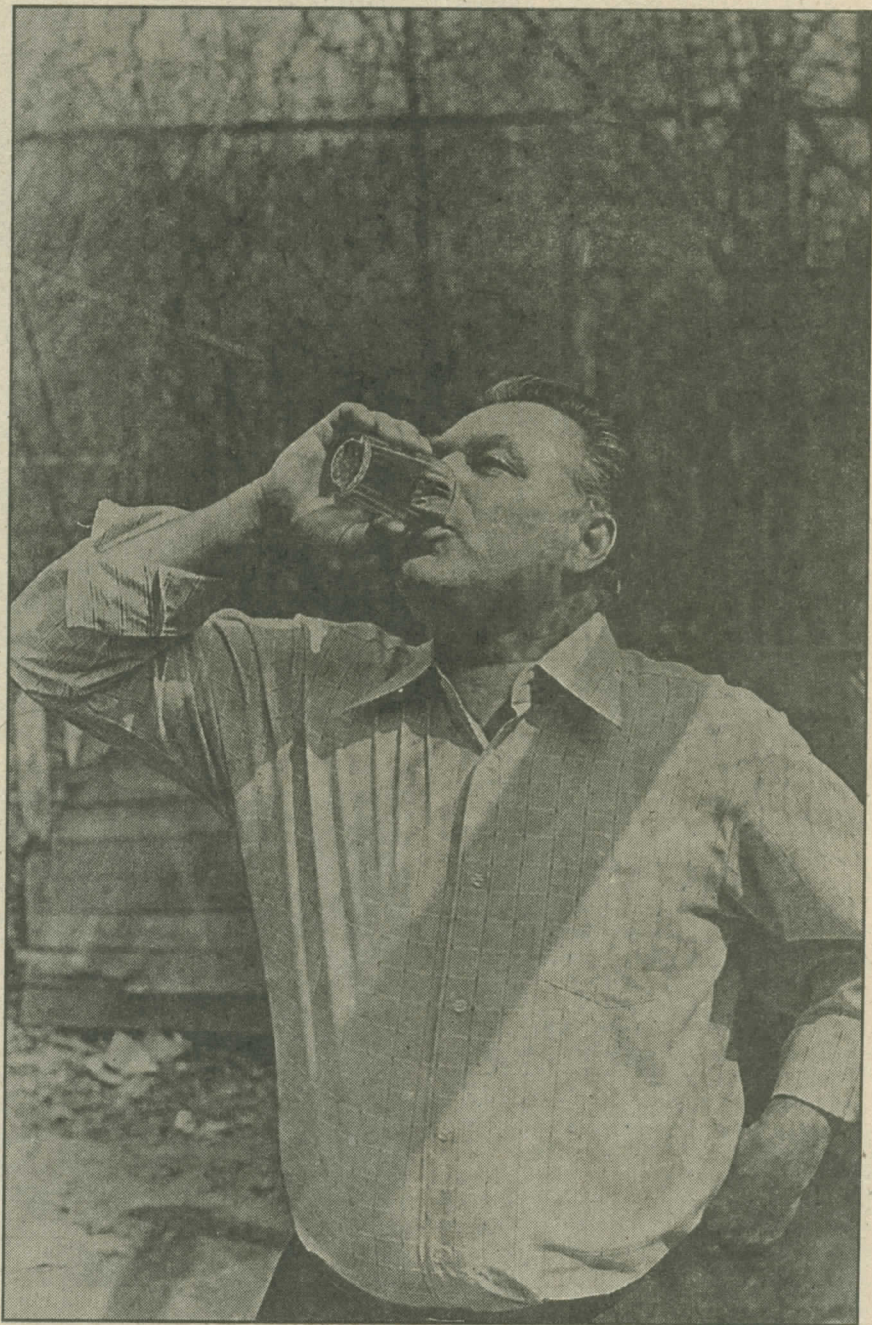
В магазине, после повышения цен, наконец-то появилось мясо. Но вместе с мясом к прилавку выполз в стельку пьяный мясник. В руках он крепко держал топор:

— Эй, мужик, стой! Я тебе не то мясо положил!

Испуганному покупателю уже не надо мяса, ему надо, чтобы невменяемый мясник не перевалялся через витрину и не отрубил у него кусок руки или ноги. Он бежит прочь к выходу. Вослед несет рев:

— Стой, кому говорю! Я тебя обманул на четыре рубля!..

Цены, взвинченные последним правительством, сделали свое черное дело. Гражданин не в состоянии

купить себе пальто или, страшно подумать, ковер. Зато он пока в силах приобрести бутылку водки. Если, разумеется, есть талон. Талонов пока хватает.

И почему-то психика устроена так, что от этого положения собственной беспомощности и безысходности выпить хочется еще больше. То есть вообще надраться в стельку, чтобы обо всем забыть. Народ считается с этим законом психики и успешно претворяет его в жизнь.

Указ от 1985 года, еще недавно сдерживающий гигантскую пружину дефицита алкоголя, исчез с лица земли. И пружина начала распрямляться с фантастической скоростью. И вот уже магазины и ларьки столицы полны всевозможных бутылок и бутылочек по коммерческим расценкам. Ошалелый народ от счастья выкладывает за них свои последние рубли.

Не уверен, что в любом другом языке найдется такое же великое множество аналогов слов и выражений, посвященных процессу питья. Хряпнуть, дерябнуть, бухнуть, залить глаза, быть под мухой, поддавать — этот ряд можно продолжать до бесконечности.

Советская экономика во все времена неусыпно следила за тем, чтобы потребителю было что пить, ничего более постоянного, кроме вина и водки, она предложить просто не могла. Наш гражданин был досыта накормлен обещаниями и до положения риз напоен сивухой. Такое изумительное меню заранее определяло физиологический эффект — неминуемую смерть. Но русский человек живуч до неприличия — он не умирал, а впадал в некую мало изученную биоформу — бытовое пьянство.

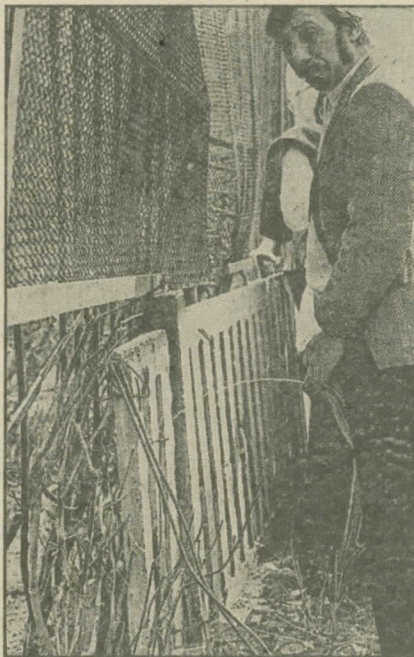
Кто пьет сильнее? Аграрий или горожанин, интеллигент или шахтер, партийный или сочувствующий, мужчина или женщина? Грань между социальными слоями стирается все быстрее, и, может быть, наконец-то свершится золотая мечта доморощенных идеологов — выродится на свет монолитная общность под чудным названием «советский народ». Вдруг тогда и наступит то самое светлое будущее? А если и наступит, то как его лучше разглядеть? Может, сквозь грань знаменитого стакана?

Что мы там увидим, сказать трудно. А если и различим что-то, то скорее всего — вздрогнем.

Михаил МАСЛОВ

Постоянный автор постоянной рубрики «Столицы» о новостях искусства («Дневник И.») должен был, как всегда, написать рецензию на новый фильм. Однако в силу некоторых обстоятельств вместо этого у него родился следующий опус.

РЕЦЕНЗИЯ НА ВОДКУ

Вот, к примеру, водка. Какое она имеет отношение к искусству? Казалось бы — никакого. А, однако, без нее — никуда. Особенно теперь, когда талоны глупо не отovarивать и «огненная вода» приобретает не целевым назначением, а как бы по разнарядке и — совершенно непривычно! — впрок. В результате в каждом приличном доме водки теперь совершенно бесцельно стоит столько, сколько никогда и не стояло. Особенно удивляет эта ее теперешняя модальность — она не разливается, не пьется, а именно что стоит себе — и все. Но в связи с бутылочным дефицитом в конце месяца возникает трагическая дилемма — пустых бутылок нет, а следовательно, хочешь — не хочешь, выпей все и — не пропадать же талонам! — восполняй запас.

На днях, выпивая не использованную за месяц водку, которая оказалась невероятно гадка на вкус и цвет имела не водочный, а, прямо

скажем, несколько водопроводный, с желтизной, я заинтересовался пробкой с «выходными данными». Столь отвратительное пойло заносит в столицу нашей Родины городгерой Москву из коварного города Ростова-на-Дону неведомыми путями и, видимо, с циничной целью проверить геройство Третьего Рима.

Пьется эта водка с гадливой гримасой, послевкусие оставляет по себе недоброкачественное. Мало того, запах ее отшибить не удастся даже проверенными в боях солеными огурцами. Хмель оказывается предательски двуличным — сначала как бы тянет в сон, затем наступает часа на два состояние отупелой просветленности. Но самое страшное возникает спустя часа три. Водка, скорее всего, таинствен-

ным образом «доходит» в желудке, и, когда выпивший уже ничего подобного не ждет, его настигает смертельное опьянение, вплоть до полного выпадения из реальности в бред.

Все это в комплексе сделало невозможным просмотр нового художественного фильма, на который я должен был написать рецензию. Исходя из вышесказанного, мне, скромному и праздному наблюдателю кинопроцесса, пришлось отрецензировать водку, поскольку неведомы пути провидения.

Саша КИСЕЛЕВ

Ставропольский край

**БОМЖИ НАШИ.
А РАБСТВО — КАК В
АФРИКЕ**

Классикам марксизма-ленинизма не давал в свое время покоя факт эксплуатации человека человеком. Но их наверняка сразила бы информация о том, что в самой гуманной стране, в одном из самых богатых краев этой страны — Ставропольском — процветает рабство.

Рабский труд используется в высокогорных кошарах разбогатевшими на мясном дефиците хозяевами одной-двух отар овец. А рабами становятся бомжи. Хитрые рабовладельцы заманивают доверчивых рабов, суля им высокий (по мнению бомжей) заработок рублей в двести и дармовую выпивку. После чего их заковывают в кандалы, дабы не убежали, нещадно эксплуатируют — как в мире чистогана — и ничего не платят. Правда, как и было обещано, регулярно дают выпить — чтобы бомжи совсем не затосковали.

Местным правоохранительным органам все это известно, однако собирать бомжей из неволи никто не собирается. Милиционеры объясняют свою нетерпливость тем, что кошары находятся в труднодоступных местах, куда никакая машина не проедет. К тому же хозяева отар вооружены и готовы на все...

Сергей БОНДАРЬ

Новосибирская область

**«ТЯЖЕЛО В ДЕРЕВНЕ
БЕЗ ТАНКЕТКИ», —**

считает Леонид Власов из села Ново-Шиловское. Приехав недавно на покос, он застал на своей делянке армейский взвод с техникой и палатками. Солдаты, понятное дело, готовились вступить «повоевать» в летних полевых условиях, и их командир наотрез отказался сменить место дислокации, сославшись на приказ вышестоящего подполковника Колесникова.

«Мне бы хоть заваливший БТР с пулеметом, — мечтает крестьянин, — иначе коровенку не прокормить».

Юрий КОЗЛОВ

Воронеж

ЯДРЕННЕЕ ДУСТА

Нормальному человеку на трезвую голову это пить нельзя. Если только в последней стадии опьянения угораздит...

Во-первых, от него тошнотворно шибает сивухой, во-вторых, во рту начинает гореть и вязать одновременно, в-третьих, с первым стаканом соображение моментально отключается. Анализы, проведенные судебно-медицинской экспертизой,

показали: в данном «шмурдяке» 30,4% этилового спирта. Есть этилацетат, пропанол, метанол — словом, всего по чуть-чуть из того, что парализует нервную систему и приближает наш смертный час.

Разливают напиток в Воронеже, а исходный материал — 2 миллиона поллитровок в год везут из Азербайджана. При разливе происходит вопиющее нарушение технологии производства: то, что предназначено для коньяка при условии выдержки три-четыре года, разливают моментально с добавлением «ускорителей». Если, считают медики, перейти на выпуск только этого напитка, то в городе через год не останется ни одного алкоголика — вымрут.

Остается добавить, что употребление ядренного пойла бьет не только по мозгам, но и по карману: стоимость поллитровки — 16 рублей.

Александр СТЕКЛОВ

Москва

СПОРТ ДЛЯ «ЗЕЛЕННЫХ»

Почти каждый день проходят презентации по самым различным поводам, и, несмотря на обилие шампанского, все от них уже несколько устали.

Недавняя презентация в Крылатском все же несколько отличалась от остальных, поскольку это была презентация нового вида спорта. Он называется экоспорт — спорт экологически чистый, несмотря на то, что применяется техника.

Вообще экоспорт достаточно своеобразен — этаким триатлон на земле, воде и в воздухе. Причем технику, призвав на помощь фантазию, можно выбирать произвольно. Выглядит это так: не касаясь телом воды, надо на облегченной конструкции проплыть какое-то расстояние, затем взобраться, например, на роликах на возвышение и слететь оттуда на парашюте. Говорят, незабываемые ощущения.

Алексей ЗАВГОРОДНИЙ

Брянск

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ

Необычный вор объявился в поликлинике производственного объединения «Брянский автомобильный завод». Медперсонал заметил, что ежедневно исчезает с десяток баночек с, извините, анализами пациентов. Оказалось, что на этих самых баночках делал бизнес пациент наркологического отделения этой же поликлиники. Он сдавал их в обычный пункт стеклотары, предвительно вылив содержимое из банки и — вот молодец! — вымыл ее.

Бизнес получился неплохой — на опохмел хватало.

Александр СТОКЛАСКА

Сочи

ГРАЖДАНЕ ПРИЕЗЖАЮЩИЕ! РЕСТОРАН — НАЛЕВО. ГРАЖДАНЕ ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ! КИПЯТОК — НАПРАВО

Удовольствия курортной жизни дорожают с потрясающей скоростью. Никого уже не удивляет путевка в пансионат средней руки стоимостью

в полторы тысячи или пятьдесят целковых за комнату в сутки.

Свою лепту в «стрижку» богатеньких курортников внесли и местные власти, введя своеобразный «налог с полетов», довольно враждебно встреченный отъезжающей из Сочи публикой. Отныне каждый, кто покидает благословенный край посредством Аэрофлота, обязан внести в кассу местного аэропорта пять рублей. Без соответствующей квитанции вас просто не пустят в самолет.

Довелось присутствовать при душераздирающей сцене: мамаша с ребенком и без копейки денег в кармане (кошелек — в чемодане, чемодан — в багаже) безуспешно пыталась пробраться к выходу на посадку. Работники аэропорта были непреклонны. Спасибо, помог какой-то сердобольный мужчина: одолжил искомую пятерку...

Вырученные таким вот экзотическим способом средства направляются на строительство нового здания аэровокзала. Обещают, что это будет нечто потрясающее: море огней, движущиеся тротуары, европейский сервис, удобства, как в Ле Бурже или даже еще лучше... Красиво жить не запретишь. Тем более — за чужой счет...

Константин ФИШЕР

Архангельск

ДЕПУТАТСКИЕ ЗАМАШКИ

Статьи за мелкое хулиганство и сопротивление милиции грозят депутату Архангельского горсовета Владимиру Наталину. После семейного скандала он напился, наглотался таблеток, пытаясь покончить с собой, и заперся в квартире. А когда прибыл наряд милиции, вылез в окно, по пожарной лестнице забрался на крышу и при этом вопил, чтобы его застрелили.

Больше мятежный Владимир ничего не помнит: как сиганул с крыши двухэтажного дома, как матерился, наносил удары милиционерам и угрожал им неприятностями, как разбил плафон в «дежурке», бился головой о решетки. Пришлось успокаивать депутата «Черемухой» и надеть наручники.

Да, после такого политическую ка-

рьеру Наталина (а ему нет даже двадцати) можно считать завершенной.

Материалы о случившемся переданы в районную прокуратуру. Но поскольку существует такое понятие, как депутатская неприкосновенность, для того чтобы возбудить против Наталина дело, необходимо решение сессии горсовета. А как показала жизнь, горсовет не спешит отдавать в руки правосудия расхулиганившихся депутатов.

Александр МАКЕДОНСКИЙ

Осколки собирала Елена
Аверина
Рисовал Константин Рыбалко

Наш телефон: 928-70-79

КТО ТЕБЯ ВЫДУМАЛ — «НАРОДНЫЙ БОЛЬШЕВИЗМ»?

Летом, в дни триумфа кравчевского ТВ, программа «Время» предоставила слово Л.Аннинскому. Суть его выступления заключалась в том, что во всех наших бедах виноваты не большевики, не какие-то там жидомасоны, не Ленин, Троцкий или Сталин, а виноват сам народ русский, его исконный, стихийный большевизм, его азиатская психология. Надо сказать, подобные взгляды развивает, мягко говоря, «нелюбимый» прежним ЦТ и Юрий Афанасьев. Например: «...большевизму партийному предшествовал большевизм народный... Мы участники более глубинного крушения, чем октябрьское. Произошел крах того, что я назвал бы евразийской цивилизацией». И еще: «...большевизму ленинскому предшествовал большевизм народный. Именно этот последний стал основой невиданного массового насилия. Именно он же продолжает оставаться и сегодня основой для сохранения у нас авторитарных властных структур».

Пропагандой взглядов Ю.Афанасьева ЦТ, естественно, не занималось, а вот Л.Аннинскому слово было предоставлено, да еще «по высшему рангу». С чего бы это? Аннинский, на мой взгляд, весьма удачно «актуализировал» построения Афанасьева, популярно разъяснив зрителям, что и в неудачах последних лет повинны не те, кто нами руководил, а опять же мы сами, наши отсталые взгляды. Власть давно либерализовалась, демократизировалась, а вот массы не приемлют ни рынок, ни демократию — вот такими примерно словами он закончил свое выступление. Плачевные результаты перестройки получают исчерпывающее объяснение и конкретного виновника. Понятно, что такую находку ЦТ упустить не могло...

Думаю, что взгляды Ю.Афанасьева и Л.Аннинского можно оценивать как одну общую концепцию об исключительном, ни у каких других народов, вероятно, не встречающемся свойстве русского народа — неприятности им нормальных, цивилизованных, эволюционных путей развития, равно как и его носителей («деловых людей»), склонности к кровавому

Рис. В. Плотникова

бунту, насилию, грабежу. Что и означает, очевидно, «народный большевизм».

Такой взгляд на вещи должен, казалось бы, радовать всех, так или иначе «уличенных» в жидомасонстве — вроде бы реабилитация им выходит. Но что-то нет радости... Концепция эта не оставляет надежд на лучшую судьбу страны, ибо, если все дело в свойствах народного характера, то сколько поколений

должно смениться, чтобы он стал иным? А история вряд ли отпустит России дополнительно к уже потеряному времени. Неспособная к изменениям в быстро меняющемся мире страна исчезнет с лица земли. Если все так уж плохо, странно, зачем сам Ю.Афанасьев бьется за перемены? Все обречено...

Понятно, конечно: если истина неприятна, она еще не перестает от этого быть истиной. И главное, ко-

нечно, имеются ли основания для построенной Афанасьевым и Аннинским мрачной концепции? Несмотря на ее внешнюю правдоподобность, на то, что ее маститые авторы имели еще более маститых предшественников в лице Н.А.Бердяева и даже А.С.Пушкина, она представляется все же ложной.

Надо сказать, концепция эта, выстроенная людьми, относящимися к левому флангу нашего политического спектра, причудливым образом смыкается с построениями наших «правофланговых», национал-патриотов. Ведь и тут, и там речь идет об исключительности, ни на кого не похожести русского народа, и не так уж важно, что этой исключительности приписывается в одном случае положительный, в другом — отрицательный знак.

Пушкин писал о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном», под впечатлением от жестокостей пугачевского восстания, которое он детально изучал. Но кто возьмется доказать, что при столь же скрупулезном знакомстве с реалиями случившегося вскоре после пугачевщины «французского бунта» он посчитал бы его менее «бессмысленным и беспощадным»? Жестокость Великой французской революции общеизвестна. Что касается ее «смысла», то в самой Франции в канун 200-летия революции появилась масса работ, доказывающих, что конечные ее результаты могли быть достигнуты успешнее и с меньшими жертвами в ходе эволюционного развития. Кто бы, кстати, взялся объяснить, якобинство Робеспьера и Марата возникло как-то спонтанно или тоже выросло из «народного яacobинства» французов?

Обратимся, однако, к России. Определенная восприимчивость к большевизму, идущая, в частности, от уравнилельных традиций крестьянской общины, в России, конечно, была. Но не она сыграла определяющую роль в превращении страны в опытное поле социалистических доктрин. Говорить о природной склонности русских к кровавому бунту так же неверно и оскорбительно, как считать немцев от природы склонными к геноциду против других народов. Мы же имеем случай убедиться в том, что изменение условий в Германии, точнее, в ФРГ, за короткий срок в корне изменило психологию немцев. Вывод этот замечательно оттеняется ситуацией в бывшей ГДР: там тотали-

таризм после краха гитлеровского рейха лишь сменил свою окраску, соответственно и психология немцев в этой части Германии мало в чем изменилась, и после падения «красного» режима там снова густо выступила коричневая краска. Восприимчивость русских к большевизму в 1917 году, так же как и немцев к фашизму, несколько позднее или французам к якобинскому террору на столетие с лишним раньше, — все это следствия не природной «испорченности» названных народов, а результат конкретных исторических обстоятельств, сложившихся в каждой из этих стран. Не надо забывать и о том, что безумие в каждом из этих случаев охватывало далеко не все население.

Едва ли не каждая европейская страна прошла через периоды самоистребления народа. В России это случилось просто несколько позднее, и то, что вакханалия приняла здесь невиданные ранее масштабы, связано опять же не с характером народа, а с особенностями исторического момента, на который она пришлась.

Момент этот характеризовался двумя главными обстоятельствами. Первое из них состояло в том, что к рубежу XIX—XX веков «подспела» группа стран (Германия, Россия, Италия, Япония), которые в силу разных исторических причин ранее отставали в своем экономическом (и социальном) развитии от более удачливых соседей, а теперь поставили перед собой задачу «догнать и перегнать». Второе — и еще более важное — обстоятельство заключалось в том, что примерно к этому же времени во всех промышленно развитых (или развивающихся) странах колоссально возрос слой полуобразованных людей, готовых перегрызть горло своим более образованным согражданам в борьбе за власть и материальные блага. Неграмотный крестьянин, как правило, не мыслил себя ровней образованному дворянину, а недоучившийся разночинец или пролетарий был уверен, что только случайные обстоятельства поставили его ниже сильных мира сего. Известно, в частности, что в Октябрьской революции большую роль сыграли низшие слои интеллигенции: техники, телеграфисты, армейские прапорщики и пр.

Полуобразованные, аутсайдерские слои населения создали свою идеологию — различные социалисти-

ческие учения, центральным пунктом которых была, естественно, идея о «равенстве». Социалистические учения и раньше бродили по Европе, но начиная с середины XIX века они впервые получили массовую социальную базу. Особое развитие они получили в странах-аутсайдерах, и именно эти страны в XX веке прошли через кровавые драмы.

В Англии, Франции социалистические утопии не могли стать реальностью не в силу исконной невосприимчивости их народов к идеям уравнилельности, а потому, что эти страны успели пройти опасную точку повышенных социальных притязаний социальных аутсайдеров раньше, чем социалистическая доктрина в достаточной степени сформировалась. А когда она сформировалась, эти страны могли уже позволить себе выделять больше средств на улучшение положения трудящихся масс. И, что особенно важно, на повышение их образования. К тому же пар в некоторых европейских странах был выпущен в ходе буржуазных революций. Да и то — во Франции была Парижская коммуна. А что касается Англии, то даже такой пронизательный человек, как Дж.Оруэлл, допускал, при определенных условиях, «торжество социализма» и в этой старейшей из существующих демократий.

В странах-аутсайдерах средства и усилия концентрировались на решении задачи «догнать». Положение классов (социальных слоев)-аутсайдеров там было хуже. Таким образом, оба важных обстоятельства исторического момента в них наложились друг на друга, образовали социальную «гремучую смесь».

В силу ряда причин — возросшей плотности населения, концентрации недовольных в крупных городах, развития средств коммуникации — драмы XX века намного превосшли по своим масштабам междоусобицы прошлых эпох. Особую кровавость конфликтам XX века придала их предельная идеологизированность.

Но почему даже на этом весьма кровавом фоне особо выделяется российская драма? И почему социалистическая доктрина, выработанная на Западе, там не прижилась, а дала ядовитые всходы только в России? России (а вместе с ней и всему человечеству) просто крупно не повезло. На ней все «сошлось».

Эволюция может идти приближительно в одном направлении и оди-

наковыми темпами в целом ряде стран. Революционные же катаклизмы, вообще крупнейшие события, круто меняющие ход истории, — «изделия» штучные. Общие условия для взрыва, крутого поворота могут существовать во многих странах, но в большинстве из них недостает то одного, то другого «пустячка», и только там, где все «пустячки» сошлись одновременно, взрыв или поворот происходят.

О том, каких «пустячков» не хватало в Англии или Франции, мы говорили выше. Что же касается Германии или Италии, то там социалистическая доктрина, вообще говоря, не пропала втуне. В этих странах к ней была «прищеплена» национальная доктрина и получился славный гибрид национал-социализма. Что национал-

социализм имел социалистическую составляющую не только в названии, не вызывает сомнений. И немецкий, и итальянский фашизм широко спекулировал на идеях уравнительности, «социальной справедливости», метал грома и молнии в адрес «мирового капитала» и т.д. и т.п. Но самое пикантное состоит в том, что и другая составляющая национал-социализма могла кое-что заимствовать у основоположников марксизма. Вот несколько выдержек из статьи Ф.Энгельса «Демократический панславизм»: «Славяне... постоянно служили главным орудием контрреволюции»; «Мы уже доказали, что подобные маленькие национальности (речь идет о южных и западных славянах. — И.З.)... неизбежно должны быть контрреволюционными»; «...немцы и мадьяры соединили все эти маленькие, хилые и бессильные национальности в одно большое государство и тем самым сделали их способными принять участие в историческом развитии, которому они, предоставленные сами себе, остались бы совершенно чужды. Конечно, при этом не обходится без того, чтобы не растоптали несколько нежных национальных цветков. Но без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается, и если бы Александр, Цезарь и Наполеон отличались таким же мягкосердечием, к которому ныне апеллируют панслависты... что стало бы тогда с Историей!»; «Немцы снова отвоевали у славян... область от Эльбы до Варты... Что указанное завоевание было в интересах цивилизации, — это никто до сих пор не

оспаривал»; «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью (подчеркнуто Ф.Энгельсом)... Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам».

В заключение еще одна выдержка из другой работы того же автора — «Борьба в Венгрии»: «...при первом же победоносном восстании французского пролетариата... австрийские немцы и мадьяры освободятся и кровавой мстостью отплатят славянским варварам. Всеобщая война, которая тогда вспыхнет, рассеет этот славянский Зондербунд и сотрет с лица земли даже имя этих упрямых маленьких наций. В ближайшей мировой войне с лица земли исчезнут не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы. И это тоже будет прогрессом».

Целый ряд работ этого «интернационалиста» прямо-таки пронизан ненавистью к русским (заметьте — не к самодержавию, о нем нигде и не говорится, а именно к русским), русинам (т.е., по существу, к украинцам), чехам, хорватам, ко всем славянам. Красной нитью через них проходит мысль о цивилизаторской, культуртрегерской миссии немцев, их завоевательные походы объявляются благом для завоеванных народов и для всего человечества. Точно так же благом для цивилизации объявляется завоевание американцами Техаса и Калифорнии у «ленивых мексиканцев». Малые народы по этой теории оказываются вообще тормозом на пути прогресса, ибо препятствуют столь милой сердцу автора централизации. Все народы поделены на ленивых и деятельных, реакционных и прогрессивных, революционных и контрреволюционных. Было на кого опереться и Гитлеру с его делением народов на полноценные и неполноценные, и Сталину, объявившему целые народы «предателями»...

О сходстве, точнее — идентичности, тактических методов борьбы марксистов-большевиков и национал-социалистов говорить не приходится. Передо мной — выдержка из

выступления Н.Бухарина на XII съезде ВКП(б): «Характерным для методов фашистской борьбы является то, что они больше, чем какая бы то ни было партия, усвоили себе и применяют на практике опыт русской революции. Если их рассматривать... с точки зрения техники их политических приемов, то это полное применение большевистской тактики и специально русского большевизма в смысле быстрого собирания сил, энергичного действия очень крепко сколоченной военной организации... и беспощадного уничтожения противника, когда это нужно и когда это вызывается обстоятельствами». Сходство в тактике не было случайным, оно вытекало из сходства моральных принципов, точнее — их отсутствия.

Таким образом, можно сказать, что «три составные части» национал-социализма — социальная демагогия, называемая социализмом, «теория» расизма и тактика, исходящая из тезиса «цель оправдывает средства», — все они имеют корни в марксизме и большевизме.

Так что не совсем правы те, кто, пытаясь доказать русскую природу большевизма, вопрошает: почему эта социалистическая доктрина, сформированная на Западе, реализовалась только в России? Доктрина эта, пусть и в искаженном виде, реализовалась и на своей родине — в Германии, а также в Италии. Замечу: когда Н.Бердяев писал в 1918 году свой очерк «Духи русской революции» и когда в то же самое время И.Павлов выступал с лекцией «О русском уме» (с которой нас, недавно, 31 июля, познакомила «ЛГ»), они еще не знали, что вскоре в цивилизованной, свобододобивой, прагматичной Европе произойдут события, по своей жестокости, иррациональности мало чем отличающиеся от случившегося в рабской, пропитанной духом близости (Н.Бердяев) и пустой мечтательности (И.Павлов) России.

Заметим еще следующее. Энгельс и Гитлер утверждали превосходство своей нации — немцев над славянами. Бердяев, Павлов, Афанасьев, Аннинский, напротив, говорят об ущербности собственной нации. Такая позиция выглядит, может быть, более благоразумной, но она столь же неверна и вредна. Нет наций заведомо, от природы, плохих и хороших, реакционных и прогрессивных, большевистских и антибольшевистских. Еще одно доказа-

тельство тому — сравнение оценок, которые дают русским Энгельс и Бердяев. Первый называет русских «самой контрреволюционной нацией Европы», а второй, по сути, самой революционной, большевистской. Но между двумя оценками — менее 70 лет, т.е. не более жизни одного поколения. За такое время народный характер, национальная психология не могут в корне измениться! Меняются исторические обстоятельства...

Но все же если Россия вместе с Германией и Италией входила в число стран-аутсайдеров, то почему социалистическая революция в ее «чистом» виде восторжествовала только в России? Сыграло роль, видимо, то обстоятельство, что Германия и Италия оказались «обделенными» колониальными владениями, чего не скажешь о России. «Обделенность» эта рождала чувство национальной ущемленности. В Германии, как хорошо известно, чувство это стократно усилилось катастрофическим поражением в первой мировой войне и всеми последующими унижениями и тяготами, выпавшими на долю немцев. Идеи уравнительности приобрели здесь национальную аранжировку, национальные чувства перевесили классовые. Таким образом, тот факт, что Германия и Италия тоже сошли со стези социалистической революции (в ее «чистом» виде), объясняется опять же не некими трансцендентными отличиями немцев или итальянцев от русских, а отличием исторической обстановки в этих странах от ситуации в России. Кстати, как это ни покажется парадоксальным и даже кощунственным, можно сказать, что меньшие масштабы самоистребления народа в Германии и, тем более, в Италии по сравнению с Россией связаны именно с переводом социалистической революции в «революцию» национальную.

Вот так, путем исключения, по разным причинам, всех крупных европейских стран, и сложилась «штучность» русской революции, что такие ее выдающиеся современники, как Н.Бердяев и И.Павлов, приняли за фатальную неизбежность, объясняемую русским характером. Как ни важны свидетельства современников, сейчас, с высоты прожитых десятилетий, мне кажется, есть основания поставить их выводы под сомнение.

Надо сказать, России крупно не повезло еще в одном отношении.

Опубликовано достаточно данных, показывающих, что в последние 20 лет перед первой мировой войной (1893—1913 годы) экономика России развивалась такими темпами, что, сохранись они, страна к 1930 году обогнала бы Америку по промышленному производству. Из этого можно сделать вывод: случись первая мировая война на 5—7—10 лет позднее, социалистическая революция в России стала бы столь же невозможной, как в Англии, Франции, США, — не было бы для нее «горючего». Далее, даже при тех условиях, которые реально существовали в России в 1917 году, как бы ни катилось по ней «красное колесо», октябрьский переворот был бы невозможен без ленинского гения — гения тактики, гения захвата и удержания власти, не обремененного к тому же правилами общечеловеческой, или «буржуазной», морали. Ленин очень точно чувствовал ситуацию момента и не зря неоднократно повторил: «Вчера было рано, завтра будет поздно».

Таким образом, признать социалистическую революцию в России «русской и национальной» (Бердяев) можно лишь в том ограниченном смысле, что ее никто «специально» в Россию не экспортировал. Но считать ее плодом специфически русского «народного большевизма» нет оснований. Обратимся еще раз к приведенным выше наставлениям Энгельса: «...без насилия, неумолимой беспощадности ничто в истории не делается». Именно эту эстафетную палочку принял русский большевик Н.Бухарин, который был почти рад тому, что эстафету «беспощадного уничтожения» противника, когда это нужно» подхватили дальше, на родине Энгельса. Вот такое «взаимообогащение». Потому не стоит списывать едва ли не все на «беспощадный русский бунт».

Русская революция — результат стечения целого ряда обстоятельств, в разной мере случайных, без любого из которых она бы, скорее всего, не произошла. Такое случается, возможно, не чаще, чем раз в тысячу лет, и вот — пришлось на Россию...

Были в России неприятие рынка, частной собственности, демократических порядков, но — были и рынок, и частная собственность, и впечатляющее движение (дай Бог нам такое) к демократии (суд присяжных, земства, создание партий и

пр.). Без всего этого вряд ли возможен был тот экономический взлет, о котором говорилось выше. А нынешний «народный большевизм» — не столько исконное качество народа, сколько благоприобретенное за 70 лет большевизма ленинского. Прессинг-то шел по всему полному народного духа... Но посмотрите: только стала меняться атмосфера в стране, взгляды людей тоже стали трансформироваться, даже к ненавистным ранее отечественным миллионерам уже отношение иное.

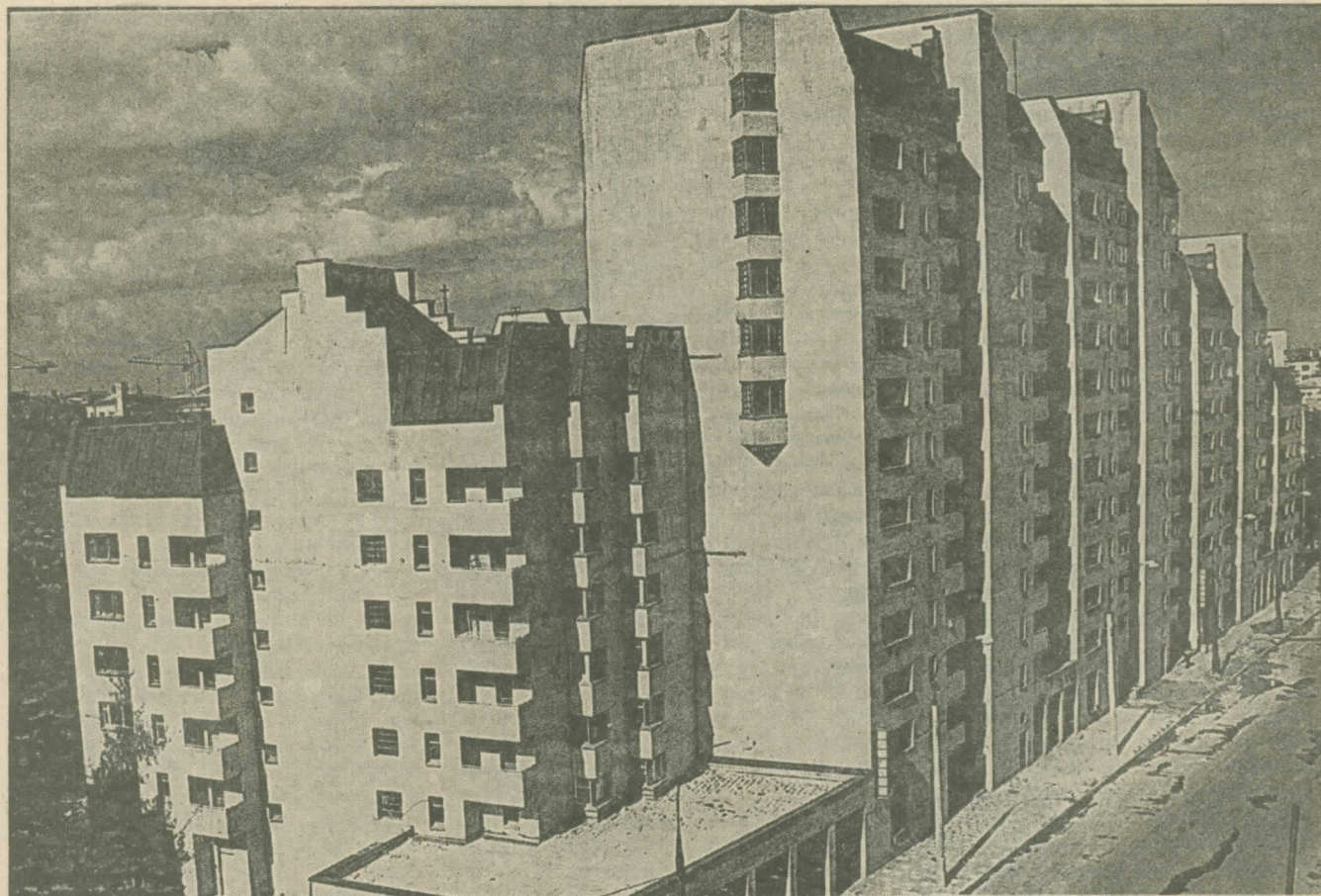
Еще одно замечание — по поводу тезиса Ю.Афанасьева о «крахе евразийской цивилизации». Тезис этот подразумевает, очевидно, что европейская цивилизация в России была «подпорчена» азиатчиной. Но тогда, выходит, чисто азиатские цивилизации тем более должны были потерпеть крах. Между тем на наших глазах происходит подъем доброго десятка азиатских стран. Могут сказать, что это достигнуто ценой отказа народов этих стран от собственного лица. Но разве японцы перестали быть японцами? И если преодолена «народная азиатскость», то и «народный большевизм» не есть нечто фатальное...

Пора перестать твердить народу, остановившему реакцию, защитившему от танков законную власть, о его «большевизме», как и о его исключительности вообще, независимо от приписываемого ей знака. Русские, конечно, самобытный народ, отличающийся от французов и японцев, турок и поляков, но не больше, чем каждый из этих народов отличается друг от друга. И если названные, очень непохожие, народы, как и десятки других, смогли в разное время и в разных обстоятельствах стать на путь общечеловеческой цивилизации, то путь этот не заказан русскому народу, как и всем другим народам. Ничто не может в большей степени увеличить страдания при переходе на этот путь, чем концепции национальной исключительности, независимо от благих или не очень благих намерений их авторов.

Хватит с нас пессимизма — социального, национального, любого...

Израиль ЗАЙДМАН,
кандидат технических наук

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МОМ

Дом — это образ мыслей. Потому что если человек имеет жилище хорошее и просторное, он рассуждает о красивом и вечном, жизнь его легка и независима. Существует даже количественное отношение жилых метров к полету мысли: чем площадь просторнее, тем охотнее думается о непростом, об отношении бытия к сознанию, и хочется возлюбить ближнего, и посадить дерево, и отдать что-нибудь в Фонд мира. Как ни крутите, не еда и не демократия делают человека человеком, а квадратные метры и собственная комната, отдельный санузел, вместительная кухня, большая прихожая... Вот они, чаяния советс-

кого народа, вот она, сокровенная цель, которой посвящается большая часть жизни и здоровья, которая «съедает» невозстановимые нервные клетки почти без остатка. Хорошая квартира! Это стоит игры по-крупному.

Вот такую игру начали несколько семей — очередников Фрунзенского района. В очереди они стояли давно и безрезультатно, а жили в коммуналках «под снос». Жили плохо. Их существование было наполнено всеми прелестями коммунального «рая», причем разрушающегося: от сырости отлетала штукатурка и росла плесень, все шаталось и отрывалось, а одна беременная женщина

чуть не погибла, выходя из коммунального туалета: под ней целиком провалился пол. К счастью, будущая мать отделалась легким испугом.

Надежда на новую квартиру у этих людей была давней и почти несбыточной. Жилье в новостройках им давать не спешили, а в центре — сами знаете — если что и строится, то рассчитанное отнюдь не на очередников.

И вот, устав ждать милости от системы, измученные очередники решились на скандальный и дерзкий шаг. Они самовольно вселились в один подъезд достраивающегося дома №1 корпус Г на улице Александра Невского (напротив Фрун-

зенского райисполкома). Этот большой кирпичный дом оригинальной архитектуры строило специализированное монтажное управление Министерства общего машиностроения. Официальным заказчиком был сам МОМ, но существуют подозрения, что истинный заказчик — какая-то другая «контора». Кстати, неясно, и сколько стоит дом — в акте приемки здания против графы «сметная стоимость дома» — пустота. Много, много тайн и интриг кроется в этом — не побоюсь метафоры — дворце...

Так вот о заказчике. В любом случае он богат и не без выдумки. «Захватчики» прямо из своих хижин попали в роскошные апартаменты с двумя туалетами и балконами, с невероятным количеством метров и огромными кладовками. Всех «добило» беде. Поначалу «захватчики» пребывали в состоянии эйфории и все бегали посмотреть на многочисленные казенные «членовозы», заполняющие двор по утрам, на соседней — Ю. Лужкова, уезжающего на работу, И. Смоктуновского, отдыхающего в собственном солярии в доме напротив, на легендарного генерала Родионова или на бывшего председателя Фрунзенского исполкома Фетисова (видимо, в своем районе он оказался самым нуждающимся, если поставил себя первым в очереди на жилье). К хорошему привыкаешь быстро. И вот «захватчики» отремонтировали новое жилье и даже перетасили вещи. И вот уже водят по квартирам, как по музею, родственников и сослуживцев, и шаги их гулко раздаются в неестественных просторах апартаментов... Но не забыли и о предосторожности: дверь подъезда открывали собственными ключами (в остальное время она была наглухо закрыта), из окна постоянно выглядывал «дежурный», который смотрел, не идет ли чужак.

Нельзя сказать, что власти обрадовались этому захвату. Первая попытка выселения случилась сразу после заселения, но была доблестно отражена. После чего собралась депутатская комиссия, постановившая, что вопрос должен решаться в судебном порядке, так как у каждого из захватчиков «особый случай» и вообще нарушили они не закон (по закону им давно были положены нормальные квартиры), а лишь положение о порядке предоставления и распределения жилой площади.

Настоящая борьба началась после сдачи дома, в начале июня. Правда, к этому времени десять семей прописали-таки в роскошном доме, а четырем дали хорошие квартиры в другом месте. Но после такой щедрости власти решили не отдавать захватчикам (а их осталось восемь семей) ни сантиметра элитарного дома.

Не буду описывать хождения дерзких очередников по инстанциям вплоть до Ельцина и Попова и содержание официальных и частных бесед. Им то угрожали, то обещали войти в положение, то спрашивали, почему они сунулись именно в этот дом, а не в какую-нибудь бутовскую или ясеневскую новостройку. А они отвечали, что сунулись в хороший дом потому, что заслужили комфорт не меньше тех, на кого этот дом рассчитан. И потом, они фрунзенцы и хотят и дальше жить в своем районе.

В один прекрасный день «захватчики» даже получили бумагу, извещающую, что 9 июля состоится выселение. Дескать, просьба собрать вещи. Стало известно, что выселять будут с ОМОНОм. Это ужасно взбудоражило «захватчиков». Они отправили женщин и детей к родственникам и решили биться до последнего. А один из них, инвалид афганской войны Коля Чуванов, запасся канистрой бензина с тем, чтобы поджечь ворвавшихся к нему омоновцев, себя и дом заодно. И, действительно, произошло бы нешуточное кровопролитие, но... ОМОН не приехал. И никто не приехал. «Административное выселение» решили приостановить. Людям трепали и без того уже сдавшие нервы.

И та и другая сторона решила идти до конца. «Захватчики» давно уже появлялись у себя на работе лишь эпизодически: надо сторожить дом. Без усталости сидели они в своей штаб-квартире, тянули невероятное количество сигарет и старались предугадать коварство властей. Не предугадали. Забегая вперед, скажу, что квартира в доме на Невского досталась только отчаянному Чуванову — и то потому, что «афганцы» подняли скандал. А остальным — увы, — как и следовало ожидать. Побеждает сильнейший.

Так вот, страсти накалялись. И тут очередники узнают, что Ю. Лужков, дабы погасить конфликт, распорядился дать им квартиры тоже в очень даже хорошем доме на улице Лесной.

Вечером, дождавшись Юрия Лужкова с работы, «захватчики» обступили его и запросто, по-соседски спросили, правда ли это — про Лесную. «Правда», — ответил Лужков и наполнил их сердца счастьем и благодарностью. Люди съездили на Лесную, обнаружили трехкомнатные и двухкомнатные квартиры общей площадью 110 и 80 метров. Там тоже было беде.

Но шло время, а ключей от квартиры никто не приносил.

Наконец изведенных очередников приглашают в райисполком на совещание по распределению жилой площади, где заместитель председателя райисполкома Перов сообщает, что для скандальных «захватчиков» с помощью Мосгорисполкома и Мосжилучета выделены квартиры на улице 800-летия Москвы. Не так далеко от центра. Хорошие квартиры, за валюту их рассчитывают продавать. Так что, дескать, кто из присутствующих желает — вот смотровые ордера.

И очередники согласились, предпочтя журавлю в небе синицу в руках.

Об отъезде из захваченного дома можно написать целую пьесу. Министерство общего машиностроения вызвалось помочь с переездом, пригнало разнокалиберные машины и своих инженеров в качестве грузчиков.

Но куда делась квартиры в доме на Лесной? И где документ за подписью Лужкова? В Мосжилучете говорят, что он есть, но чуть ли не для служебного пользования, и на руки не дается. Так не присвоил ли заветные квартиры тот, кто так милостиво предоставил захватчикам жилье на улице 800-летия Москвы?

Однако все прошло, каждый остался с «добычей».

И вот два глобальных результата всей этой нервной и запутанной истории. Первый: очередникам Фрунзенского района теперь отдают не 10, а 50% новых квартир на территории района. Второй: вряд ли оставят несданное элитарные новостройки без вооруженной охраны. Так что путем их захвата обратить на себя внимание и месяцев через восемь получить нормальное, полагающееся тебе по закону жилье — вместе с нервным тиком и увольнением с работы — будет трудновато...

Елена АВЕРИНА

НЕ ПОДЕЛИЛИ... ПАМЯТНИК

Знаменитый «круглый дом» архитектора Константина Мельникова в Кривоарбатском переулке уже второй год стоит в строительных лесах. Так он и встречал столетний юбилей зодчего, отмеченный ЮНЕСКО в прошлом году. Почему небольшое здание, кубатура которого меньше типового детсада, не смогли отреставрировать за такой срок?

Для начала — немного истории.

Государство в лице Моссовета и органов охраны памятников после долгих бюрократических задержек выделило средства на разработку проекта и реставрацию дома. Такое решение можно назвать исключительным, так как речь идет о реставрации за государственный счет памятника архитектуры, находящегося в частном владении. Институт «Спецпроектреставрация» разработал проект, согласованный и одобренный во всех инстанциях и отмеченный дипломом на смотре лучших проектов и построек Москвы. Союз архитекторов РСФСР еще в 1987 году выделил средства на срочный ремонт отопительной системы дома. Весной 1990 года строители приступили к реставрации.

Казалось бы, худшие времена остались позади: деньги выделены, проект сделан, к строительным работам, хоть и с опозданием, приступили. Отчего же возникла та тупиковая ситуация, которую не могут разрешить ни Моссовет, ни юристы?

Возможно, сегодня дом стоял бы уже отреставрированным и музей К.С.Мельникова готовился к открытию, если бы в марте 1990 года сын зодчего, В.К.Мельников, живущий в доме, не потребовал остановить работы. Совершенно неожиданно для всех он выразил несогласие с проектом, хотя буквально накануне активно участвовал в его осуществлении. Главное его требование: не реставрировать подлинные деревянные конструкции кровли, а заменить их новыми. Но это противоречит основному правилу реставрации — подлинные элементы памятника, если они не утрачены безвозвратно, должны быть сохранены и восстановлены. Напомню, что фермы дома в Кривоарбатском уникальны и являются единственной сохранившейся деревянной конструкцией

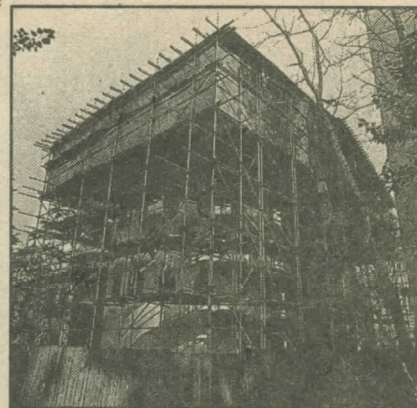
К.С.Мельникова, остальные постройки не сохранились.

Никакие объяснения, уговоры, совещания, экспертизы не изменили позиции В.К.Мельникова. Строители, простояв без дела месяц, ушли с объекта, и винить их в этом трудно.

Дополнительные сложности создает конфликт между наследниками. Все наследство, включая дом и архив мастера, принадлежит его сыну и дочери в равных долях. Однако Виктор Константинович считает себя единственным, кто имеет право им распоряжаться. Спор о разделе имущества передан в суд, но пока не решен. Людмила Константиновна Мельникова не раз подтверждала готовность передать в дар государству свою долю наследства при условии реставрации и гарантий сохранности. Ее желание сегодня не осуществляется, поскольку к дому и архиву она доступа не имеет.

В.К.Мельников и его представители в течение почти трех лет не являлись на заседания суда, а явившись, выразили недоверие судье. Это отодвинуло решение вопроса о разделе имущества на неопределенный срок.

Не за горами еще одна зима. Временная защитная кровля, установленная над домом, не рассчитана на долгую эксплуатацию и может не пережить второй зимовки. Удастся ли спасти памятник? За прошедшие полтора года в конструкциях дома могли произойти изменения. Необходимо провести новое обследование, а возможно, и разработать новый проект реставрации. Помимо этого надо как можно скорее определить правовой статус памятников архитектуры, находящихся в частном владении. Именно отсутствие четкой юридической позиции привело к тому, что органы охраны памятников оказались бессильны перед произволом наследника.

Архив К.С.Мельникова хранится в доме и нуждается в срочной профилактике и реставрации. Большая часть проектных листов готовится к отправке в ФРГ, где в 1992 году предполагается открыть выставку, посвященную К.С.Мельникову. Конечно, эта выставка представляет большой интерес и должна быть всемерно поддержана, но передача за границу такого ценного материала, как проекты К.С.Мельникова, необходимо производить с соблюдением всех правил. Должно быть получено письменное согласие обоих наследников, составлена подробная опись с указанием сохранности каждого листа, получено разрешение Министерства культуры СССР и решение суда о разделе имущества. Сейчас предпринимаются попытки вывезти проекты из страны в обход всех этих правил. Если это удастся, то не будет никакой гарантии, что они своевременно вернуться в Москву.

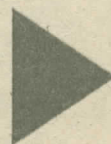
Реставрацию листов архива тоже предполагается провести в ФРГ. Однако необходимо точно знать, кто, где и по какой технологии будет выполнять эту работу. Без участия или наблюдения советских реставраторов работа над чертежами производиться ни в коем случае не должна.

Дом в Кривоарбатском переулке и бесценный архив К.С.Мельникова являются наследственной собственностью его детей, но это также и национальное достояние страны. Решение судьбы этого достояния надо взять в руки государства, иначе оно может быть утрачено навсегда.

Владимир РЕЗВИН,
директор Государственного
научно-исследовательского музея
архитектуры
им.А.В.Шушова

Этот дом, скромно именуемый «дачей», должен был стать собственностью бывшего председателя КГБ В. Крючкова. Не состоялась покупка. Но строительство особняков продолжается...

МИЛИЦИЯ

ПОКА

ИХ...

НЕ

РАЗЫСКИВАЕТ

О жилищном строительстве для представителей партийно-государственной элиты не только «Столица», но и другие независимые издания пишут регулярно — тема, увы, нестареющая.

В последнем перед путчем номере и «Куранты» поведали о «дачах» сильных мира сего в подмосковном поселке Жаворонки. Изменения за эти несколько дней в стране произошли огромные, но коснулись ли они хозяев шикарных особняков? Вот что удалось узнать журналистам Алексею Ильину и Дмитрию Баринову.

По приезду на стройку нас сразу же окружили изможденные работники.

— После вашей статьи всех солдат в гражданку переодели, только сапоги оставили. Выдали бы хоть кроссовки! Давите их, извергов, ребята! Крючкова арестовали, а дача стоит целехонька, хозяина дожидается. А вон, видишь, кран работает — это Бакланову фазенду строят. А еще несколько дачек — те «гэбэшным» и совминовским «шишкам». Они же с жиру бесятся! Приезжает один, видит — у соседа шикарной домище. И от зависти дает, гадина, указание: ломайте фундамент моей виллы, переделывайте. Да так, чтоб у соседа «крыша поехала». Им все нипочем: ведь стройматериалы-то дармовые. Кирпич прут вагонами из Смоленска и Иркутска, дефицитную черепицу привезли из Прибалтики. В смете все проходит как брак, а на самом деле — первый сорт. Даже импортную мебель уже приготовили. Сейчас она пылится в огромных складах в поселке «Октябрьский». Там же — западная сантехника, посмотришь на нее — аж дух захватывает.

А строителей «дачники» совсем не жалеют. Вкалываем по 12—14 часов.

Москвичей на стройке нет, только иногородние. Нашу бригаду каждый день на «Икарусе» из Люберец возят. Платят «северную» надбавку. Эти же деньги наши товарищи в Воркуте отработывают. Такие вот дела, мужики. Демократия победила, а «слуги народа» продолжают в масле кататься. Что ж, видно, кто рожден с лопатой, тот с ней и умрет. Да вы к Андрюхе сходите, он-то знает, чьи теремки.

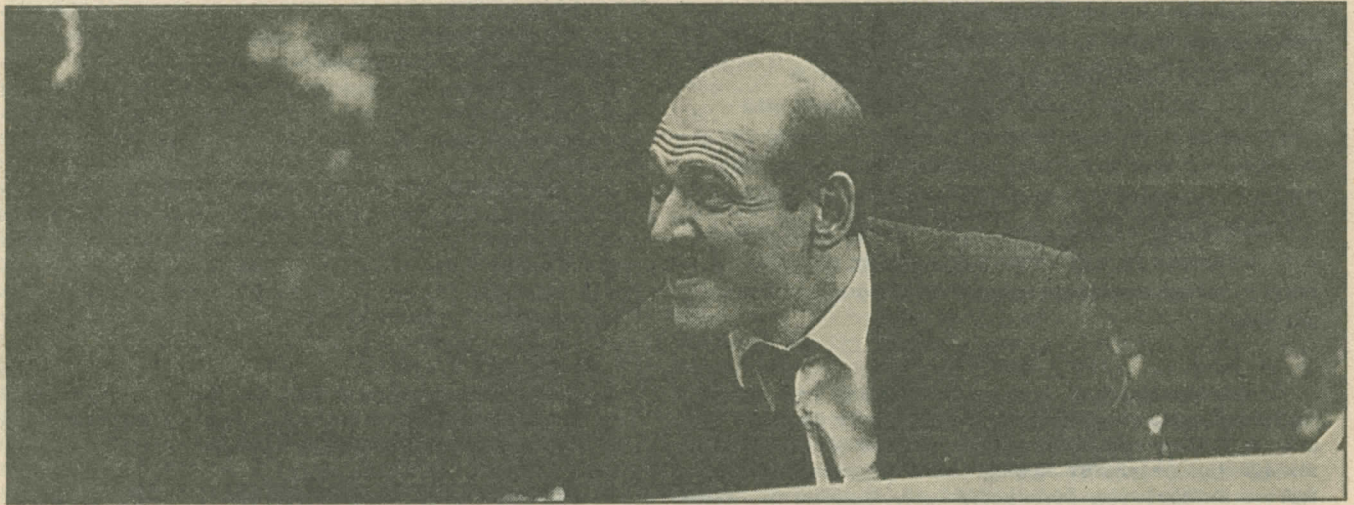
Прораб Андрей, попросивший не называть фамилию, не смог порадовать нас сведениями о всемогущих хозяевах.

— У меня, — говорит, — ребята, жена и дети маленькие кушать просят. Сказать ничего не скажу, а совет дам: приезжайте завтра часам к пяти, по вторникам и четвергам у закатчиков совещание в штабе. Да сами увидите, вся дорога в черных «Волгах» будет.

Чтобы «закосить» под своих, на следующий день мы подкатили на такой же черной «Волге» с «гэбэшными» номерами, прихватив с собой фоторужье. А вскоре показались и первые гости. Мягко прошуршал шинами шикарный «Вольво» с номером 26-26, а вслед за ним притормозила «Волжанка» с не менее странными цифрами 21-21. Хозяева вышли из машин и, брезгливо ступая в грязь, прошмыгнули в «штаб». Через пару минут подкатил вороной лимузин, шофер открыл багажник, достал... резиновые сапоги и теплые носки, затем услужливо открыл дверцу и протянул их шефу, который проследовал туда же, на секретное совещание. К сожалению, мы «засветились». Заметив фотоаппарат, водитель, закрывая лицо, побежал предупредить начальство. Те, перепугавшись, бочком прокрались к автомобилям и быстренько разъехались. Подумали, наверное, бедняги, что ими заинтересовались новые российские спецслужбы, а это было бы очень кстати. Ведь ориентировочная цена каждой дачки — всего лишь пятьдесят тысяч. Именно в эту сумму они обойдутся представителям номенклатуры. Но ни для кого не секрет, что реальная стоимость «фазенды» в десять раз больше. Так что любезно приглашаем российские правоохранительные органы посетить Жаворонки.

Уважаемые читатели! Вглядитесь в лица на снимках, может быть, кто-то узнает своих знакомых? Народ должен знать своих слуг.

Фото авторов

Григорий НИЛОВ

ПОКУШЕНИЕ НА ЛЕНИНА

В прошлом номере «Столицы» мы начали публикацию главы из книги Григория Нилова (Александра Кравцова), вышедшей в 1990 г. в Лондоне. Автор, на основе скрупулезного анализа документов и свидетельства того времени, приходит к выводу, что убийство председателя Петроградской ВЧК М.С.Урицкого и покушение на жизнь В.И.Ленина, произошедшие в один день — 30 августа 1918 года — и положившие начало красному террору, на самом деле были организованы самой ВЧК. Кому это было выгодно?

...В многочисленных советских работах по истории партии тяжесть ее положения в 1918 году и реакция власти на сложившуюся ситуацию объясняется исключительно как результат враждебного давления внешних сил — интервентов, белогвардейцев, анархистов, кулаков, эсеров... и просто «ненадежных». По вполне понятным мотивам в этом объяснении следствие если не целиком, то в значительной степени смешивается с причиной. Разумеется, подобное давление существовало, однако вспышка его активности требует ответа на естественный вопрос: почему конец 1917 года был временем почти бескровного «победного шествия Октября», а начало 1918 года — всеобщего ожесточенного ему сопротивления? Ответ достаточно ясен: в 1917 году еще не осуществились декларируемые цели, а в 1918-м уже реализовались цели истинные.

Если такой ответ еще нуждается в обосновании, то следует охарактеризовать положение партии в 1918 году как следствие ее внутренней эволюции и ее обособленных действий:

1. Разгон Учредительного собрания противопоставил партию всем демократическим силам страны. Партийным и беспартийным. Силам не малым — сумевшим год назад повалить монархию.

2. Решимость «руководящей группы Ц.К. не допустить

(Окончание. Начало в № 33, 1991. Публикуется с сокращениями.)

образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство» противопоставила партию социалистам всех оттенков.

3. Самовластие и самоуправство ленинской группы привели к резкой целевой дифференциации руководства партии, парализовав тем самым ее армейскую действенность.

4. Неизбежная при крутых экономических переворотах хозяйственная разруха, вызванный ею голод в городах, а как следствие — развертывание военного наступления на деревню и, наконец, невозможность установления прокламированного мира противопоставили партию широким народным массам:

«20 мая.

Доклад Свердлова о задачах Советов в деревне и об организации бедноты против деревенской буржуазии на заседании В.Ц.И.К.

9 июня.

Опубликовано постановление В.Ц.И.К. о мобилизации пяти возрастов в Поволжье, на Урале и в части Сибири.

11 июня.

В.Ц.И.К. принял декрет об организации комитетов деревенской бедноты.

В результате:

«В начале лета 1918 г. преобладающая часть т.н. «среднего крестьянства Саратовской губернии выступила в поддержку чехословаков, эсеров и Колчака. Даже Ленин вынужден был признать, что когда кремлевские правители потребовали передачи «излишков» государству по твердым ценам, «крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину».

Еще большую угрозу новой власти представляло растущее недовольство рабочих. Большую — хотя бы потому, что она была рядом.

«9 мая.

В тот день большинство заводов остановили работу и создали массовые митинги. Рабочие с Обухова, выслушав рассказ о колпинских событиях, приняли решение, осуждающее правительство, потребовали положить конец «коми-

ссародержавию» и немедленно созвать Учредительное собрание.

7 июня.

Делегат из Петрограда выступил на митинге представителей московских фабрик. Он обвинил большевистское правительство в проведении антирабочей контрреволюционной политики. После октябрьского переворота таких выступлений Россия еще не слышала. Наиболее серьезно к этим словам отнеслось ведомство Держинского...

13 июня.

Они (ЧК) провели массовые аресты в Москве, задержав 56 человек, связанных с движением уполномоченных, при этом лишь шестеро или семеро из задержанных не были рабочими».²

В результате:

«Поскольку следующий, 5-й съезд советов был назначен на начало июля, большевикам ничего не оставалось, как разрешить перевыборы в городские советы. Происходили они в мае—июне, и результат перевыборов превзошел самые худшие ожидания коммунистов. Если бы они уважали «волю пролетариата», им пришлось бы немедленно отдать и центральную и губернскую власть».³

У «руководящей группы ЦК» была одна и только одна альтернатива выхода из данной ситуации: вступить в союз со всеми демократами и социалистами, реставрируя в какой-то мере дооктябрьское положение страны, или, сплотив партию в ударно-боевую организацию, бросить ее в решительное сражение со всеми противостоящими силами.

Выбор первого направления означал для Ленина перспективу очередного премьер-министра очередного Временного правительства и, следовательно, отказ от незаурядности в Истории; второе решение означало — все или ничего, несло победу или гибель. Решение известно. Известно, однако, насколько оно было выбрано самим Лениным... К этим сомнениям придется вернуться несколько позже. Но надо сказать, что были моменты, когда ситуация заставляла Ленина склоняться в пользу первого решения. Один из таких моментов — открытие Учредительного собрания 5 января 1918 года:

«Делегация большевиков, возглавляемая Лениным, прибыла в Таврический дворец к часу дня... По воспоминаниям Бонч-Бруевича, Ленин «волновался и был мертвенно бледен, так бледен, как никогда. От этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась еще больше, глаза расширились и горели стальным огнем...»

Ленин через Урицкого запретил начинать заседания до тех пор, пока не станет точно известно, что творится на петроградских улицах, где, вопреки распоряжению большевиков, все утро проходили массовые демонстрации. Хотя организаторы шествия подчеркивали его мирный характер и призывали избегать любых столкновений, Ленин вовсе не был уверен, что день закончится без кровопролития, а главное — что его отряды не отступят, если дело дойдет до серьезного вооруженного сопротивления. Поэтому он вынужден был подготовить запасной план, на случай, если демонстранты одержат верх. Детали этого плана

неизвестны, но эсер Соколов утверждал, что при таком развитии событий председатель Совнаркома намеревался вступить в сотрудничество с депутатами».⁴

Не легко, как видно, далось главнокомандующему большевиков второе решение. Но летом оно было принято. И требовало срочной реализации. Было понятно, что осенью, когда по всей России придется силой отбирать урожай, осенью будет поздно утрясать внутренние идеологические разногласия. И внешние тоже, ибо идеологическое противостояние демократов и социалистов будет подкреплено безыдейным, но зато вооруженным сопротивлением крестьян — недавних фронтовых солдат.

Что же могло спасти пошатнувшееся единение партии? Что могло сплотить ее смешавшиеся ряды в единую армейскую колонну? Очевидно — общая и смертельная опасность атакующего противника. Опасность, требующая стремительного контрнаступления.

И противник атаковал. Вполне своевременно. 20 июня выстрелом «из-за угла» был убит 28-летний трибун большевиков — петроградский комиссар печати, пропаганды и агитации — В. Володарский. Контрнаступление, однако, сорвалось. Имеет смысл напомнить ленинское возмущение этой неудачей: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты и пекисты) удержали. Протестую решительно!» Чего хотели питерские рабочие в июне 18-го года, было только что показано, а ранее рассмотренные «странные» обстоятельства этого покушения⁵ вместе с ленинским письмом Зиновьеву позволили уже заключить, что убийство было организовано ВЧК по заданию Ленина.

Не приходится сомневаться в том, что данное заключение не получит когда-либо своего бесспорно-документального подтверждения. Диктаторы, как правило, не оставляют компрометирующих документов, а исполнителей своих преступных заданий уничтожают. Так, например, уверенность в том, что Киров был убит по приказу Сталина, не может быть подтверждена его аутентичным письменным распоряжением и основана на косвенных свидетельствах и логических умозаключениях.

А потому, в силу приведенных соображений, с большой долей правдоподобия можно полагать, что имя Володарского должно быть первым в списке лидера большевизма, ставших его жертвами. Вторым в списке, как было показано, значится Урицкий. Основным автором этого мартиролога станет, конечно же, Сталин. Но открыл его Ленин. Впрочем, как и самого Сталина.

Рассмотрев обстоятельства двух убийств — Володарского и Урицкого, — представляется возможным установить, почему столь необходимый власти красный террор не удалось запустить в ответ на первое покушение в июне и удалось после выстрелов 30 августа. Для этого надо найти логический ответ на вопрос: кто, раз не «лично» Зиновьев — председатель Петроградского комитета партии, кто еще из «питерских цекистов и пекистов» обладал в городе властью, достаточной для противодействия ясно выраженной Верховной воле? Кто, обладая такой властью, не считал, что общепартийная цель оправдывает любые средства? Очевидно — тот, кто, обладая такой властью в июне, лишился ее в конце августа. Очевидно, поскольку Верховная воля за это время не изменилась. Очевидно также, что если бы эта

воля нашла в июне поддержку Петроградской ЧК, то никто уже не смог бы удержать развертывание правительственного террора. Следовательно, основной силой сдерживания красного террора в июне был председатель Петроградской ЧК — Урицкий.

Этот вывод находит свое косвенное подтверждение в книге Р.Медведева:

«В годы гражданской войны Зиновьев был фактическим руководителем большевистской организации в Петрограде. Нельзя не отметить, что в этот период Зиновьев проводил часто весьма жесткую политику, причем это далеко не всегда было оправданным. Даже председатель Петроградской ЧК — М.С.Урицкого Зиновьев считал чересчур «мягкотелым» для своего поста. Ни в одном городе Советской России красный террор не был осенью 1918 более массовым, чем в Петрограде, широко практиковался здесь и расстрел заложников».⁶

Именно осенью — только после убийства в последние дни лета «мягкотелого» Урицкого! Мягкотелым, как доносил Зиновьев в Москву, председатель Петроградской ЧК, разумеется, не был, расстреливали и при нем, но «массовидность террора», безусловно, сдерживал. Есть тому еще несколько свидетельств. Так, С.Мельгунов приводит в своей книге отрывок из газетного интервью зампреда ВЧК Якова Петерса:

«До убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов, а после него слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в ответ на покушение на Ленина ответила лишь расстрелом нескольких царских министров».⁷

Почему после выстрелов «эсерки» Каплан следовало расстрелять царских министров, остается тайной ВЧК, но зато в этом интервью содержится признание того, что «революционная инициатива масс» ни в Петрограде, ни в Москве никакого отношения к «массовидности террора» не имела.

Из воспоминаний Марка Алданова о Леониде Каннегисере:

«Он мог знать и то, что на него обращены слепые проклятия ни в чем не повинных людей, которых убивали в качестве заложников, — за его поступок. Вместо Урицкого расправу творил Бокий, в десять раз превзошедший своего предшественника и начальника».⁸

И если уже рассмотренные обстоятельства этого покушения достаточно убедительно определили ВЧК как его организатора, то надо сказать, что для нее Урицкий представлял необходимую многоцелевую мишень, поражение которой позволяло:

1. Служить поводом для открытого объявления «ответного» красного террора, которым, судя по красноречивым посланиям Ленина в Нижний Новгород, Пензу, Свяжск... уже, по крайней мере, месяц были охвачены многие провинции Советской России.

2. Устранить силу, препятствующую развертыванию массового террора в Петрограде, «пример коего решает».

3. Устранить опасность разоблачения истинных организаторов июньского покушения, расследованием которого Урицкий, безусловно, занимался. И занимался, надо думать, неотступно, поскольку, во-первых, был большевиком-идеалистом, а, во-вторых, с Володарским его связывали годы товарищества по совместной эмиграции в США (1913—1917 гг.). Можно не сомневаться в том, что его пресловутая «мягкотелость» не помешала ему самым тщательным образом допросить и шофера

злополучного автомобиля, и попутниц Володарского, и всех, кто, «случайно» оказавшись 20 июня на «пустынной» улице, не сумел задержать преступника. И, конечно же, выяснил, почему автомобиль «виднейшего деятеля большевистской партии» оказался в тот день незаправленным. Скорее всего, и одной доскональности этого расследования было достаточно, чтобы гибель Урицкого была предпринята.

...Потрясения двух мировых войн значительно снизили нравственную чувствительность современного общественного самосознания. После сражений на Соме, Марне и Волге, после газовых атак и Хиросимы, после Освенцима... вседозволенность средств невольной стала восприниматься как некая фатальная необходимость. И расстрелы заложников, проституток, бывших офицеров и просто ненадежных общественное сознание с привычным уже снисходительностью может отнести к неизбежным следствиям «архивного времени», к невозможности осуществления «революции в белых перчатках», по выражению Ленина, или даже к тем издержкам, которые «как щепки летят, когда лес рубят».

Но вот когда виднейшие лидеры партии санкционируют ликвидацию своих единоверцев и соратников, когда устраняют со своего пути соперников шантажом или хирургическим скальпелем, а затем в честь павших переименовывают города и ставят им памятники... вот тогда уже не может быть и речи о революционерах, снявших белые перчатки, а только — о мафиози, оседлавших государство.

Сделанное отступление, по существу, содержит ответы на ранее поставленные вопросы: почему было совершено покушение на Ленина и почему, оправившись от ранений, он принял более чем странные результаты расследования, не назначил нового следствия, не выявил истинных организаторов покушения и не покарал их? Ведь «мягкотелостью» председатель СНК, как было показано, не отличался!

На первый вопрос легче всего ответить двумя встречными вопросами:

1. Почему, если по законам мафии можно было тайно ликвидировать Володарского, Урицкого, Фрунзе и Кирова, почему нельзя было таким же образом убрать и Ленина с пути других рвущихся к власти мафиози?

2. Почему, если в 1922 году можно было, шантажируя Ленина, окончательно отстранить его от власти, почему нельзя было попробовать в 1918 году его попросту застрелить?

Минимальное знакомство с деятельностью Сталина и Дзержинского позволяет утверждать, что оба вопроса далеко не риторичны.

Более того, покушение на Ленина было менее рискованным предприятием, чем на Урицкого. Последний, оставшись живым в случае какой-либо осечки в ходе покушения и поимки Каннегисера, мог расследовать преступление, установить его организаторов и открыто разоблачить их перед лицом партийных масс, что в то «архивное» время, безусловно, привело бы авторов покушения к «законной» их ликвидации.

А что мог сделать оправившийся от ран Ленин? Поставить преступных соратников перед партийным судом? Отдать их в руки революционного трибунала? А Володарский и Урицкий? Кто санкционировал их убийство? А немецкие деньги? Самому организовать такую же тайную ликвидацию зарвавшихся соратников? Так ведь все механизмы такой организации были в их руках!

Оставалось — молча отступать перед наглостью но-

вых узурпаторов. Правда, отступление в данном случае вполне соответствовало ленинскому принципу оправдания средств значительностью достигаемых целей. Во-первых, оно оставляло нетронутым вечный Памятник самому себе и даже украшало его трагизмом жертвенности. Во-вторых, двойное вражеское покушение несло явные признаки начавшейся вражеской атаки и давало искомый повод контрастступления. Основатель партии отступал, чтобы она могла выступить. По крайней мере, можно было себя этим утешать, залечивая раны.

Отсюда — со двора завода Михельсона — он шаг за шагом так и будет отступать до самого мавзолея, безвозвратно отдавая власть в заведомо преступные руки. Доказательством может служить маневр с учреждением должности генсека за спиной партии — через день после закрытия Одиннадцатого съезда. И бессильно-жалкое «Письмо к съезду», полное уловок самооправдания. Оставшееся съезду не зачитанным.

Следует, видимо, задаться еще одним логическим вопросом в связи с этим покушением: было ли сравнительно легкое ранение Ленина той самой осечкой исполнения, которую нельзя было допустить в нападении на Урицкого, или же наоборот — четким выполнением задания? Скорее всего — второе. Ленин еще был нужен заговорщикам. Живой, но отступающий. Активный, но сознающий свою уязвимость, а потому от них зависимый. И отступать ему следовало незаметно и послушно. Постепенно оттесняя с их пути Троцкого.

Можно спросить, почему в таком случае Сталин и Дзержинский просто-напросто тогда же не «ликвидировали» и Троцкого? Вопрос не совсем правомочен, так как требует анализа того, что сделано не было. Поскольку, однако, один из них спустя два десятилетия все-таки ликвидировал Троцкого, попробуем обосновать прошлую нерасторопность «союзников».

Во-первых, организация тайных убийств «виднейших» была тогда делом непростым и рискованным. Володарский был принесен в жертву ради сплочения партии. Урицкого пришлось убить ради той же цели и во избежание разоблачения в первом убийстве. Ленин был двумя пулями приведен к послушанию, и еще одно коварное преступление «меньшевиков и правых эсеров» разумнее, видимо, было отложить.

Во-вторых, Троцкий так же, как и Ленин, еще был им нужен живым и активно действующим. Дело в том, что недюжинные способности «союзников» в области закулисных интриг, шантажа и тайных ликвидаций, то есть в искусстве узурпации власти, — могли ими успешно применяться только внутри партии, уже прочно стоящей у власти. Для завоевания и закрепления самой общепартийной власти нужны были способности иного рода — столь очевидно проявленные Лениным и Троцким прошлой осенью. Их физическое устранение могло устранить и самих союзников. Весьма же рискованный способ укрощения Ленина, возможно, был следствием его «мягкотелости» при решении альтернативы партийной ситуации — такой, как на открытии Учредительного собрания. Любое соглашение с демократами и социалистами представляло собой угрозу узурпаторским планам союзников даже в том случае, если предполагаемая мягкотелость была просто очередным тактическим маневром, чем-то вроде «сегодня рано, через месяц будет поздно, значит — через две недели». Тонкость маневра и лишь вероятность его результатов могли не устраивать союзников — они рвались к власти и наиболее надежным и коротким путем к ней, как показало время, считали пря-

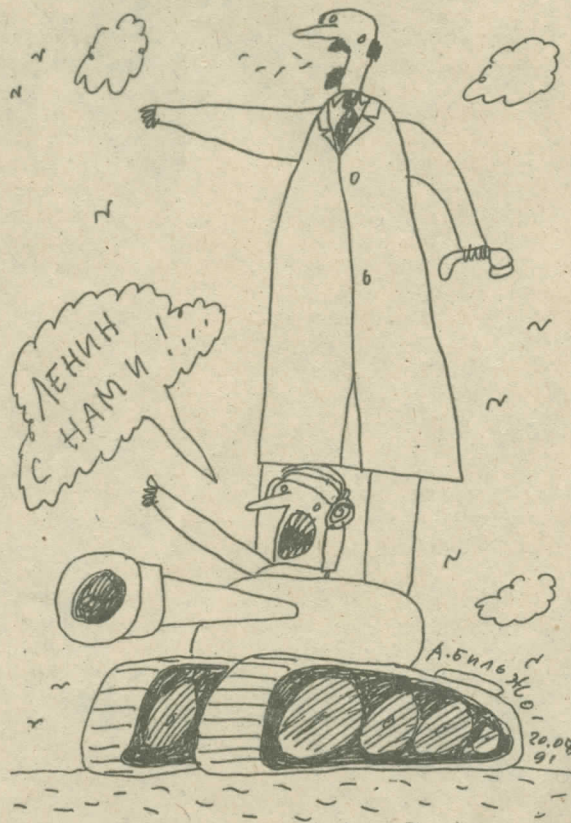
мое насилие. К тому же, для одного из них насилие и было его истинной целью. Правда, после «писем Курскому» и Ленина трудно назвать политиком, прибегавшим к жестокому насилию лишь в крайне угрожающих его целям обстоятельствах.

Возможно также, что Ленин дал согласие лишь имитировать покушение на свою особу, чтобы синхронность выстрелов в Петрограде и Москве усилила впечатление начавшейся вражеской атаки. Союзники же решили, что ради этой цели, а заодно и своих собственных, стоит усилить и средства реализации ленинского плана.

Конечно же, подлинная конкретизация мотивов и обстоятельств этого покушения уже невозможна. Впрочем, не так уж она и важна, раз понятна внутренняя логика его организации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М.Френкин. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918—1921 гг. Иерусалим, изд.«Лексикон», 1987, с.74.
2. Р.Пайпс. Создание однопартийного государства в Советской России. Минувшее. Исторический альманах. Париж, Atheneum, 1987, №4, с.130—136.
3. Там же.
4. Там же, с.115.
5. Об этом идет речь в других, опущенных нами, главах книги Нилова. — Прим. «Столицы».
6. Р.Медведев. К суду истории, с.97.
7. С.Мельгунов. Красный террор в России. Берлин, 1923, с.22.
8. М.Алданов. Леонид Каннегисер. Париж, 1928, с.36.

СВ: 1206 кГц (250 м) КВ: 9535 кГц (31м)

Телефон для коммерческих контактов: 191-91-51

**ПРОРЫВ
В СВОБОДНЫЙ ЭФИР**

«КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»

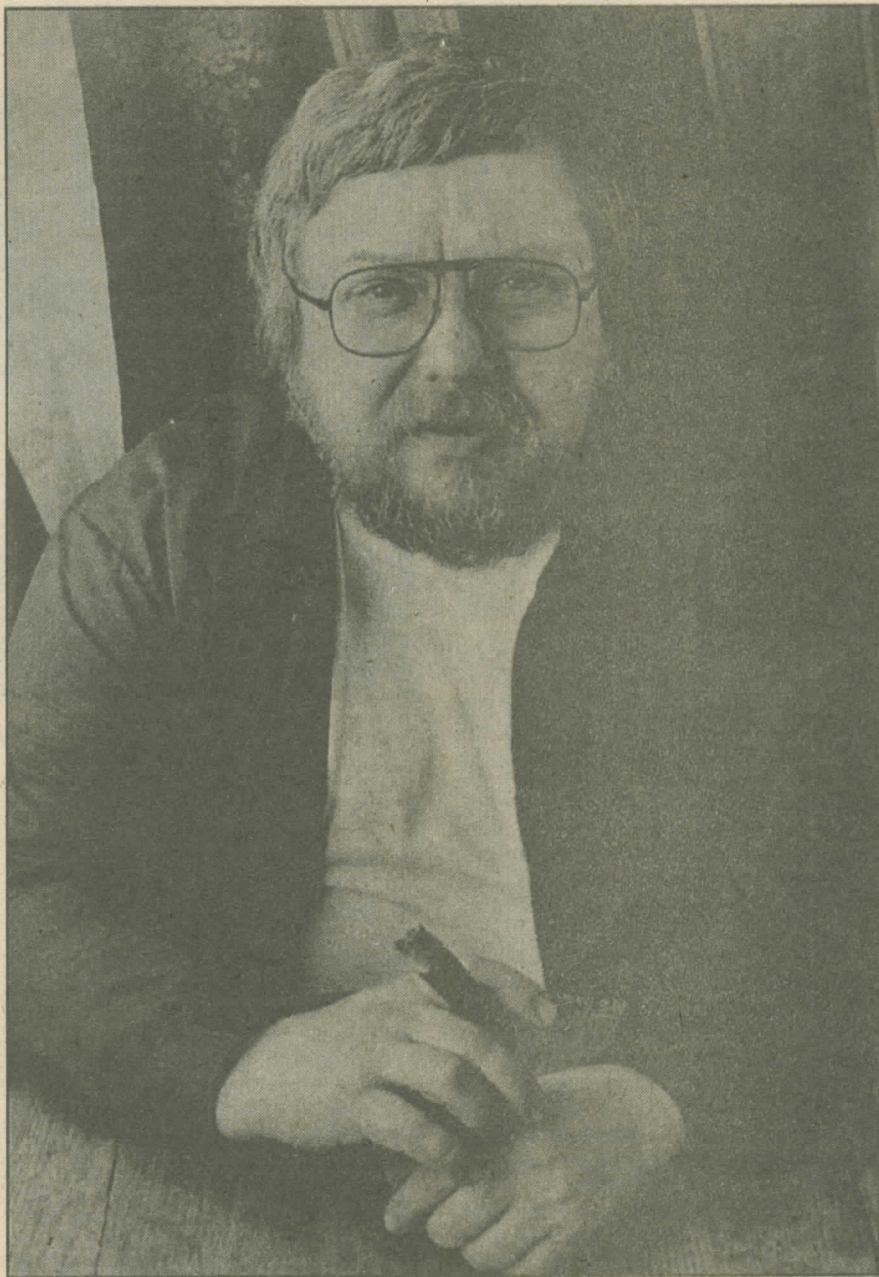
С кинорежиссером СЕРГЕЕМ СОЛОВЬЕВЫМ беседует корреспондент «Столицы» Елена КАРАЕВА

— Сегодня все — от астрологов до политиков — охотно делают мрачные прогнозы на ближайшее время. Вам не кажется, что основным жанром советской действительности становится трагедия?

— Я не могу поделиться с вами никакими кошмарными социальными предчувствиями. Настроение у меня хорошее, светлое. Мироощущение оптимистическое. Хочется петь и сплетать венки из полевых цветов и трав. Над нашей печальной родиной воцарилась, наконец, долгожданная экологическая справедливость. Вместе со всеми своими реакционерами и консерваторами славная эпоха развитого, недоразвитого и совсем неразвитого социализма, а также его не менее потешной перестройки громко булькнула, можно даже сказать, оглушительно пукнула и, растворяясь, как чертов пузырь, погружается в Лету. Остается озон и круг чистой голубой воды. Чего еще хотеть? Как ни крутились большевики зиму, весну и лето, как ни катались туда-сюда на танках и танкетках, как ни стреляли в своих и ни пороли чужих, как ни пучил с экранов глаза малооплачиваемого провинциального трагика Александр Глебович Невзоров, утрашая нас и себя; опять ни хрена у них не получилось. Оттого и радость. А вместе с радостью пришло и неудержимое желание, как выражался народный герой фильма «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви», «положить с прибором» на все генеральско-невзоровские апокалиптические придурства.

— Но ведь наступает осень, пойдут дожди, опять будут лужи, грязь, гнилые овощи...

— Это на вас марксизм давит. Единство и борьба противоположностей. А что если послать все это? И единство. И борьбу. И уж тем более противоположности.

Я вот закончил новую картину с некассовым названием «Дом под звездным небом». Подходят ко мне после просмотра мои товарищи. С постными физиономиями. Жмут руку: «Как страшно жить!» Ни фиги себе, думаю! Я же снимал комедию. Ну, со смертушками. Но не в них же собака зарыта. Я ее хотел наполнить неудержимым оптимизмом и жизнерадостностью, публично восславить свой эстетический идеал, который в настоящее время выражен в творчестве кинорежиссера Григория Александрова, и в частности в его бессмертном фильме «Светлый путь».

Неужели же вы, Лена, не ощущаете себя одной из примадонн восхитительного балагана? Конечно, он местами бывает грустным, вместо кокетливого «клюквенного сока» в нем льется настоящая кровь, но балаганной сути происходящего эти печальные обстоятельства не меняют. И конечно же, балаганная красота не исключает пронзительной содер­жательности. Я даже думаю, что именно наш исторический балаган сейчас самое содержательное и серьезное место в мире. В нем людской род как бы проверяется на прочность. На живучесть.

Балаган этот — продолжение русского фольклора, сказок и их спасительного смеха. Ну неужели можно без хохота наблюдать парламентскую дискуссию на тему: нужно Ленина похоронить или еще рано? Может, правда, рано? Сегодня — рано, послезавтра — поздно? А?..

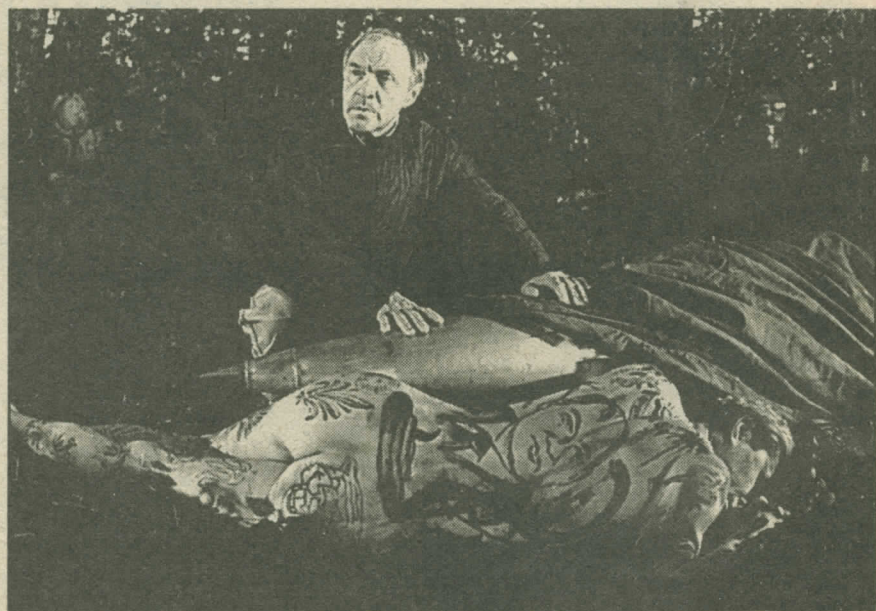
Первым этот удивительный, праздник почувствовал, кажется, Шукшин. Он первым показал райские кущи российского совка, где волшеб­но смешались слезы и улыбки, палачи и жертвы, попы и распутники. Он первым набросал эскиз этой монументальнейшей фрески века. Первым обратился к грандиозному экзотическому театру, который наверняка даст мощный импульс все­человеческой культуре XXI века.

Со всех сторон причитают: ах, кризис культуры! Какой кризис, когда пишет Евгений Попов и рисует картинки Пурыгин? Хорош кризис! Помню ощущение от выставки на премьер­е «Ассы». В основном эту живопись притащили из подвалов, с чердаков, с коммунальных кухонь. Все говорили: «Андерграунд, андерграунд». А когда развесили — я ахнул. Думаю, такого количества спрессованной красоты я в жизни не видел. Все говорили об опытах рус-

ского футуризма, Малевиче, а я почему-то вспоминал «Мир искусства» — изысканный, ломкий, изящный, беззащитный, живой... Где кризис? Культурный ренессанс!

Просто вместе с эпохой и целая генерация жрецов многозначительного искусства тоже громко пукнула и погрузилась в Лету. Из этого чертова пузыря и кричат напоследок всякие прохановы про кризис. Поколение булькнуло и ушло, а Невзоров остался. Как бы представителем от утопленников. Вот такой жуткий декаданс!

— Многие ваши сверстники называют себя «поколением обману­тым». Вы считаете себя обману­тым?

Кадр из фильма «Дом под звездным небом»

— Какие обманы? По поводу чего? Хрущевской оттепели? Перестройки с ускорением? Это же совсем болваном надо быть, чтобы такой бессовестной галиматье верить. Даже дебилом, пускающим на одежду слюни. Разве можно обмануть нормального, умного, сильного человека? Глупости все это. Вполне счастливое поколение, прожившее интереснейшую жизнь. Вот умный Бродский сказал: «Конец прекрасной эпохи...» Тут я согласен.

Я помню начало оттепели. Брели мы в Ленинграде по улице Бакунина в школу. Восемь утра, звезды, еще темно, грязный снег. Самый жуткий хулиган в классе, Шукин, вдруг шепчет на ухо: «Пойдем во двор, а я чего скажу...» Пошли. Стоим у стены. Хо-

лодно. Он озирается, бормочет: «Слышал, вчера в секретном письме объявили, что Сталин — шпион?» Разве Шукин обманывал? Так, перепутал, неточно процитировал партийные документы. В них Берия был шпионом, а у Сталина — культ. Какая разница? А что до самих документов, то кто и когда им верил? Не знаю, какой степенью глупости или маразма надо обладать, чтобы хоть чему-то исходящему из их румяных уст верить. Невообразимые луны и притворщики. У меня в последней картине есть сцена: в тысячу первый раз пытаются убить коммунистического оборотня, того самого, который «бродит по Европе». Но понимаю, что опять не убили. Тогда герои-

ня в отчаянии говорит: «Вставай, дрянь, притворяшка...» Вот это, думаю, точное для них название.

— И Горбачев такой же? Как вы к нему относитесь?

— С восхищением. В отличие от моих героев ему удалось прикончить всемирный коммунизм раз и навсегда. Рука была тверда и удар великолепен. Теперь он может сколько угодно рассказывать про дедушку, который когда-то сделал социалистический выбор... Самые крупные политические деяния последнего времени осуществлены Горбачевым. Им прекращена холодная война, удушен проклятый «прирак», уничтожено идеологическое противостояние, окончательно за-

вершена вторая мировая война и предотвращена третья.

К глубокому сожалению, автор всех этих великолепных деяний сам инфицирован смертельным коммунистическим вирусом, а оттого он — тоже ужасный «притворяшка», что особенно тяжело сказывается на его внутренней политике. «Социализм с человеческим лицом» — это про портреты Павлова так говорили. С очень даже понятной злостью. А про Горбачева все-таки с нежностью: «По талонам горькая, по талонам сладкое...»

— «Что же ты наделала, голова с заплаткою»...

— Он крутится, «притворяется», конечно, виртуозно. Но сколько веревочке ни виться...

— Несколько лет назад вы неожиданно и очень резко сменили стиль и стали снимать «другое кино». Когда вы «притворились»: до «Ассы» или после?

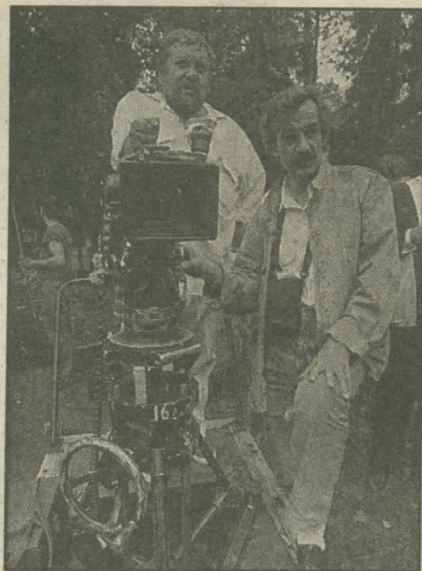
— Если есть в моей судьбе какая-то видимая и определенная эстетическая константа, то это Булат Окуджава. Вот Горький, по его словам, всем хорошим был обязан книжкам (правда, он не уточнил, каким именно). А я — Булату. Но, в отличие от Горького, и хорошим, и плохим. Речь вот о чем. Вместе с элегической нотой булатовых песен в меня вошла и некая шестидесятилетняя идея благородного обреченного умирания. Эта нота явственна и в «Станционном смотрителе», и в «Ста днях после детства», и в «Спасателе», и в «Наследнице по прямой». Есть, есть это мазохистское удовольствие публично откидывания галаш под красивую музыку. Оно-то и составляло энергетику моих ранних работ. Потом что-то во мне стало этому страшно сопротивляться. Как-то, разговаривая на эту тему, Гребенщиков тоже вспомнил те времена, когда под игрой на гитаре подразумевался только минорный лад. И тоже вспомнил почти атактистическую радость, которую испытывали и он сам, и благодарный зал, когда он впервые взял мажорные аккорды.

Ребята, хватит умирать! Будем жить, даже умирая...

Вот Андрей Тарковский утверждал, что жизнь нам дана только для страданий. Чтобы в процессе этих постоянных мук мы и обретали Бога. Так, конечно. Но не так. Разумеется, дана нам она еще и для радости. Чтобы в процессе радости мы тоже

Его постигали. Иначе даже из Его постижения опять тоскливая многозначительная муть получается.

Верная пропорция радости и страдания, по моему разумению, и дает ту степень вкуса, которую явил нам некогда Пушкин. Он завещал нам не только язык, на котором мы до сих пор говорим друг другу глупости и откровения, но еще и душевную гармонию, душевный баланс, гарант которых — вкус, то есть тонкое душевное движение от страдания к радости и от радости к страданию... Вся человеческая жизнь укладывается, наверное, в эстетику дороги — есть такое понятие в американской драматургии, да и не только в

Во время съемок

ней. А всякий путь предполагает перемены, и в этих переменах вечно зреет и колобродит живая плазма жизни... Которая до времени не дает нам умирать.

— Изменив стиль своих фильмов, вы по-другому стали строить и взаимоотношения со зрителем...

— Когда мы начинали, в шестидесятые, то внутренне были ориентированы на полупустые залы. Это считалось признаком аристократизма, но радости не приносило. Думаю, еще и потому, что битком набитый зал не рассматривался как эстетический фактор. Согласитесь, странное массовое придурство — набиться сотнями в темную душную комнату и на грязноватой тряпке, натянутой на стену, с замиранием сердца и слезами на глазах следить

за перипетиями из жизни двухмерных теней, перепутанных с ослепительными пучками света. Но без этого кинематографического зрелища не существует. Это — эстетика нашего волшебного балагана. Поэтому каждый новый фильм после «Ассы» я задумываю еще и как хэппенинг.

— Свято место пусто не бывает — на смену идеологическому прессингу в кино пришел финансовый. Как выходить из этого положения?

— Думаю, что классическая четырнадцатимесячная схема производства фильма себя изжила. Стоимость средней картины подпрыгнула до двух миллионов. И уже сегодня такое производство — финансовая бессмыслица. Девяносто процентов фильмов просто не способны себя окупить.

В кинематограф должно прийти новое поколение. Оно принесет новую эстетику, которая продиктует и новые законы финансирования. Так в эпоху кризисов всегда случалось в кинематографически развитых европейских странах. Послевоенный итальянский неореализм — это не только новые имена и новые идеи. Это принципиально новое кинопроизводство — без павильонов и системы «звезд». Деятели французской «новой волны» поначалу даже пленку покупали в обычном фотомагазине: в темноте замечательный оператор Рауль Кутар склеивал ее в рулоны. И в нашем кинематографе должны смениться кожа и кровь...

— Чему же вы учите ваших студентов?

— Разговариваем. О том, о сем. В частности, о том, о чем с вами.

— Но они учатся пять лет, а мы беседуем чуть больше часа...

— Остальное время я их слушаю. Смотрю их работы. Знакомлюсь с их знакомыми и друзьями. Жизнь так стремительно и интересно меняется. Любая профессиональная среда самодовольна и самодостаточна, а оттого — опасна. В народ ходить — и глупо, и стыдно. Да и как?

Когда-то Михаил Ильич Ромм говорил нам на курсе: «Ребята, вы мне больше нужны, чем я вам...» Тогда я думал, что это профессорское прекраснодушие. Сегодня знаю — это правда.

Беседа состоялась до событий 19 августа.

Дневник И.

БИЕННАЛЕ ПО-ЙОШКАР-ОЛИН- СКИ

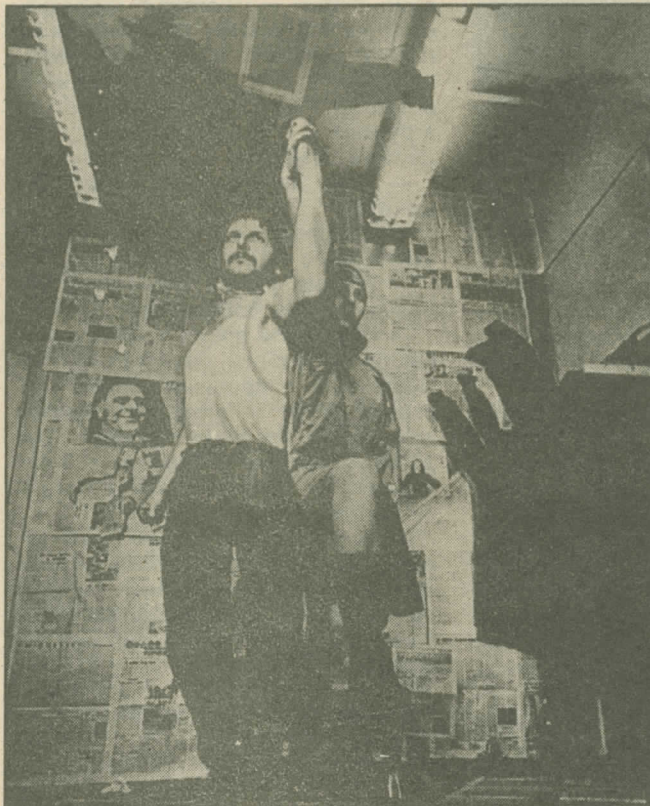
Фотогалерея на
Пироговке

Живешь себе в Москве и думаешь, что находишься в самом центре культурной жизни страны. Не тут-то было. Оказывается, обскакала столицу Йошкар-Ола — там, например, уже десять лет проводятся аналитические фотовыставки (биеннале), на которые съезжаются фотохудожники из разных городов России. А мы об этом и не узнали бы, не открылся на Большой Пироговской улице в первопрестольной фотогалерея, первый свой вернисаж посвятившая йошкар-олинским съездам, биеннале то есть. Тут оказались и фотографии соц-арта, и эротика, и коллаж, и социально-документальные снимки. Причем многие —

вовне европейского уровня. Задумка такая — каждый из полутора десятков участников представлен не «лучшими» работами, а теми, которые, как он с а м считает, полнее всего отражают его творческое лицо. Теперь на Пироговке готовятся персональные экспозиции самых заметных авторов. Так что не только в Москве делается культура: art ведь растёт Бог весть из какого сора, а уж чего-чего — сора-то у нас везде хватает. Только вот со словом «биеннале» неувязочка вышла — склоняют его устроители, бедное, как хотят и могут. то в женском роде, то в мужском, то во множественном числе, то с одним «н». Впрочем, их тоже понять можно — в доступных словарях «биеннале» (выставка, проводящаяся раз в два года) не значится.

Марина КАМИНАРСКАЯ

Скорняков Д. С.
«Рабочий и колхозница»

ДЖАЗ ДЛЯ 6000

«Джаз для двоих.
Блюз на всю ночь»
Пластика ВПТО
«Мелодия»

Дует Л.Саарсалу — Л.Винцкевич занимает на редкость удачное место в нашем джазе: где-то между кондовым мейнстримом и элитарным авангардом. Может быть, именно это и обеспечило ему мгновенное признание критиков и слушателей. Новый диск дуэта во многом отличается от предыдущих программ (не может быть ничего более удручающего, чем джазовый ансамбль, бесконечно повторяющий свою, пусть и прекрасную, музыку). Пластика полна той радостной, естественной импровизационности, которая, по идее, и должна быть синонимом слова «джаз». В названии диска есть определенная неточность. Это джаз не для двоих, но и, конечно, не для всех. Максимум для шести тысяч — таков тираж диска. Неужели на почти 300 000 000 человек у нас осталось всего 6000 любителей джаза?

А.Г.

НЕБО В АЛМАЗАХ

«Там же, тогда же...»
Театр Антона Чехова,
реж. Л.Трушкин

Заручившись прошлогодним успехом своего первого опыта в режиссуре — «Вишневого сада», Леонид Трушкин выбрал для второго спектакля пьесу Б.Слейда, противоположную по качеству и степени известности. Оспаривать и выворачивать наизнанку постановочную традицию, что так взбудоражило театральную Москву в случае с Чеховым, здесь не пришлось по причине отсутствия традиции. Но в одном режиссер остался верен себе — в ставке на имена актеров-«звезд». Татьяна Васильева и Константин Райкин уверенно и оживленно играют любовников, на протяжении двадцати пяти лет встречающихся втайне от своих семей один раз в год на уик-энд. Жанр постановки обозначен как трагифарс. Однако «траги» так и не обнаруживается, а «фарс» касается в основном образов «материально-телесного низа» героя. Инъекции джазовой мелодии периодически прерывают течение спектакля, которому не хватает безыскусности и искренности, чтобы быть сентиментальным, и глубины

текста, чтобы быть интересным. Совершенно неуместной выглядит икона в обрамлении электрических лампочек — эстрадная набожность, как всегда, отдает привкусом безбожия. Звездное же небо, щедро простирающееся поверх тщательно выполненной декорации — очевидно, единственная дань имени, вынесенному в название театра, — это, несомненно, чеховское «небо в алмазах». Впрочем, пришедшие посмотреть на любимых актеров довольны, зал с готовностью смеется и аплодирует, а скаучающие любители серьезного театра могут от нечего делать пересчитывать количество платьев героини и радоваться, что спектакль идет без антракта.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

НО ЗАТО НАЗВАНИЕ...

Журнал «Кино-глаз»

В то время, когда «Искусство кино» превращается в литературно-художественное издание, когда газета Союза кинематографистов

«Зеркало» и журнал «Советский фильм» приказали нам жить долго, но уже без них, когда периодически возникают пугающие слухи о конце «Дома кино», «Экрана» (бывш. советского) и «Экрана и сцены», когда «Сеанс» выходит только в Ленинграде и с такой периодичностью, что пока может претендовать лишь на звание ежегодника, короче говоря, когда кинокритика бодро переходит в разряд устного народного творчества, — именно в это время главный редактор нового журнала «Кино-глаз» П. Черняев открывает первый номер смелым утверждением: «Почему возникают новые журналы? Их вызывает к жизни сама действительность». Если отнестись к этим словам без иронии, то следовало бы назвать мою заметку «Кино-глаз» как зеркало советского кинематографа: намерения большие, средства, напротив, не слишком, результаты, в общем, средние, поэтому все меньше хочется выискивать для них оправдывающие «но зато».

Но зато название — хорошее.
Ирина ЛЮБАРСКАЯ

ШОУ? ЦИРК? ТЕАТР?

«Цирк Валентин», реж. В. Гнеушев

Если из театра цирк можно сделать запросто (примеров — масса), то обратное превращение гораздо сложнее. Валентину Гнеушеву и его труппе это удалось.

Взяв за основу представления хотя и мастерские, но традиционные номера любой цирковой программы, постановщик каждому из них придумал сюжет и индивидуальный сценический образ. Появляясь поочередно в качестве исполнителей конкретного трюка, униформистов и даже зрителей, артисты как бы превращаются в персонажей некоего спектакля. В результате возникает совершенно особое действие, не просто цирковое шоу, а скорее, спектакль о цирке, в котором закладываются все участники — от взмывающей над залом хрупкой фигурки «ангела»-гимнаста до гофмановского человечка в большом цилиндре — эксцентрика с крысой.

Ольга БОГОМОЛОВА

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей Гаврилов

С Ю-С Ю-С Ю, АРНОЛЬДИКИ!

«Полицейский в детском саду»
США, реж. А. Райтман

Да-да, это тот знаменитый фильм, о котором многие наши издания уже написали, наверное, десятки страниц еще до того, как картина попала к нам. Газетные и журнальные полосы были насквозь пропитаны слезами умиления — как же, любимый советский милиционер Арнольд Шварценеггер работает с детишками! А фильм-то — никакой! Пустая, высосанная из пальца псевдодетективная история. Актерское же мастерство Шварценеггера таково, что к суперзвезде хочется обратиться словами: «Глубокоуважаемый шкаф...»

БЛЕСК И НИЦЕТА ШОУ-БИЗНЕСА

«Открытки с края пропасти»
США, реж. М. Николс

Что можно сказать о картине, где снимались Мэрил Стрип, Ширли Макклейн и Денис Куэйд? Только то, что пропустить ее было бы просто непростительно. Голливуд любит показывать блеск и грязь шоу-бизнеса. И, как правило, показывает так, что хочется и в этот блеск, и в эту грязь с головой окунуться. Ну а фильм Николса к тому же посерьезнее многого из того, что мы видели в этом роде раньше.

Дневник И.

Мы попросили актера и кинорежиссера Леонида ФИЛАТОВА поразмышлять о нашей культурной жизни последних лет: сохранился ли тот положительный заряд, который всколыхнул ее в начале перестройки, есть ли ощутимые творческие результаты обретенной свободы и, конечно, как в новой ситуации идут дела в знаменитом театре, где он работает. Ответом на эти вопросы стал довольно грустный монолог о том, что

«НЕЛЬЗЯ ПРЕЖДЕ АЗБУКИ ЧИТАТЬ НИЦШЕ»

Движение в культуре должно быть процессом поступательным. Однако, стремясь этого добиться, не стоит бесконечно вопрошать: где же духовность? Я уверен, что ни одна попытка насильственного окультуривания не может дать результатов. Так же как и призыв к благотворительности, обращенный к тем, кто сам не сът. Сегодня, по-моему, наступило отрезвление после последних пяти лет и вместе с ним — разочарование, усталость и уныние. Не только многие художники перестают работать, но даже и публицисты. Зато процветают пошлость и окровавленный кич. Говорить правду даже в эпоху объявленной гласности оказалось делом не таким уж легким. В свое время мне не просто понравилась — потрясла картина Говорухина «Так жить нельзя». Ему удалось высказаться не о частностях, а о целом. Как respectfully назвал он вещи своими именами, сколько в нем как в авторе уверенности и покоя. Значение этого фильма для меня измеряется даже не параметрами искусства, а человеческим мужеством.

Завораживающее действие на меня всегда оказывали спектакли Анатолия Васильева. Они и восхищали, и удивляли. Я хорошо помню свои давние впечатления от «Серсо», но их трудно четко сформулировать. В этом спектакле многое раздражало, хотя при этом он был обжигающе красив. Например: мужчины в белом с бокалами красного вина. Просто и прекрасно. И так в каждой сцене. Печально, что Васильев так редко работает. Но, может быть, из этой его неспешности и рождается театр, которому у нас сегодня нечего противопоставить.

Сейчас и в театре, и в кино работают торопливо, лишь бы удивить и пустить результат своей спешки по миру. Меня просто пугает молодежь, которая хочет в искусстве получить все сразу и сейчас же. Многие студенческие и студийные работы, которые я видел, лишены какого бы то ни было культурного контекста. Не прочитав, условно говоря, обязательный курс от Пушкина до Катаева, дети пробуют ставить и играть абсурд. Но ведь до Чехова сыграть Хармса нельзя, так же как и прежде азбуку читать Ницше.

Мне импонируют театры, где сохранилось отношение к своему дому, как к храму. Так заведено у Андрея Александровича Гончарова. Он человек и академичный, и дерзкий

одновременно. Он умеет держать определенный уровень, поэтому я всегда испытываю бесконечное уважение к тому, что делают в театре имени Маяковского.

Я верю в театр Захарова, который обеспечен долгоживучей программой. А сам Марк Анатольевич на зависть умеет повернуться к судьбе так, чтобы не получить удар в пах.

Особой любовью я связан с «Современником»: в тяжелое время этот театр пригрел меня. Он не ищет скандала, его не привлекает чисто формальный поиск, но здесь умеют играть даже на пустой сцене. А для актеров «Современник» прежде всего существует как театр-дом, что всегда очень важно.

Увы, в моем собственном доме сейчас неблагополучно, и обвинять в этом некого. Спектакли Таганки продолжают иметь успех, но все мы понимаем, что шум вокруг театра уже совсем не тот. Кто-то считает, что Любимов творчески исчерпал себя, как и созданный им политический театр. Это неправда. Любимов изменился — и что-то изменилось в повестке дня. Любимов постарел — и постарела вся труппа, а молодежи в театре нет. С большим энтузиазмом первых перестроечных лет мы вернули маэстро в страну и на этом остановились. Опустился занавес, история как бы доиграна до конца. Дошли до поворота и увидели, что там. Движение потеряло смысл, театр оказался в тупике. Но все же мы не имеем права бросить камень в Любимова — он допел свою песню. Были люди, которые хотели перехватить у него эстафетную палочку, но мы сами легко согласились с тем, что идея театра осталась в прошлом, и — потеряли его.

Сейчас я набираю терпения. Нетерпение вызывает бесов. Об этом надо всегда помнить. И еще о том, что не бывает временных потерь нравственности. Правые и левые, необольшевики и просто большевики не должны забывать, что безмолвный народ имеет глаза и уши. С этим знанием живут немногие, я их называю людьми-колодцами: Лихачев, Аверинцев, Сахаров, который совсем недавно еще был с нами. Именно на них мы и держимся.

Записала Татьяна ВАРТАНОВА

АБИТУРИЕНТ-92!

ЦЕНТР КОМПЬЮТЕРНОГО ОБУЧЕНИЯ

- Поможет определить степень Вашей готовности к вступительным экзаменам в вуз;
- предложит годовой курс еженедельных занятий по любому интересующему Вас предмету в группах по 6—8 человек;
- предложит помощь психологов при выборе специальности.

Занятия ведут опытные преподаватели вузов с использованием новейших разработок центра.

Школам и частным лицам предлагаем обучающие компьютерные программы для поступающих в вуз по различным предметам. Пользователи наших программ получают право периодического контроля своих знаний специалистами центра.

Наши телефоны:
287-68-78, 287-27-14,
249-28-48.

В МП «КОСНО»

внимание опытных врачей
ждет КАЖДОГО, кто придет к
нам.

Мы лечим:

- облысение, аллергические заболевания;
- бесплодие, сексуальные расстройства;
- остеохондрозы, радикулиты, артриты, артрозы.

Мы предлагаем:

- лечение и протезирование зубов;
- лечение нарушения мозгового кровообращения.

А также:

- психологическую помощь, снятие неврозов.

Нетрадиционные методы
лечения сочетаются с
новейшими!

Москва, ул. Ясногорская, д. 3а,
тел. 426-98-00, с 15 до 19 ч.

Борис ФИЛИППОВ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭМИГРАНТ

Я познакомился с ним в конце сентября 1944 года на Александерплац в Берлине.

Центральная площадь гигантского города, города развалин, в которых все-таки как-то ютятся несколько миллионов ошалевших от налетов и бомбежек людей. По круглой липкой лестнице, спускающейся в подземную уборную, все время снуют хорошо и плохо одетые личности, немцы и иностранцы. Иногда слышится тревожный шепот: «Полиция» — и тогда десяток-другой людей с натянуто-равнодушными лицами расходятся из уборной, становятся в очередь за газетами, укрываются в огромном здании напротив. Толстый спокойный шущман спускается вниз, возвращается на поверхность, обводит глазами очереди за газетами и продающимися поштучно горячими сосисками (50 гр. мяса по карточкам и 40 пфенигов, горчица — без карточек), козыряет встречному эсэсовцу и так же спокойно и лениво шагает дальше — по направлению к Блуменштрассе. Это — центр берлинской черной биржи, где вы можете достать все: золото, иностранную валюту, масло, сахар, сигареты и фальшивые продовольственные карточки.

— Вам не нужно ли удостоверение о чистоте расы, господин? — обращается ко мне шепотом на неполом немецком языке с чуть заметным акцентом кудрявый брюнет. — Я вижу, что угол вашего лица и ваш нос могут вызвать некоторые сомнения... Совсем недорого — обратитесь от имени г.Мейера к портю магазина Херти, тому самому, который стоит с двух до шести на главном подьезде...

— Я русский.

Холодное «простите» — и брюнет растворяется в толпе.

У столика газетчика стоит мальчишка лет восьми. Стопанные башмаки, поношенная курточка и заштопанные штанишки не смущают его нисколько. Веселые, немного круглые карие глаза смеются, рот весело улыбается. Вырвавшееся у него — при виде никого не поймавшего шущмана — «ага» уничтожает все сомнения: русачок откуда-нибудь с юга или запада.

— Чего смеешься, парнюга? — обращаюсь я к мальчишке.

— Да уж больно они смешные, дянька, — отвечает сквозь смех паренек. — Кто это смешные? — не понимаю я.

— Да немцы... Неуковырные какие-то...

— Почему же они смешные? — недоуменно смотрю я на мальчишку.

— Как почему? Ты глянь, дянька, вон этот толстый, что их ловить должен, только за десять шагов уйти не успел, а уж Иван Палыч снова цыгаретами хандлюет...

— Откуда ты знаешь все это?

— Как же не знать? Иван Палыч с нашего лагеря — с Моабита... И добавляет, рассудительно поджав нижнюю губу: — Нам нельзя не торговать — иначе с голоду сдохнешь... Все торгуют.

— Как тебя зовут? Откуда ты сам?

— А Сенька. С лагеря Моабита. А раньше жили мы в Бреславе. А еще раньше в Режице, в Латвии. Туда с дому с немцами приехали, с Витебска.

— Где же отец твой?

— Папаню большевики на Колыму на десять лет укатали. Как троцкиста. Я — политический эмигрант. Это я только для старых, как вы, Сенькой зовусь, а для своих товарищей я — Семен Петрович...

— Ну, Семен Петрович, мне пора на работу. Встретимся, еще как-нибудь... В церковь ходишь?

— А как же. На Находштрассе. Да вы, дянька, не бойтесь: зовите меня просто Сенькой — чего уж там? Я не обижусь...

— Ладно, Сенька, до воскресенья. До свиданья.

— Пока, — подал мне грязную ручонку Семен Петрович.

В воскресенье, на обедне в русской церкви, я вдруг почувствовал, что меня кто-то дернул за полу пиджака. Я обернулся.

— Это я, дянька. Тетка сегодня дежурная — я в церкву один приехал. Только опоздал. Приехал после «Отче-наша» — с хозяйством завозился: у меня кутька и голубь... Оставил их на Ваньку: он парень самостоятельный, присмотрит...

В феврале сорок пятого года я принужден был покинуть Берлин. Затем — разгром Германии, бегство из советской зоны оккупации, тяжелая эпопея странствий в поисках

притула для русского невозвращенца.

Наша группа — человек в тридцать — пробиралась в это время из Лихтенфельса к Бамбергу, а дальше на Ханау, Фридберг, Кассель. Около Бамберга остановились в хорошенькой деревеньке Гундельсхайм. Близость чудесного города, изобилующего первоклассными архитектурными памятниками, разожгла мое туристическое сердце, и я часто хаживал в страшную июньскую жару в город, находящийся всего километрах в пяти. Около железнодорожной станции — уютное, подчищенное и подметенное кладбище, где можно было хорошо отдохнуть, посидеть в тени, набраться сил после утомительного перехода через открытые поля из деревни в Бамберг. Около кладбища останавливались обычно и поезда с репарирруемых советскими гражданами; поезда с портретом Сталина, красными знаменами, плакатами, зелеными ветками, прикрепленными к стенкам товарных вагонов, набитых усталыми, потными, ко всему уже равнодушными, отчаявшимися людьми.

Как-то случилось, что конвоир одного из вагонов отошел — до ветру, очевидно. И тут из вагона горохом высыпалась куча парней и девчат, несколько баб постарше, и все, что есть мочи, побежали в город. Одна из баб бежала куда глаза глядят и размахивала случайно захваченным красным флагом.

— Куда ты бежишь, тетка? Брось хоть флаг! — крикнул ей.

— Их дойче. Русский никс фырштейн, — прохрипела на бегу тетка, скрываясь в переулке.

А из вагона я услышал знакомый тоненький голосок:

— Дянька...

Но Сеньку — это был он — кто-то сильно оттолкнул в темный угол вагона. Поезд тронулся. И когда он шел уже достаточно быстро, вдруг какой-то пыльно-черный комочек выкатился из дверей теплушки, вскинулся, вскочил и бросился ко мне.

— Сенька! Семен Петрович!

— Ишь, сволочи, — бормотал Сенька, вытирая разбитый в кровь рот и сплевывая выбитый при падении из вагона зуб, — ишь, гады: думали увезти... С теми ребятами не сумел — затолкали... Ну, нет, брат, шалишь! Я — политический эмигрант... Можно идти с вами дальше по Германии, дянька?

НОВАЯ ЭПОХА ОДОМАШНИВАНИЯ

В начале каждого десятилетия принято заниматься скромным колдовством и пророчеством. Знаки девяностых годов толкуются по-разному. Еще недавно мир виделся в розово-голубых тонах слившегося коммунизма и возрожденной планеты. Разрастающийся хаос в СССР и война в Персидском заливе брызнули грязью с нефтяным отливом на эту радужную картину. К тому же американцев вот уже несколько месяцев мучает призрак экономического спада и безработицы; публикуются тревожные цифры и сдержанно-успокоительные комментарии к ним. В целом общественная жизнь становится чуть нервнее, чем была при позднем Рейгане и раннем Буше.

И вот у американцев, привыкших плавно скользить по волнам перемен, вырабатывается новая идея — нет, не спасительная, как принято в России, а чуть-чуть приободряющая. Стоит ли и дальше раздвигать объем благосостояния — не лучше ли обжить и согреть его изнутри? Огонь рекламы променять на тепло очага. Меньше души отдавать работе — и больше дому. Что толку в дорогих нарядах и роскошных автомобилях, если время жизни уходит сначала на то, чтобы их заработать, а потом — чтобы их износить?

Десятилетие рейганомии, великая эпоха потребления, подходит к концу. Тип яппи, преуспевающего профессионала, выпускника престижных университетов и завсегдатая престижных универмагов, отходит в прошлое. Сама категория престижа потеряла престиж. Великосветская жизнь, с роскошными выездами, ресторанами и маскарадами, все больше воспринимается как маскарад в духе 80-х годов.

По результатам недавнего опроса, 69% американцев заявили, что они хотели бы снизить темп своей жиз-

ни, 89% считают важным проводить больше времени со своими семьями. И только 19% сказали, что они хотели бы ускорить темп жизни и больше развлекаться.

Люди бросают высокооплачиваемые должности, чтобы предаваться пасторальным радостям в кругу семьи. Один из героев американского бизнеса, Петер Линч, создавший самую большую в стране фондовую биржу в 13 миллиардов долларов, оставил свою сверхпрестижную работу, которая не позволяла ему проводить достаточно времени с близкими. Теперь, в 46 лет, он вышел в отставку, но по привычке встает рано — чтобы успеть сделать бутерброды для своих дочерей, пока они собираются в школу.

В прежние десятилетия ценились дорогие, изощренные, высокотехнические изделия. Теперь преобладает вкус к простым, дешевым и экологически чистым вещам. В детских магазинах вдруг подскочил спрос на куклы — и упал спрос на электрические игрушки. Американский рынок чутко реагирует на новые вкусы, создавая обилие скромных товаров. Рекламируется не шик, а простота и доступность. Шампанское вышло из моды — зато увеличилась продажа пива. На женщину, одетую в богатые меха, косо смотрят прохожие — сколько живых пушистых созданий было загублено ради этой душевной красоты. Зато в моде простые тканые пальто. Вообще американец все чаще сверяет свои потребности с природой и предпочитает такие изделия, отходы от которых не загрязняют среды.

В каком-то смысле девяностые годы возрождают дух незабвенных шестидесятых. Тогда символы потребления и карьеры, столь важные для послевоенного американского общества, тоже вдруг упали в цене. В противовес общественному

преуспеянию и материальному изобилию выдвинулись простые ценности любви, братства, вольной праздности, слияния с природой.

Но между шумными шестидесятыми и тихим самоуглублением девяностых — дистанция длиною в целое поколение. Дети не хотят походить на отцов. Тогда, в шестидесятые, преобладал дух бунтарства, поиск общественной альтернативы, — контркультура и контрполитика. Опрошение девяностых годов лишено революционного пафоса и утопических упований. Не преобразовать общество, а выйти за его предел, в другое измерение жизни...

Этот сдвиг политически маломощен, но метафизически, быть может, более радикален, чем даже «Великий Отказ» шестидесятых годов. Ибо «Отказ» определялся социально-политически, как и то, против чего он был направлен: новые левые — старые правые, равенство — иерархия, братство — вражда, сплоченность — индивидуализм, революция — реакция и т.д. Опрошение девяностых — это не «против», а скорее «вне», «по ту сторону»: открытие новой духовной среды — домашней и природной. Такое опрошение, в отличие даже от непримиримого толстовского, есть вовсе не Отказ и не Бунт, а скорее Великое Приятие. Общество приемлется как система ценностей — но лишь одна из многих, открывающая путь к другим, еще более важным и подлинным.

Женщина, бросившая прибыльное дело, чтобы торговать в овощной лавке рядом со своим домом... Семейная пара, построившая себе дом в глухой местности за сто миль от места работы... Никто из них не борется с существующим обществом, не разоблачает его и не пытается его изменить. Скорее, они благодарны обществу за то, что оно поз-

воляет им жить сообразно своим вкусам и представлениям о счастье.

Большевистский вождь в начале века провозгласил: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». В конце века развитой капитализм предлагает другую максиму: «Только в таком обществе и стоит жить, от которого можно быть свободным».

То, что происходит сейчас в Америке, открывает, быть может, новую эпоху одомашнивания культуры. Из школьной истории нам памятно, что давным-давно, десять тысяч лет назад, происходил великий процесс одомашнивания диких растений и животных, в результате чего и возникла цивилизация. Но постепенно эта цивилизация так разрослась и подчинила себе природу, что теперь, в конце XX века, вопрос уже встает по-другому: как одомашнить цивилизацию? Как приручить ее технические порождения, превосшедшие в своем независимом буйном росте тропический лес? Как укротить ее социальные организмы, превосшедшие в своей мощи самых свирепых хищников?

Если раньше домашний уклад смягчал и облагораживал дикую природу, то теперь он призван цивилизовать самое цивилизацию, защищая от нее достоинство частной жизни и теплоту родственных связей, ранимое нутро семьи и природы.

То, что американцы все больше тяготеют к дому, совсем не означает, что они превращаются в отшельников. Происходит и обратное раздвижение границ дома, распространение домашней этики и тепла на окружающий мир. Все больше американцев, расставаясь с карьерой в «большом» обществе, вовлекаются в жизнь малых сообществ. То, что в Советском Союзе известно под кодовым названием ЖЭК, ДЭЗ или «микрорайон», в Америке называется «соседством» (neighborhood). Это же слово звучит в английском переводе библейской заповеди: «возлюби соседа своего как самого себя». И в самом деле, когда «ближний» не абстрактная категория, а «сосед», в соответствии с исконным библейским смыслом этого слова, тогда и сама нравственность приобретает домашний, почти семейный характер.

Несмотря на экономический застой, американцы истратили за последний год на благотворительность 115 миллиардов долларов, го-

раздо больше, чем когда-либо раньше. И это не просто даяние средств, это самоотдача. Половина взрослого населения страны посвящает себя делам милосердия, и количество таких добровольцев особенно быстро растет в последние годы. Так что домашность не есть замыкание в доме — это распространение домашней милости и сердечности за пределы дома, на мир общества и природы.

Одомашнивание цивилизации, перенесение ее основных ценностей с социально-политической арены в семейно-домашний круг, а из семейно-домашнего круга в близлежащую соседскую округу — все это может

сыграть столь же важную роль в судьбе человечества, как и одомашнивание природы. Дом — это место, где цивилизация, потребляющая вещи, и природа, производящая людей, сплетаются неразрывно. Стены дома ограждают волшебный мир цивилизации от натиска грубой природы. И они же ограждают кроткий мир семьи и родства от натиска хищной цивилизации.

Вот почему цивилизация начиналась с одомашнивания животных и растений. Вот почему, ради выживания человека, необходимо теперь одомашнить самое цивилизацию.

Ф. СП-1

Открыта подписка на журнал «СТОЛИЦА» на 1992 год!

Подписка принимается во всех отделениях связи страны.
(Это значит, что для подписчиков экземпляр журнала обойдется в 1 р.; для сравнения: цена в розницу — 1р. 30к.)
Стоимость подписки:
на три месяца — 18 рублей,
на шесть месяцев — 26 рублей,
на год — 52 рубля.

✂

**Специально
для
подписчиков
«Столицы»
редакция
приготовила
большое
количество
призов.**

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

газету **73746**
на журнал (индекс издания)

АБОНЕМЕНТ
журнал «СТОЛИЦА»
(наименование издания)

Количество комплектов: _____

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

газету **73746**
на журнал (индекс издания)

журнал «СТОЛИЦА»
(наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	_____ руб. _____ коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1992 г. будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Пинская тип.

Вырежьте купон, правильно заполните его и вышлите в конверте на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлении квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Импортные
видеомагнитофоны,
импортные и
советские
телевизоры, часы и
будильники,
фотоаппараты,
электрические
самовары,
электросветильники,
изделия из хохломы,
альбомы для
фотографий, книги,
наборы
мельхиоровых
ложек,
денежные призы —
все это вы
можете выиграть,
отправив по адресу
редакции
заполненный

КУПОН ЛОТЕРЕИ.

Александр МИНКИН

КОШКИ НЕ ВРУТ

В крошечном швейцарском городишке Grindelwald я наткнулся на сломанный фотоавтомат. Ужасно обрадовался. На секунду почувствовал себя дома. Испорченный Fotomat был мне как родной. Конечно, я не обнимал этот ящик и не плакал. (В романах русские эмигранты так поступают с березками.)

И все же при виде сломанного фотомата стало легче на душе. В безупречно налаженном механизме Швейцарии обнаружилось что-то человеческое.

Швейцарские вещи долговечны. Они переживают человека.

В домах швейцарцев — бабушкина мебель и прадедушкины книги. И улица называется так же, как сто лет назад. А у нас — бесконечные переименования улиц, городов, университетов, заводов. И каждый раз миллионы рублей на новые таблички, новые почтовые справочники, новые печати и бланки всех городских бюро, офисов и т.п. и — новые сумасшедшие почтальоны в переполненных сумасшедших домах.

А мебель сожгли во время войны.

А книги сжигаем и в мирное время.

Совсем недавно из библиотек выбросили и уничтожили сочинения Брежнева, Андропова, Черненко. Это привычно. При Брежневе изъяли Хрущева. При Хрущеве — Сталина. При Сталине — Троцкого и т.п. Непривычно другое: вместе с Брежневым уничтожили и Горбачева. То, что он писал до 1985 года, теперь не рекомендуется читать.

Знаком ли швейцарцам перманентный процесс ликвидации памятников? У нас это дело в последнее время достигло идеального равновесия. Какое-то всенародное коллективное хобби. Тысячи людей с энтузиазмом уничтожают памятники Ленину. В тот же самый момент тысячи других изготавливают новые монументы Ленина (по плану, принятому еще в начале 1980-х). Не исключаю, что те самые люди, которые, ликуя, снимали в воскресенье памятник Ленину, — в понедельник идут на работу, на фабрику монументов. Делают нового.

Когда советский впервые попадает в Швейцарию — ему кажется, что

он в раю. И дело вовсе не в переполненных магазинах, хотя контраст убийственный.

К магазинам я остался почти равнодушен. Меня поразило другое. Передо мной была Страна Без Проблем. Все идеально. Дороги гладкие (а у нас — ямы), города чистые (а у нас — жуткая грязь), поезда бесшумные (а у нас — гремят и дергаются). О швейцарских официантах следовало бы написать поэму — такие они ловкие, милые, аккуратные, вежливые. А у нас — злые хамы, которых не дождешься.

Но самое фантастичное — атмосфера невероятного покоя. Полное отсутствие агрессивности. Много раз я гулял по ночным улицам швейцарских городов. Иногда это были шумные, праздничные улицы, забитые подвыпившей толпой. Иногда — пустынные, темные. Но всякий раз я ощущал полную безопасность. Это удивительное чувство, вероятно, неведомо швейцарцам. Чтобы понять — надо прожить годы в стране, где каждая группа молодых людей, идущих навстречу, — заставляет внутренне напрягаться, сжимать кулаки и стремительно выбирать: драка или бегство?

Мои мысли подтверждают швейцарские кошки. Они нахально сидят на тротуаре, принимают солнечные ванны и наблюдают прохожих. Кошке в голову не приходит, что любой прохожий может внезапно ударить ее ногой. Советская кошка знает это очень хорошо. А которая не знает — не долго проживет.

И в Швейцарии, и в СССР есть люди, любящие кошек и не любящие их. Любящие — одинаковы. Кормят своих и стараются подкормить бездомных. Нелюбящие — сильно отличаются. Швейцарская нелюбовь — терпима. Советская нелюбовь — агрессивна.

Поразительно: даже хорошее может вызывать душевный протест. Моя молодая советская знакомая рассказала, как столкнулась на улице Цюриха со старухой.

— Представляешь?! Она улыбалась и извинялась — старая стерва! А ведь я видела, что ей больно.

— Так чего ж ты хотела?

— Лучше бы она меня обругала. Зачем фальшивить?

Боже мой! Возможно, улыбка старухи была искренней, но кривой от боли. Возможно, улыбка была искусственной. Но кажется, что фальшивая улыбка все же лучше, чем скандал. Однако мы привыкли скандалить, а не улыбаться.

...Один из современных русских патриотов говорил, что все наши беды — из города и от жидомасонов. Ему рассказали, как деревенские подростки связывают лошадей колочей проволокой. При каждом движении она рвет им ноги, и лошади — голодные и истерзанные — умирают в муках. Город далеко. Евреев нет. Откуда же в деревенских мальчиках такое? Шовинист не нашел ответа. А ответ прост: от безжалостной системы.

Итак, при первом знакомстве Швейцария — по контрасту — казалась раем. Но чем ближе — тем видней недостатки. (Истинные ценители балета никогда не садятся в первый ряд. Слишком близко — слышно тяжелое дыхание, видны напряженные мышцы, капли пота.)

Чем больше я узнавал Швейцарию, тем меньше оставалось от рая.

Чиновники-бюрократы везде ужасны. И надо еще подумать, какой отказ страшнее: громкий или бесстрастно-вежливо-тихий?

Я, приехавший из страны, раздраемой кровавыми национальными конфликтами, был ошеломлен рассказом швейцарской студентки. Жители маленького города французской Швейцарии всю жизнь преследовали ее семью только потому, что ее мать была родом из немецкой Швейцарии. «Не может быть! — повторял я. — Не может быть!» Но девушка, рыдая, рассказывала такие подробности, которых придумать нельзя. И я понимал: увы — может быть.

Я узнал о страхе остаться без работы.

Я узнал, что замечательные швейцарские официанты вовсе не швейцарцы.

Я узнал о тайной армии.

И теперь я думаю, что стабильность райской страны — обманчива. Я понимаю, как хрупко достигнутое благополучие. Понимаю, как страшно швейцарцам думать, что с Востока могут хлынуть варвары.

И тогда очень быстро сломаются фотоматы. Продавцы и официанты станут грубыми и злыми. Ночная прогулка станет опасной.

И швейцарская кошка, увидев прохожего, стремительно нырнет в подвал.

Москва. 1991 г.

**СССР
И
ЮАР:**

КАК МЫ ПОХОЖИ!

Кейптаун. 1985 г.

СССР и ЮАР — две страны, разделенные не только тысячами километров, но и десятилетиями отсутствия дипотношений. Наши представления друг о друге ограничиваются примитивными стереотипами, навязанными пропагандой.

И все же мы очень похожи. Настолько, что игнорировать это недопустимо. Чтобы внести свою лепту в преодоление естественных и искусственных (бюрократических) барьеров между двумя странами, наш журнал провел заочный «круглый стол», в котором приняли участие: директор немецкого отделения Южно-африканского фонда Рудольф ГРУБЕР; представитель либерально-демократических кругов ЮАР Эндрю ПЛОЙД, американский политолог Майкл МАКФОЛ; старший научный сотрудник Института Африки АН СССР Татьяна КРАСНОПЕВЦЕВА и заведующий международным отделом «Столицы» Виталий ЕРЕНКОВ.

Р.ГРУБЕР: Я думаю, что параллели между нынешней ситуацией в СССР и ЮАР поразительны. В обоих случаях страны отказываются (в ЮАР, пожалуй, быстрее, чем в СССР) от абсолютистской политики, ненормальной экономики и безнравственности, совершенно абсурдных в конце XX века. СССР отказывается от централизованного командного социализма не только в экономике, но и в других сферах жизни. ЮАР же отказывается от расовой дискриминации и апартеида и строит общество, в котором все его члены смогут достойно участвовать в политической, экономической и культурной жизни на принципах человеческого равенства. Поэтому я думаю, что наши страны сейчас возвращаются в мировое сообщество.

М.МАКФОЛ: Да, существует ряд совершенно уникальных параллелей между СССР и ЮАР. Первое, что необходимо помнить: на протяжении многих лет в ЮАР существовало движение сопротивления расистскому режиму. Хотя АНК был создан в 1912 году, но о массовом движении против апартеида можно говорить только с 1976 года. А в начале 80-х была вторая мощная волна сопротивления, сопротивления государству. Нечто подобное происходило и в России. Советский Союз существует уже давно. Все эти годы вызревала оппозиция, но настоящий взрыв произошел лишь в последние несколько лет.

СССР и ЮАР сближает и то обстоятельство, что в обеих странах политические режимы в последние двадцать (и особенно десять) лет пришли к выводу, что необходимы реформы. Возьмем Горбачева и де Клерка — они оба вышли из старой системы. А достигнув вершины власти, решили, что настала пора что-то изменить и провести реформы сверху. Правда, если в СССР сопротивление обрело такую силу, что инициатива в проведении реформ перешла к оппозиции, то в ЮАР старый режим гораздо более эффективно контролировал переходный период.

И, наконец, третье. Если взять отношения с международным сообществом, то многие люди в мире смотрели и на ЮАР и на СССР, как на империи зла. Это тоже сближает обе страны.

Э.ПЛОЙД: А возьмем, к примеру, связи двух наших стран с мировой экономикой. Советский Союз был изолирован от нее на протяжении семидесяти лет. И ЮАР оказалась на периферии мирового рынка, все более и более теряя свою конкурентоспособность. Наша зависимость от сырьевых ресурсов вызывает в настоящее время серьезные трудности.

Другой похожий момент. 80% населения ЮАР — черные и цветные — были исключены в значительной степени из многих отраслей производства, прежде всего управленческой. То же можно сказать и в отношении

большинства населения СССР, которое в течение десятилетий не имело возможности участвовать в управлении своей страной. Перед нами стоит вопрос, как вовлечь в управление те 80—90% населения, которое не имеет денег. И приватизация в Советском Союзе ставит подобные же вопросы.

М.МАКФОЛ: Мы говорили о параллелях. Теперь необходимо сказать и о двух фундаментальных различиях, которые помогут понять, почему старый режим в Южной Африке все еще у власти.

Первое отличие заключается в том, что если в СССР пытаются изменить и политическую и экономическую системы одновременно, то в ЮАР происходят лишь политические перемены. Эта страна переходит от капиталистического режима апартеида к демократическому устройству, но в рамках той же капиталистической системы. Там всегда существовала частная собственность. Там есть рынок. В Советском Союзе этого пока еще нет, а потому, я думаю, процесс изменений здесь будет более сложным и фундаментальным, чем даже в ЮАР.

Другое принципиальное различие лежит в сфере идеологии. В ЮАР оппозиция на протяжении многих лет боролась с режимом, который представлял капиталистическую страну. Это повлияло на выбор ее идеологии: раз твой противник — капиталист, значит, ты должен быть социалистом. В СССР — все наоборот: раз твой противник придерживается социалистических воззрений, то ты должен быть сторонником капитализма. Идеалами многих советских оппозиционеров стали Рейган и Тэтчер, а южно-африканских — Кастро и Мао. Думаю, что это естественный процесс формирования оппозиции и в дальнейшем обе страны выработают здесь более сбалансированный подход. И если в СССР оппозиция требует быстрее все приватизировать, то в ЮАР именно государство стремится ускорить приватизацию своей собственности, чтобы, когда оппозиция придет к власти, у государства уже не было бы столь мощных рычагов управления.

Т.КРАСНОПЕВЦЕВА: Каждое из наблюдений верно.

Но все же, несмотря на все сходные черты, роднящие наши страны, между нами есть фундаментальное отличие, и оно не ограничивается существованием в ЮАР свободного рынка, которого у нас нет и который мы с таким трудом создаем. Отличие это гораздо глубже и определяется тем, что в основе южно-африканского кризиса, вызванного действием режима апартеида, лежит реально существующая проблема: многовековые взаимоотношения людей, принадлежащих к разным цивилизациям, разным эмоциональным и политическим культурам. Сегодня ни одна страна с многорасовым населением не может утверждать, что полностью решила проблему расовых отношений.

ЮАР пыталась решить ее путем размежевания и изоляции разных культур. Эта попытка потерпела крах, показав всему миру ошибочность и даже аморальность насильственного раздела рас. Вместе с тем если мы внимательно присмотримся к характеру взаимодействия рас во всем мире, то обнаружим, что в завуалированной форме, особенно в экономической сфере, они несут на себе отпечаток отдельных черт апартеида. Размежевание и отделение развитых стран от третьего мира, их политическое и экономическое объединение сопровождаются как бы выталкиванием из международных экономических отношений целых регионов, среди которых Африка оказывается в самом невыгодном положении. Драматизм ситуации в том, что народы в странах третьего мира ориентируются на в принципе чуждые их политической, нравственной и эмоциональной культуре стандарты западного потребительского общества, которые и определяют сейчас общее направление развития глобальной цивилизации.

Можно, конечно, с этим не согласиться, сославшись на пример Японии, Тайваня или Южной Кореи. Им вроде бы удалось, сохранив свою самобытную традиционную культуру, удачно вписаться в международную экономику, заданную стандартами европейской цивилизации. Да, им это удалось, но тут скорее редкое исключение. Оно осуществимо на малых территориях народами, обладающими особой расположенностью к кропотливому труду, тонкой работе, что столь удачно совпадает с потребностью ряда современных высокотехнических производств. Удастся ли их опыт распространить на всю Азию, на Африку или Россию?

В отличие от ЮАР многие наши проблемы созданы искусственно. Подавляющее большинство сегодняшних трудностей у нас не связано с самой природой человечества. Поэтому именно отказ от губительной коммунистической идеологии может полностью решить проблему, превратить нас из парий в мировом сообществе в его полноправных членов.

В.ЕРЕНКОВ: Убедили: мы очень похожи — почти близнецы-братья. Но давайте поговорим о той сфере, где мы принципиально различны: о национальных и расовых отношениях. Если в СССР коммунисты проводили невиданный в истории эксперимент по насильственному единению народов, то расисты в ЮАР делали прямо противоположное...

Т.КРАСНОПЕВЦЕВА: Национальная партия, состоящая до недавнего времени только из африканеров и практически монополюсно правящая страной на протяжении уже 43 лет (несмотря на наличие других партий), провела через парламент страны, в котором черные не имели права голоса, систему законодательных мер, обеспечивших на практике внедрение теории апартеида — раздельного развития рас. Смысл ее сводился к тому, чтобы предоставить возможность представителям различных рас самостоятельно развиваться, исходя из собственного мировоззрения и собственной шкалы культурных ценностей.

Теория эта потерпела полную неудачу. Ни один из расовых, цивилизационных, культурных миров не смог развиваться замкнуто: для этого каждому из них нужны были контакты, а в условиях законодательных ограничений режима апартеида контакты приняли уродливые формы. Противоестественные ограничения: запреты на смешанные браки, на владение собственностью и проживание в тех или иных районах, на свободу передвижения, на доступ к квалифицированной работе, на образо-

вание и здравоохранение и на многое, многое другое — все это стало не только тормозом внутреннего развития страны, но и притчей во языцех во всем мире.

Хочу напомнить также, что в Советском Союзе бытует, по сути, сталинская концепция с дискриминационным делением людей на нации, народы, народности и т.д. Пора бы уже признать, что, как это принято во всем мире, в том числе и в ЮАР, слово «нация» означает просто «народ» и во втором значении этого слова — «гражданскую принадлежность». А принадлежность к тому или иному народу может определяться одним-единственным признаком: собственным, личным человеческим сознанием, попросту говоря, тем, как и кем человек сам себя считает.

Э.ЛЛОЙД: Может быть, в Советском Союзе на это смотрят иначе, но у нас нет иного выхода, кроме создания единой нации, уважающей те различные культуры, из которых складывается общество. Очень важно, чтобы ни одна этническая группа не чувствовала себя подавленной или оттесненной на обочину.

Правительство, которое мы имели до сих пор, пыталось убедить нас в том, что Южная Африка состоит из многих-многих различных наций и что эти нации должны иметь свою территорию с гарантированным контролем белых над большей частью земель. Силы, противостоящие правительству, заявляли: «Мы не двенадцать различных национальностей, напротив — мы одна единая южно-африканская нация».

Мне бы вообще не хотелось использовать слово «нация» для определения этнической ситуации. Конечно, этнические проблемы существуют. Но я думаю, что этнические, языковые, культурные различия между людьми еще не означают, что на уровне сознания они относят себя к разным нациям. По-моему, концепция единой нации в ЮАР стоит сейчас над всеми прочими этническими различиями.

Потому что для распада на несколько государств у нас нет никакой базы: мы одна единая нация, нравится нам это или не нравится. Надо признать тот факт, что и в экономическом, и в социальном плане мы существуем не как четко разделенные различные этнические общины. Жизнь этих общин всегда была переплетена и взаимосвязана, у них есть очень много общих черт, мы говорим на языках друг друга, работаем вместе, живем рядом.

Есть и модель построения такого общества — в первую очередь Соединенные Штаты. Черные там прежде всего американцы.

М.МАКФОЛ: Я бы хотел остановиться на проблеме расизма. Тут у меня есть основания для оптимизма в отношении ЮАР — даже большего, чем в отношении США, где расовые и этнические проблемы стоят очень остро. Одним из моих самых больших впечатлений от Южной Африки были беседы с африканцами, индусами, мулатами. Они все говорили, что хотят строить нерасовое общество. Я спросил их: «Неужели вам не хочется перевешать этих белых, которые катаются на «мерседесах», купаются в своих бассейнах? В то время когда вы ютитесь в своих лачугах». Они отвечали, что если это произойдет, то будет гражданская война и хаос. Возможно, именно потому, что в Южной Африке на протяжении многих лет обсуждали расовые проблемы, там достигнуто понимание, что же такое раса. В США, где расизм запрещен законом, он продолжает существовать в сердцах многих людей.

Реформы в ЮАР, по моему мнению, будут несправедли-

выми. Но, видимо, это единственно возможный путь реформ. Все основные материальные ресурсы, судя по всему, останутся в руках белых. Подобная ситуация сложилась и в Советском Союзе. Мы видим, что большая часть национальных ресурсов находится под контролем коммунистической партии. Что делать с этими людьми? Устроить «Нюрнбергский процесс»? Отнять эту собственность? И продать американцам? Или все же лучше попробовать кооперировать их в эту новую экономику? Заинтересовать их реформой? И сейчас этот процесс происходит. На деньги коммунистической партии создаются новые банки, кооперативы, совместные предприятия. С точки зрения справедливости это абсолютно неприемлемо: семьдесят лет они были у власти и теперь будут новыми хозяевами. Но, с другой стороны, наверное, нет иного пути реформ. Надо дать им возможность влиться в рынок, а затем рынок уже сам отсортирует достойных.

В.ЕРЕНКОВ: ЮАР, как, впрочем, и СССР, на протяжении многих лет подвергалась международным экономическим санкциям. Можем ли мы теперь сказать, что они были оправданны с точки зрения политической и нравственной?

Эллойд: Я считаю, что в определенной степени международные санкции закончились провалом. Сегодня, когда мы уже можем рассчитывать на иностранные инвестиции, политическая ситуация оказалась очень нестабильной. Нестабильность, угрожающая реформам, вызвана в значительной мере именно экономическими трудностями.

Реформы завершатся успехом лишь в том случае, если их участники будут сильны. Нам нужен сильный АНК, нам нужна сильная Национальная партия. Что касается Национальной партии, то она сохранила свое могущество. АНК переживает непростой период адаптации после выхода из подполья. У него не хватает средств на ненасилственную политическую деятельность.

Я думаю, что санкции должны быть полностью отменены тогда, когда АНК и Национальная партия вместе скажут, что момент настал. Пока же АНК выступает за сохранение санкций, говоря, что процесс реформ еще не стал необратим. И это отчасти верно.

Р.ГРУБЕР: Политические реформы в ЮАР в смысле прекращения расовой дискриминации и политики апартеида являются необратимыми. Принят пакет законов, запрещающих практику расизма (а в нашей стране закон всегда уважался, даже когда он был несправедлив). Для осуществления реформ в социальной сфере, в результате которых черное большинство займет достойное место в жизни общества, необходимо достичь прогресса в области экономики. Поэтому я не могу понять, почему АНК продолжает настаивать на продолжении практики санкций по отношению к ЮАР, которые сдерживают экономическое развитие, необходимое для стабильности и улучшения жизни в стране. Это может привести к тому, что, когда в результате выборов АНК придет к власти, он унаследует серьезные экономические проблемы.

М.МАКФОЛ: К сожалению, этот вопрос в США всегда был излишне политизирован. Правые были за санкции против СССР, левые — за санкции против ЮАР. Я думаю, что санкции против Советского Союза были оправданы, так же как и санкции против ЮАР, поскольку и там и там нарушались права человека. Я придерживаюсь мнения, что санкции были эффективны в отношении обеих стран. Недоступность совершенной технологии, эконо-

1990 г. Нельсон МАНДЕЛА и Джо СЛОВО.

мический кризис, падение курса национальных валют — эти проблемы в значительной степени побудили и Горбачева и де Клерка начать реформы.

Главный вопрос — когда отменять санкции. Если продолжать их слишком долго, то они могут оказаться контрпродуктивными и привести к установлению авторитаризма, разрушить национальную экономику. Отмена санкций в отношении ЮАР приведет к тому, что денежный поток будет направлен в капиталистическую, пусть и не самую эффективную, экономику. Но там уже есть инфраструктура, куда можно инвестировать средства. В СССР еще нет такой системы. Неизвестно, куда пойдут эти миллиарды долларов. Несмотря на то, что в Южной Африке существуют ужасные законы, там, во всяком случае, есть законы и они уважаются. Если взглянуть на историю борьбы с апартеидом, мы увидим, что оппозиция использовала эти законы. В СССР подобной законодательной системы еще нет. Если мы сегодня вложим, скажем, три миллиарда долларов, а через пару месяцев кто-то решит провести новые выборы, назначить новое правительство, эти средства могут быть потрачены впустую. Думаю, что Южная Африка готова к отмене санкций. В отношении же Советского Союза у меня пока еще есть сомнения.

ПРОДАЕТСЯ... ХОККЕИСТ, ИЛИ БОЛЬШИЕ ТОРГИ В БУФФАЛО

Почему канадский хоккей лучше советского? По тысяче причин, первая из которых — деньги. Только с большими деньгами можно так, как канадцы, относиться к отбору игроков.

Тренеры-скауты (по-нашему — селекционеры) из НХЛ постоянно колесят по всему миру в поисках хоккейных талантов. Но главное происходит летом: каждый июнь все перспективные хоккеисты из США, Канады и Европы съезжаются на... ярмарку, причем не покупать что-то, а продавать. Да, именно так. Завербованные в НХЛ тренерами-скаутами, игроки заносятся в так называемый драфт (лист ожиданий). Торги проводятся в 12 раундов, в каждом из которых какой-либо клуб имеет право выбирать только одного хоккеиста. Первой выбирает слабая команда, второй — команда, занявшая в сезоне предпоследнее место, и так далее — до чемпиона лиги, который завершает выбор команды в каждом раунде.

Последний аукцион проходил в Буффало, штат Нью-Йорк. В списках «ярмарочных» хоккеистов было 300 человек, и сразу 28 игроков из СССР были выбраны клубами НХЛ. Такой итог расценили как самую большую сенсацию. Дело в том, что с отъездом из Союза почти всех наших опытных хоккеистов казалось, что НХЛ потеряла к нам всякий интерес. Но нет! Канадцы совершенно неожиданно положили глаз на совсем еще юных игроков, тех, кто только-только пытается заявить о себе в большом хоккее, — это Андриевский, Филимонов, Каминский, Сорокин, Уланов, Трефилов, Озолиньш, Житник, Волков, Юшкевич, Петров, Золотов, Мотков, Кудашов, Малыгин, Миرونков, Кузминский...

Спешу успокоить читателей. Во-первых, возрастной ценз для игроков, уезжающих в зарубежные клубы, еще никто не отменял, а во-

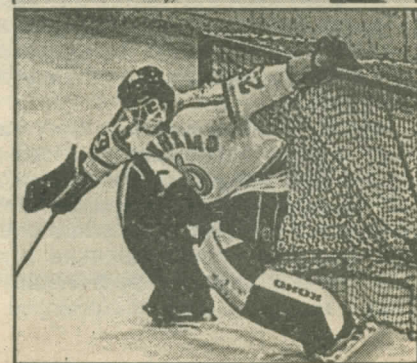
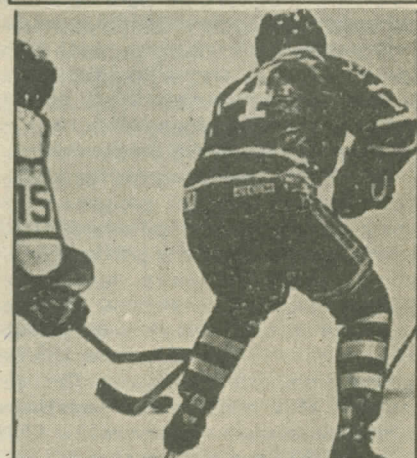
вторых, сама постановка на драфт еще не означает, что все они в ближайшее время выйдут на лед в составе клубов НХЛ. Путь от аукциона до профессиональной команды может быть очень долгим. Например, у Фетисова он занял шесть лет.

Итак, 28 игроков для одного года — цифра более чем убедительная. Для сравнения можно сказать, что три года назад в резерв профи было зачислено всего 11 наших хоккеистов, год спустя — уже 18, а в 1990-м — 13. А вообще сейчас на драфте в НХЛ стояли 53 советских хоккеиста: три вратаря, двадцать защитников и тридцать нападающих. 13 наших игроков уже защищают цвета НХЛ.

Совершая маленький экскурс в историю, следует заметить, что советскими мастерами НХЛ заинтересовалась давно. А самым первым игроком, поставленным на драфт, был рижский динамовец Хатулев, завербованный клубом «Филадельфия Флайерс» в далеком 1975 году. Спустя три года «Монреаль Канадиенс» выбрал армейца Фетисова. Потом «Нью-Йорк Рейнджерс» — Капустина, «Миннесота Норд Старз» — Жлуктова, «Лос-Анджелес Кингз» — Нечаева (кстати, он первым опробовал лед НХЛ, но сыграл только три игры, забросив всего одну шайбу. Это было в 1982 году).

И в заключение еще две любопытные детали. Самую большую симпатию к нашим игрокам питает клуб «Виннипег Джетс». К играющему там Харину из московских «Крыльев Советов» хозяева мечтают добавить еще восьмерых советских хоккеистов. И наконец, лишь четыре клуба НХЛ по-прежнему игнорируют наших спортсменов. Это «Бостон Брюинз», «Хартфорд Уэйлерз», «Питтсбург Пингвинз» и «Сент-Луис Блюз»...

Алексей ЗАВГОРОДНИЙ

ОБНАРУЖЕННЫЙ КРАТЕР ПОДТВЕРЖДАЕТ ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНО ГИБЕЛИ ДИНОЗАВРОВ

Ученые обнаружили огромный засыпанный землей кратер на полуострове Юкатан в Мексике, который, возможно, образовался 65 миллионов лет назад в результате столкновения Земли с астероидом или кометой, послужившего причиной гибели динозавров. Обнаруженный кратер, имеющий диаметр 177 километров, самый крупный из известных на Земле. Ученые вот уже на протяжении 10 лет придерживаются теории, согласно которой столкновение Земли с объектом незначительного происхождения имело столь катастрофические последствия для окружающей среды планеты, что 75 процентов всего живого на ней погибло. Ученые из американского геофизического союза утверждают, что появляется все больше и больше свидетельств в поддержку этой теории. Профессор Вальтер Альварес, который преподает геологию и геофизику в Калифорнийском университете, считает, что теперь известны два кратера, которые, вероятно, являются местами возможного столкновения Земли с астероидом или кометой. Второй из них находится в американском штате Айова. Кое-кто из ученых полагает, что существует, возможно, и еще один кратер такого рода — у побережья Калифорнии.

По словам ученых, в результате этих находок нанесен существенный удар по теории, согласно которой вулканическая деятельность в конце мелового периода — 65—136 миллионов лет назад — вызвала такое резкое изменение в окружающей среде на Земле, что это привело к гибели динозавров.

«НЬЮ ЗИЛЕНД ГЕРАЛЬД» (Новая Зеландия)

В ОТВЕТЕ ЗА ПЛОХОЕ И ХОРОШЕЕ

Здравый смысл подсказывает, что наиболее счастливыми чувствуют себя люди, которые помнят, что сделали что-то хорошее, а не те, кто винит себя за неудачи. Но недавние исследования показали, что позиция «избавь меня от плохих вестей» правильна лишь наполовину. Наименее подвержены депрессии те лю-

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

ди, которые чувствуют свою ответственность как за хорошее, так и за плохое в своей жизни. А поскольку депрессия связана с множеством проблем — включая пониженный иммунитет и большую подверженность инфекционным заболеваниям, — такие люди могут рассчитывать и на более долгую жизнь.

Наблюдая за группой из 809 человек, социологи университета штата Иллинойс Джон Мировски и Катрин Росс разделили своих подопечных на 4 подгруппы, исходя из их отношения к своим удачам и неудачам. Так называемые инструменталисты ощущали свою причастность и к удачам, и к неудачам. Фаталисты отрицали какую-либо причастность и к тому, и к другому. Самозащитники признавали свою роль в удачах, но никак не в ошибках. А самообвинители ощущали себя ответственными за неудачи, а не за успехи.

Исследователи обнаружили, что практически никто из инструменталистов не страдает общей депрессией, в то время как почти 20% фаталистов, самозащитников и самообвинителей страдают ею с определенными последствиями для здоровья и благополучия.

Однако даже инструменталисты могут «пойти ко дну». Депрессия наблюдалась у тех из них, у кого чувство контроля за своими поступками оказывалось слишком сильным, — подтверждение тому, как важно помнить, что нам не дано контролировать абсолютно все.

«ЛОНДЖИВИТИ»(США)

Не принимайте аспирин одновременно со спиртным. Если вы выпьете спиртное даже час спустя после приема аспирина, вы будете в меньшей степени способны справиться с алкоголем и почувствуете большее опьянение, чем без аспирина.

«ЛОНДЖИВИТИ» (США)

«КОЛЛЕКТИВНЫЕ» РАЗВОДЫ

Джон Фитцджеральд Гленн, судья штата Невада, специализируется на «коллективных» бракоразводных процессах. Когда в его канцелярии набирается 400 прошений, он приглашает всех во двор суда и выстраивает разводящихся полукругом. После чего спрашивает их: согласны ли они с расторжением брака? Когда из 800 глоток вырывается единоедушное «да», Гленн считает процедуру законченной. Необходимые документы выдает канцелярия.

«ЭХО» (Израиль)

МУСОР ДЛЯ ГУРМАНОВ

Ежегодно в Америке накапливаются тонны мусора, немалая часть которого — использованные упаковки для продуктов питания. Тоби Томпсон из Рочестерского института технологии, пожалуй, частично решил эту проблему. «А почему бы нам не есть этот мусор», — задался он вопросом. Так родилась идея создания съедобной упаковки. «В этом нет ничего нового», — утверждает Томпсон, занимающийся разработкой упаковок для пищевых продуктов. — Мы едим яблоки, виноград и другие продукты, имеющие собственную, природную упаковку». Он считает, что и другие продукты питания можно паковать так же. «Рис, пшеницу и другие злаки можно было бы фасовать в упаковку другой формы, более удобную для хранения, чем ящики», — считает Томпсон. Еще одна идея: пастообразная упаковка, которая растворяется в кипящей воде. Для маркировки вместо токсичных чернил будут использоваться овощные красители.

Томпсон стремится заручиться поддержкой со стороны пищевой промышленности для проведения дальнейших исследований в сфере съедобной упаковки. Однако пока что, как говорится, «рыба только клюет, но не заглатывает». «Думаю, промышленники допускают ошибку», — считает Томпсон.

«ОМНИ» (США)

Георгий ЕФРЕМОВ

КАВЕРИН И «ВЕСТЬ»

Фото Н. Самойлова

Март 1987 года. Я иду от платформы Мичуринец на дачу Вениамина Александровича Каверина. Иду по важному, даже неотложному поводу: надо прозвониться в ЦК КПСС. Ответственный работник идеологического отдела (или соответствующей комиссии, кто их там разберет) тов. Воронов обещал «посодействовать» нам. Мы — это независимое издательство «Весть». Мы звучим гордо и непреклонно, а на самом деле нас всего пятеро. С Кавериним мы знакомы совсем недавно. И надо бы тысячекратно благодарить природу, обстоятельства, случай за то, что позволили быть с ним рядом, скрашивать его вечера, водить под руку на прогулки, разговаривать... Разговаривать, в общем-то, о ерунде — о Главлите, Госкомиздате, Союзе писателей, ЦК, МК и так далее в том же роде. Мы редко отклонялись от этой генеральной линии, лишь начатой нами, а проведенной и продолженной другими, часто — без малейшего нашего участия. Какие-то крупницы каверинской бескорыстной и доброй мудрости, его настойчивого великодушия прорывались в слове. В действии он весь был — справедливость и честь. И особенная беспощадность — насколько гуманность может быть беспощадна. Что-то из высказанного им я наскоро записал, кое-что запомнил. Но без рассказа о наших судорожных попытках создать свободное издательство не будет понятно это краткое повествование о трех последних каверинских годах. Эти годы прошли для всех нас под знаком «Вести».

Надеюсь, мои разрозненные заметки — не лишнее свидетельство о недавнем, но уже позабытом времени.

«Совет Министров СССР считает: совершенно недопустимо, что в ряде городов и других населенных пунктов создаются кооперативы по показу видеофильмов, предпринимаются попытки организации издательских, типографских и других кооперативов в идеологической сфере. Создание таких кооперативов противоречит решениям партии и правительства, принятым по этому вопросу.

23 октября 1987 г.».

За год до этого постановления в Москве, на одной неприметной квартире, собрались никому особенно не известные, вполне еще молодые литераторы: Саша Давыдов, Гена Евграфов, а также два Юры — Гутман и Ефремов. Все мы были утомлены и в то же время возбуждены продолжительной безвестностью, неясностью перспектив и отсутствием денег. Время на дворе стояло непонятное — слова с туманным, но призывным значением начали слышаться с державной вышины, радуя и пугая. Еще Сахаров был в Горьком, еще Чернобыль казался пусть и большой, но рядовой аварией и не было никаких народных фронтов, даже депутатов народных еще не было. А слово «перестройка» носилось в воздухе, как комар, не давало покоя, заставляло отмахиваться. И надеяться. И снова отмахиваться. Что это за присказка такая: начни перестройку с себя?

Мы долго таились друг от друга, но к той нищенской осени что-то зашевелилось во всех нас, вот мы и сошли на прокуренную кухню. Поглядели друг на друга. И кто-то (это был, по-моему, Гена Евграфов) ляпнул:

— Почему нам не издавать книги самим?

Прошло несколько дней, пока мы привыкли к этой мысли, перестали считать ее безумной. 7 октября 1986 года мы наименовали себя Инициативной группой, в которую тогда же вошел поэт Игорь Калугин. Была сформулирована программа будущего издательства: содействие скорейшему выпуску в свет ярких, нестандартных книг, не рассчитанных на дешевый успех, сочинений с трудной издательской судьбой. И еще была названа одна цель: породнение литературных поколений, обеспечение естественной культурной преемственности.

С этого дня мы начали агитировать за вступление в нашу команду литераторов, которые были безусловными авторитетами для всех участников нашего собрания.

21 октября Эдуардас Межелайтис по телефону выразил поддержку нашему начинанию.

26 октября принял приглашение Давид Самойлов.

1 ноября согласился участвовать в работе издательства Дмитрий Сухарев.

22 ноября — эта дата стоит под первой, еще черновой редакцией обращения к ЦК КПСС и правительству с просьбой о легализации Инициативной группы.

3 декабря, после почти двухмесячной работы с архивными материалами, составлен проект устава и положения об издательском кооперативе. Все три документа — устав, положение и обращение к руководству страны («манифест», как мы его называли) — объединяются в общий пакет. Начато подписание документов.

18—28 декабря предпринимаются попытки привлечь на свою сторону Бориса Можаева, по преимуществу смехотворные, по результату — безуспешные.

19 декабря документы подписал Булат Окуджава.

20 декабря к группе присоединяется Фазиль Искандер.

27 декабря. Я был в гостях у Александра Давыдова. За столом зашла речь о наших потугах. Кто-то сказал: «Вам надо бы обратиться к Каверину. Он занимался подобными вещами в двадцатых годах».

— А он еще жив? — осторожно спросил я.
На клочке бумаги написали телефон, нетвердой рукой я набрал номер. Женский голос в трубке спокойно ответил: «Сейчас позову».

Господи, да сколько же ему может быть сейчас лет?.. Слабый, прерывающийся голос. Мягкая, ровная интонация. Понял, заинтересовался, зовет в гости. Можно приезжать прямо завтра. И мы едем.

Тут я не буду ворошить подробности первой встречи, расскажу позже. Для нас тогда главным было одно: 28 декабря 1986 года наши документы подписал Вениамин Каверин!

12 января к нам присоединился Василь Быков.

19 января 1987 года группа обретает название — «Весть».

23 января получена последняя подпись — Юрия Черниченко.

28 января копии документов направляются первому секретарю правления СП СССР В.Карпову, первому секретарю МГК КПСС Б.Ельцину, председателю Госкомиздата СССР М.Ненашеву.

3 февраля оригиналы документов направлены в Секретариат ЦК КПСС.

4 февраля, по совету доброй знакомой, я связываюсь по телефону с первым замом председателя Госкомиздата — Д.Ф.Мамлеевым. Важно выяснить, как скоро главк сможет сформировать отношение к нашей инициативе. Мамлеев кратко и доверительно обозначил свое отношение: назвал нас прожектерами и мальчишками. Он также усомнился в нашей способности грамотно составить необходимые документы. Я в тот же день подвез к нему на работу устав и положение о кооперативном издательстве.

6 февраля Мамлеев позвонил и выразил удивление: документы оказались толковыми. И даже настолько толковыми, что потребовалось их размножить для госкомиздатской общественности. В заключение Д.Ф.Мамлеев вновь отметил, что ни на йоту не верит в осуществление нашего плана.

Имя этого человека будет мелькать на страницах моих заметок. Слишком приметен его след во всех самодельных печатных начинаниях той поры. Замечательно, что нам его рекомендовали как самого достойного, до отважности «левого» человека в тогдашних чиновных сферах. Известинцы, много помогавшие нам, сохранили память о демократичном и своем поведении Дмитрия Федоровича в иные годы, мы же столкнулись с ним на особом витке карьеры — и не остались в восторге от той затянувшейся встречи... Как бы там ни было, напутствовал нас Мамлеев таковыми словами: «Увидите сами, что дело ваше безнадежное. Это же чистая политика! Непозволительный прецедент!»

9 февраля. Принимается решение о подготовке рукописи безгонорарного сборника «Весть», прибыль от которого должна составить начальный капитал кооператива. Условились, что каждый участник инициативной группы дает в сборник как минимум стихотворение, рассказ или очерк. Александр Давыдов высказал идею, поддержанную всеми нами: издать в нашей книге полный, в авторской редакции, текст поэмы Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки».

16 февраля. Новые переговоры с Мамлеевым, который предложил нам слиться (уж не в экстазе ли?) с коллегами из группы «Московский литератор» — представителями СП РСФСР. Это будто бы единственный шанс до-

стижения успеха («Вы что, думаете, руководство будет разбираться с каждым кооперативщиком по отдельности?!»).

20 февраля Каверин пытается связаться с отделом культуры ЦК КПСС, чтобы узнать, дошли ли до адресата наши документы. Анонимный помощник заведующего дал неопределенно-отрицательный ответ. 3 марта создается Совет инициативной группы (Каверин, Давыдов, Ефремов) для «быстрого», а точнее, своевременного реагирования на постоянно меняющиеся настроения работников ЦК, СП и т.п.

11 марта поступает в продажу номер «Московских новостей» со статьей Эллы Максимовой «ИЗДАЕМ САМИ», в которой, кроме довольно подробного рассказа про нас, сообщается, будто Госкомиздат СССР и Союз писателей горячо одобряют инициативу литераторов «Вести».

23 марта Каверин пробует дозвониться до секретаря ЦК КПСС А.Н.Яковлева и выяснить, получены ли наконец наши документы и, если да, каково отношение к ним. Работник секретариата, назвавшийся Александровым, пресекает все попытки добиться личной встречи между Яковлевым и Кавериним.

24 марта очередная наша атака отбита референтами ЦК. Назавтра Каверину удается переговорить с заведующим издательским сектором отдела пропаганды ЦК КПСС тов. Викторным. Я знаю самый конец этого разговора в передаче Вениамина Александровича. Вот расшифровка записи:

КАВЕРИН: Во всяком случае, я могу заключить, что о деле нашем вы достаточно осведомлены. А вот насколько о нем осведомлен ваш непосредственный начальник — Александр Николаевич Яковлев?

ВИКТОРОВ: Мой непосредственный начальник не товарищ Яковлев. Но я вам отвечаю: по всей вероятности, да, осведомлен.

КАВЕРИН: Как долго нам еще ждать ответа? Документы мы передали почти два месяца назад. По-моему, прошли все сроки, в которые положено реагировать на обращения граждан.

ВИКТОРОВ: Ваш вопрос очень сложный. Он прорабатывается. Вам следует запастись терпением.

КАВЕРИН: Мне 85 лет. Будь я лет на 15 моложе, я и то вряд ли с радостью последовал бы вашему совету.

30 марта. Новые переговоры с Секретариатом ЦК. Мы уже успели порядком надоесть, поэтому в беседах с нами стали обнаруживаться нервные нотки: «Да вы вообще понимаете, куда звоните?» Результатом все же было милостивое согласие внести Каверина в списки ожидающих приема (отмечу тут же, что Вениамин Александрович так и не был принят в ЦК).

Уже отчаявшись, мы передали «наверх», через Серго Микояна, вот такое письмо:

«Уважаемый Александр Николаевич!

Принимая близко к сердцу идеи обновления, группа писателей в обращении к Вам выразила готовность вложить силы и средства в создание издательского кооператива, цель которого — деятельная поддержка нынешних благотворных начинаний. О наших планах сообщали «Московские новости», «Литературная газета», «Труд», Центральное телевидение. Выступления прессы помогли еще раз осознать необходимость этого живого дела. Очень многими оно воспринято как свидетельство реальности перестройки. Нас поддержали Союз писателей и Госкомиздат СССР, изучивший и одобривший наши рабочие документы. Хорошо понимая, как Вы заняты, мы все же

просим именно Вас рассмотреть это предложение. Дело крайне важно для меня, ибо я хотел не только быть participantным к началу этой работы, но и увидеть хотя бы первые ее результаты. Я верю, что Вы найдете время и силы ответить мне лично.

С уважением и пожеланиями всяческих успехов, —
Вениамин Каверин.

Ответа на это послание дожидаться не удалось. Хочется верить, что оно вовсе не достигло адресата. Больно сейчас перечитывать, как последний из истинных классиков русской литературы домогается внимания от чванливых и трусливых держиморд, обсевших подступы к высшим властителям. Они уже начали отвоевывать плацдармы в будущей, неясной и грозной для всех реальности... Мы вели себя по старинке, считая, что законы иерархии действуют неукоснительно. А в силу уже входили совсем другие законы...

Итак, в последний день марта 1987 года, отправив с оказией письмо Каверина в ЦК, я брел от станции Мичуринец к дому Вениамина Александровича, неся тяжеленный портфель, в котором еле уместилась рукопись нашего первого сборника. Нам предстояло провести вместе долгий день, потраченный на бесплодные попытки прозвониться на Старую площадь. В промежутках между звонками мы читали вслух друг другу текст «Вести-1», спорили, пили чай, смеялись и сочиняли пародийные стихи про обновление и ускорение. День получился раздерганный, смутный и печальный, как казалось тогда. А теперь я вспоминаю о той шумной и болезненной весне как о великом и незаслуженном счастье. Как бы там ни было, так подробно и откровенно мы не говорили с Вениамином Александровичем ни до, ни после. Я постараюсь описать тот день, полагаясь на память.

Еще по первой встрече помню, как меня поразил скудный, бесхитростный, какой-то просто нищенский быт переделькинского дома Каверина. «Вы представить себе не можете, какой он скупой!» — однажды в сердцах бросила женщина, близкая семье Кавериных. Я удивился: за день до этого разговора Каверин без долгих расспросов отдал тысячу рублей посетительнице, которую впервые видел. И нам не раз предлагал воспользоваться своими сбережениями, даже и валютными. Мы стойко отклоняли все его предложения, уступили лишь один раз, когда срочно понадобились деньги Венедикту Ерофееву, уже тогда смертельно больному.

Убогое богатство и роскошное нищенство постоянно возникали в наших разговорах.

— Вот вам посчастливилось общаться с Чуковским, вы должны помнить, как божественно щедр был этот человек! И как мелочен, неуступчив и расчетлив — иногда. Этим-то он и был неповторим. А какая сосредоточенность — и какая несерьезность! Чудо! И как он замечательно необидно издевался... Я один раз сочинил какое-то детское произведение, в смысле, для детишек сочинил, и, как мне представлялось, сочинил очень удачно. Прихожу к Чуковскому, он меня поит чаем, выслушивает. Сидит, Корней Иванович подозрительно долго молчит. Помолчал-помолчал и говорит: «Вениамин Александрович, я еще раз убедился, насколько лучше вы пишете, чем Анатолий Алексин! Несравненно лучше!» Я с тех пор зарекаюсь писать для маленьких. И пишу так, как получается...

Боюсь, что наши звонки, наезды, просьбы и жалобы

помешали Каверину написать то, что у него могло бы получиться в самые последние годы. А может быть, в чем-то освежилась его повседневность — и хоть ненадолго, но продлились, благодаря «Вести», его дни?..

Начинаем обсуждать состав нашего первого сборника. Говорим отрывочно, бегло, потому что постоянно отвлекаемся на телефонные звонки. Благосклонная секретарша высокого партийного начальника часа через три сжаливается над нами и обещает сама позвонить, когда ее шеф будет на месте и свободен. И мы, чертыхаясь и вздрагивая при каждом потренькивании аппарата, перебираем по листику «Москву—Петушки», наперевод декламируем «Последние каникулы» Самойлова — и спорим, спорим...

Заходит речь об отношении писателей друг к другу.

— У писателей, поскольку им ничто человеческое ни в коей мере не чуждо, бывают самые разные отношения. Но только не стоит путать с этим взаимоотношения членом Союза писателей. Тут все иначе... Как это странно получается. Я был в молодости резок и заносчив. А отпетым негодяем, думается, никогда не был. И надо же, возымел страстное желание поселиться в Переделькине — этом городе контрастов. Ничего с собой поделать не мог! Конечно, это означало в те времена переход в иное качество, приобщало к небожителям. Получить даром такое сокровище я не успел. Значит, следовало подумать о строительстве дома на собственные средства. Средств не хватало. И я начал, сперва-то инстинктивно, а потом уже вполне сознательно, подталкивать себя к новой книге, без особенных претензий на стилистические открытия, с занимательным, но достаточно ясным сюжетом, рассчитанной на возможный массовый интерес. Это, как вы уже поняли, я говорю о «Двух капитанах». Мне повезло, денег я заработал на этом произведении много, хватило и на дом, и на многое другое. Расположение Сталина некоторое время меня не покидало. Мне действительно очень повезло! Гармонично сочетать в себе высочайшую, как мне тогда казалось, требовательность к другим и к себе с таким вот приспособленчеством. Но главное-то везение, конечно, в другом...

После, году в шестидесятом, я спросил у Паустовского, чем он объясняет такую поразительную разницу в судьбах: с одной стороны Бабель, Мандельштам, Заболоцкий — с другой Платонов, Пастернак, ну, словом, все, кого обошла лагерная и расстрельная мука. Я пытался обнаружить хоть какую-то логику в этом отборе, а Паустовский сразу сказал: «Веня, мы просто вытаскивали счастливый билет». Наверное, он прав. Но часто бывают у меня минуты, когда не могу отогнать мысль о том, что этот счастливый билет — плата за душевную тупость, как минимум. Я сейчас только себя имею в виду. Так уж человек устроен. И страна наша почти всегда была устроена именно так: более или менее справедливо оценивается только прошлое. Скажи мне сейчас кто-нибудь, что я самодовольный и трусливый человек, — я обязательно обижусь. А даст мне Бог прожить год или два, и соглашусь, что да, в то время я проявил себя как себялюб и трус. Есть такая шутка: в России неурожай бывает только в прошлом году... И вот я поселяюсь в Переделькине и постепенно становлюсь тут своим. Сейчас я уже, как говорится, неотъемлемая часть здешнего пейзажа — как тот пень, например. До того сжился с обстановкой, что мне иногда на прогулке даже Марков кивает! — А с Карповым какие у вас отношения?

— Почтительные. Он изображает почтение ко мне, а я — к нему. Но ведь это не самое страшное прегрешение

ние? Гораздо ужасней другой недуг, и вы уж постарайтесь сами им не заражаться и в других его распознавайте без промедления. Я говорю о чуме самопочитания.

...Наступает время обеда. Вениамин Александрович вручает мне рукопись повести «Силуэт на стекле», которую он хочет предложить в наш сборник. Повесть короткая, и я дважды прочитываю ее, пока Каверин обедает и дремлет после обеда. Вот еще важная деталь: перед прочтением мне вручается карандаш и три листа писчей бумаги: я обязан выписать все места, вызвавшие мое неудовольствие или недоумение. «Вы только посмейте подступиться ко мне с невразумительными похвалами! Читайте со всей строгостью и отмечайте, — это будет лучшей подмогой мне на старости лет». Я с перепугу какие-то пометки все же сделал. Каверин посмотрел на листочки, выслушал меня и заявил:

— Я и сам понимал, что повесть слабая... Я ее не дам в сборник. У меня есть небезынтересные воспоминания о Шкловском, о Зощенко, о Первом съезде писателей. Это сейчас должно лучше смотреться. А «Силуэт» пока пусть полежит — ему это на пользу...

Перед самым моим уходом Каверин вдруг встрепенулся:

— А почему бы нам не попросить о помощи Раису Горбачеву? Чем не идея?

Тут же звонит в Ленинград Лихачеву, того не оказывается дома, начинаются энергичные поиски. Под конец академик обнаруживается на даче. Он отнюдь не рекомендует впутывать в наше дело супругу Генерального секретаря ЦК КПСС. Каверин выходит на террасу озадаченный:

— Дмитрий Сергеевич полагает, что это было бы не по-рыцарски.

Разговор с цекистом так и не состоялся. Время позднее. Я прощаюсь и ухожу.

К началу апреля 1987 года в портфеле начинающего главного редактора — им стал Александр Давыдов — скопилось почти 200 рукописей. Приходилось вникать во многие организационные сложности, отвечать на письма, вести учет. Промелькнул на нашем небосклоне американский благодетель Джордж Сорос, пожелавший было осчастливить неказенных книгоиздателей (отнюдь не только нас), — промелькнул и пропал, чтобы через некоторое время объявиться во главе вполне официальной и достаточно неприступной организации «Культурная инициатива». Мы продолжали беречь ЦК КПСС, откуда периодически получали то нахлобучки, то благосклонные, но ни к чему не обязывающие обещания. 15 мая у Каверина произошёл следующий короткий разговор с работником ЦК тов. Александровым:

КАВЕРИН: Со времени вручения наших документов прошло уже три с лишним месяца. Я хотел бы понять, почему нет ответа.

АЛЕКСАНДРОВ: Ваше дело непростое, оно прорабатывается. Начальство проинформировано о нем. Я могу изложить свое мнение о причинах, в связи с которыми скорый положительный ответ весьма затруднителен.

КАВЕРИН: Меня интересует не ваше мнение. В конце концов я имею право встретиться с человеком, от которого так много зависит в сфере идеологии? Почему вы и ваш аппарат мешаете, препятствуете этому?

АЛЕКСАНДРОВ: Я чувствую, вы раздражены. Товарищ Яковлев сейчас в отъезде и физически не может вас принять.

Еще долго мы ломали копыта в бесполезной борьбе и, наконец, в начале октября 1987 года обратились прямо к Горбачеву. Вряд ли наш стон достиг августейшего слуха, но ответом, тем не менее, можно считать ту самую выписку из протокола заседания Совмина СССР, которая приведена в качестве эпиграфа к этим заметкам. Протокол был подписан лично Рыжковым.

Тогда мы предприняли обходной маневр и отправились в издательство «Книжная палата», незадолго перед тем образованное. Сейчас можно бы сказать коротко, что там мы нашли понимание и сочувствие. При всем расположении «Книжной палаты» к нашей идее на воплощение замысла ушло более полутора лет. Интересно, что на пути к изданию сборник «Весть» вновь натолкнулся на сопротивление Д.Ф.Мамлеева. Когда работа над сборником в очередной раз застопорилась, я отправился в Госкомиздат. Вот какой у меня там получился разговор.

Я спросил, кто конкретно против (опыт показал, что обращаться лучше всего к определенному человеку, даже если он настроен неблагоприятно). И получил ответ:

— Конкретно никто не против. Но все категорически сомневаются...

— В чем именно?

— Как это в чем? В повести Ерофеева — матюги сплошные. Чему будем народ учить — сквернословию?

Время шло. Начальство поневоле смягчалось. Наступил даже 89-й год — счастливый и бесконечно печальный. Летом вышла наша книга. Осенью издание было повторено, уже в Дании, где неожиданно обнаружили партнеры. А потом... Потом случилось то, против чего нас предостерегал Булат Окуджава, при первой встрече заметивший:

— Вы, я вижу, уже утомились. А ведь самое страшное наступит, когда что-то начнет получаться.

Так и вышло.

Наша фатальная неспособность различить проходимость в учтивом и образованном на вид человеке, неумение выделить главное в замысле и не размываться, не исходить мукой по мелочам... Сколько сил и нервов растрачено, сколько надежд растоптано, сколько людей огорчено и обмануто уже нами самими...

Есть такая недавняя поговорка: «Обещал, но выполнил». Нам почти не попадались персонажи, следующие этому правилу. В новые, вольные, безбоязненные времена нас надували производители и поставщики бумаги, транспортники, владельцы складов, полиграфисты и книжные торговцы. Самое поразительное, что этим гнилостным отечественным духом оказались заражены обходительные датчане: ровно год они продержали у себя оригинал-макет второго выпуска «Вести» (наплевав на все договоры, уговоры и клятвенные заверения), ежемесячно сообщая нам о начале полиграфического цикла и, в конце концов, прислали содержательный телефакс с отказом, в котором на нас переносилась часть вины за развал советской экономики и плачевное состояние рубля. Но все это — тема для обстоятельного отдельного разговора.

Пребывая то в радостной лихорадке, то в прострации, мы ухитрились потерять год — и какой! Потеряно было не только время, но — инициатива, задор, взаимопонимание. Лишь к началу 91-го мы начали понемногу одолевать себя и управлять обстоятельствами. Литва, к которой я был и остался привязан душой и почти всем своим бытом, дала новую опору нашему делу.

Напоследок хочется еще чуть-чуть повспоминать — уже без всякого плана и заранее обдуманного намерения.

Назвав последние два года бесконечно печальными, я имел в виду две смерти — Вениамина Каверина в мае 1989 года и Давида Самойлова в феврале 1990-го. В последний раз наш редакционный совет собрался на даче Каверина поздней осенью 1988 года. Были, кроме хозяина дома, Самойлов, Окуджава, Юра Гутман, Геннадий Еврафов, Александр Давыдов, Игорь Калугин и я. Обедали, пили какой-то сувенирный коньяк, к великому удовольствию Самойлова. Молодежь (а в эту категорию естественным образом угодили и Самойлов, и Окуджава) возбужденно обсуждала последние политические и литературные события. Каверин осторожно улыбнулся:

— А вот мой сын скептик, не велит верить всем этим радостям.

Той же осенью при очередном обсуждении издательской программы Вениамин Александрович спросил Давыдова и меня:

— А в тюрьму не боитесь?

Мы бесстрашно пожали плечами.

— Вы мне потому и приглянулись, что я понял: эти не наложат в штаны...

Зашел разговор о совести, способности к раскаянию.

— Была такая история. Николая Заболоцкого отправили в тюрьму Лесючевский. Был такой литературный поганец. Да вы, наверно, его застали — он издательством «Советский писатель» сколько лет руководил. Через положенное время Заболоцкий выходит из лагеря, его начинают печатать, даже перевозить. Лесючевский тогда стал бегать за Николаем Алексеевичем, просто преследовать его — и каяться, каяться, каяться. Смертельно надоел Заболоцкому, и тот его от себя отогнал. Тут он принялся гоняться за мной: «Поверьте, это было какое-то наваждение!» Перетрусил, что после XX съезда начнут доносчиков судить. Это тема страшная. Вот у меня не так давно был в гостях один чекист. Очень культурный молодой человек. Занимается делом по реабилитации Мандельштама, как он выразился. Оказывается, Мандельштам до сих пор не реабилитирован! Так вот этот сотрудник органов мне говорит: сколько в наших архивах интересных документов, сочиненных вашими братьями-писателями!

И еще...

Зима. С мороза вхожу в дом и долго оттираю застывшие руки.

— Вам повезло, сейчас в доме сравнительно тепло. А если дать волю моей экономке Анне Моисеевне, стало бы гораздо прохладнее. Она из морозоустойчивых евреев — это чрезвычайно редкий вид.

В тот же вечер Каверину вспомнился роман Рыбакова «Дети Арбата».

— Прекрасный роман. Необычайно добротная проза. Но... В любом из искусств, в идеале, должны присутствовать, хотя бы намеком, все остальные. В прозе, скажем, должны ощущаться и поэзия, и живопись, и музыка. А у Рыбакова — проза и все.

И вот такое — это в начале 89-го.

Вениамин Александрович рассказывает о любви Никиты Хрущева к интеллигенции.

— И вот вы представьте себе: битый час руководитель великого государства молот такую чепуху, что я, выйдя на свежий воздух, поразился: надо же, страна

как-то существует, ходят живые люди, кто-то улыбается, проезжают трамваи, в булочных попадает хлеб... Он на той памятной встрече Федина просто огородил: нам-де такие председатели Союза писателей не нужны. Тот оскорбился и говорит: «Я подаю в отставку». Хрущев: «Вот еще, что вы обращаете внимание на всякую болтовню!» А сам постоянно оглядывается на Ильичева — слова без него вымолвить не мог. Хвастал: «В делах культуры я сталинист». А человек-то в принципе был хороший, невредный.

Я спрашиваю про отношения с Фединим.

— Этого я даже касаться не буду, слишком темно и грустно. Только один эпизод расскажу.

Накануне похорон Пастернака мы привычно повздорили с Константином. И вот, когда процессия с телом Бориса Леонидовича уже двигалась к кладбищу, кто-то заметил, что Федина нет. Я и предположить не мог, что тот отсутствует сознательно. Нашел его дочку и попросил передать, что все уже идет к могиле и ждать никто не собирается. На кладбище он так и не пришел. Иду я с похорон мимо его дома. Федин стоит у калитки и беседует с какими-то иностранцами. Я не глядя молча прохожу.

Он кричит мне в спину: «Веня, ты что, не узнал меня?»

Я обернулся и говорю: «Знаешь, Костя, я тебя действительно последнее время не узнаю».

И пошел дальше.

Последний раз мы виделись 26 апреля 1989 года. Я собирался ехать в Минск на свидание с Василем Быковым, который сначала пообещал нам повесть, а потом стал почему-то отнекиваться. Каверин напутствовал меня:

— Не наседайте на него чересчур. Его так мордовали... Конечно, есть судьбы и страшнее. Но нам, жителям столиц, трудно представить себе, каково это — быть порядочным, достойным человеком в советской провинции, в глубинке. Быков знает, что такое одиночество и что такое добро. А меня он однажды назвал апостолом добра. Перегнул... а как приятно!

Просит рассказать о Литве, о «Саюдисе», к руководству которого я тогда принадлежал.

— Молодцы ваши литовцы! Так сплоченно и отважно идут. И почти во всем они правы. Я, правда, думаю, что у них (да и у нас) все-таки не хватает фантазии представить себе, что когда-нибудь этот наш убогий союз может превратиться в определенную ценность.

И теперь — самые последние слова, услышанные мною от Каверина:

— Мы вот все спорим, кто нужнее: Бердяев или Герцен, Щедрин или Бунин. А нужна аудитория, созданная Буниным, Герценом, Щедриным, Бердяевым, а еще — Случевским, Анненским, Сашей Черным... Нам ведь только кажется, что эта аудитория есть. Она разогнана, разрушена, удушена. Не до конца, конечно. Надо благодарить судьбу, что она посылает нам гениев, но и без обыкновенных ремесленников тоже дело не пойдет.

Не надо мне напоминать о моем значении. Я средний писатель, а не а с т о я щ и й средний писатель. Недаром мой любимец — Стивенсон. И никакое это не самоуничтожение. Наоборот. Думаю, по своим способностям я достиг почти максимума. И смешно, скажем, третьему этажу сетовать на то, что он не пятнадцатый. Но пятнадцатизатяжной дом не может состоять только из верхней, самой заметной части. Нужен и третий этаж, и подвал.

И без таких, как я, невозможно развитие культуры.

Лев ТАБЕНКИН:

«У ВСЕХ ДО НЕБА ОДНО РАССТОЯНИЕ»

Свои первые композиции я написал лет в 13—14, учился в художественной школе и чувствовал невероятный подъем, работал с огромным энтузиазмом. Куда все это пропало, когда я поступил в полиграфический институт? Будто бы выпал из жизни и совершенно не мог ничего делать. А потом надо было чем-то кормиться, и после института я стал работать в комбинате, писал бесконечные полевые станы. Приходилось много ездить по стране, бывать в так называемой глубинке. Тогда области выделяли средства колхозам, совхозам и предприятиям целевым назначением на культуру. Эти деньги не могли быть потрачены ни на что другое, поэтому заказать картину было для предприятия повинностью, холсты пачками гнили потом где-нибудь в сараях. Абсурдная, бессмысленная деятельность! Не очень-то у меня все это получалось — трудно было настроиться на тот идеализм, который требовался от комбинатского художника, и писать то, что заведомо никому не могло пригодиться.

Понемногу, преодолевая пошлость и немоту, навязанные концепции и стереотипы, я стал делать что-то свое, возвращаясь к тому, что было в душе и руке когда-то в детстве. Главным было желание сказать правду и тоска по свободе. Я писал людей, рынки, вокзалы, пивные, троллейбусы, улицы и магазины, свободных парящих птиц и загнанных за забор овец, пытаюсь осознать себя в мире, изложить факты и, опираясь на реальность, стать чуть повыше. Картины рождались из жизни моего отца, его страданий, тюрем и лагерей, из его порыва к свободе. Они рождались не от избытка, а от недостатка. Хотелось выразить общее страдание, какую-то бесхозность нашего народа. Однажды я услышал очень дорогую похвалу. Ко мне в мастерскую — подвал, заваленный никому не нужными, не то что не продававшимися, но и нигде не выставленным картинами, — пришел человек, отсидевший годы, многое повидавший. Он сказал: «Ты берешь жизнь за глотку». Эта фраза была ценнее похвалы друзей и оценок искусствоведов. Я поверил, что мне удалось показать изнанку жизни. Сегодня я вижу недостатки прежних бытовых работ, хотя писал их с полной

отдачей. Хочется теперь думать об искусстве — цвете, фактуре мазка, композиции, — идти куда-то в глубину или в высоту, преобразовывая стихию жизни в пластику.

Жаловаться на прошлое — нынче общее место, но, действительно, было трудно. Перемены 85-го показались чудом, но в то же время они были единственным логическим выходом, ибо уже пришло ощущение, что или жизнь должна измениться, или помирать пора. Препрежнее время кончилось, наступило новое, оказавшееся в чем-то более сложным и для человека вообще, и для каждого художника в частности, и для меня, конечно, тоже. На прошлых заслугах, голом отрицании больше не проживешь. Да, политика может быть побудительным стимулом для искусства, но политизированным насквозь оно быть не должно. Если человек лишь бичует социальные пороки общества, его картины сиюминутны и остаются в истории только как документ эпохи.

Конечно, конфликт творца и власти традиционен для истории нашей культуры. Но за последние 70 лет он вылился в иступленную борьбу, политическую оппозицию, а такое положение для искусства не может быть естественным.

Сегодня времена, когда картина вызывала бешеную ненависть, как любое правдивое слово, отошли в прошлое, а некоторые художники продолжают нагнетать в себе злость: ведь назло часто легче работается. Когда никто не пугает, иной человек просто засыпает. Всем нам приходится искать свое место в новой, нормальной жизни.

Недавний мировой бум вокруг советского искусства, связанный опять-таки с политикой, затрудняет его реальную оценку. «Этнографическое» внимание — категория моды уничижительной: мы живем на шаре, и до неба у всех одно расстояние. Было ли что-то сделано в этой стране в эпоху застоя? Мне кажется — да, был некий прорыв. Вопрос в том, важен он только для русской культуры или это были открытия, достойные мирового уровня.

На мой достаточно поверхностный взгляд, в европейском искусстве с 50-х годов наступило время бесконечных формальных упражнений. Да и жизнь сейчас

такая налаженная, что живопись включается в комфорт всего лишь интерьерным элементом.

У нас же поле приложения сил невероятное, 70 лет нашему искусству не давали расти в высоту, и оно углублялось в проблемы, искало новый язык, шло к пластическим, живописным открытиям. Россия прожила историю, которой не знает ни одна из цивилизованных стран. Человек наш видел мало хорошего, но наблюдал такую меру безумия, падения всех нравственных ценностей, что каждому для себя приходилось заново познавать мир, с усилием приходилось к вечным ценностям, которые другие впитывают с молоком матери. Откровения познания и воплотились в открытия нашего искусства.

Мой знакомый, корреспондент американской газеты, недавно написал статью о разрушении русской культуры. Смысл ее в том, что в извращенных условиях тоталитаризма искусство сделало себя потаенным местом. Сейчас сложившиеся структуры рухнули, завалило и эту экологическую нишу, грядет полный распад. Но ведь на деле — все это лишь внешние коллизии, и заново начинается мучительный глубинный процесс создания новой реальности, точнее, возвращения к утраченным вечным истинам, к категории добра, которая во все времена была основой искусства.

Личность у нас низводилась до «нуля», и теперь в искусстве приходится начинать с этого «нуля». Пытаться восстанавливать значение человеческой жизни, пересиливать ощущение порванных временных связей и в противовес политизированности утверждать смысл искусства, который адекватен ценности Человека.

Записала
Марина КАМИНСКАЯ

«Дождливый день»

Л. ТАБЕНКИН

«Мясники»

«Избиение»

21-3-198

*Ваша
имидж-реклама
в "Столице"*

928 83 40
Факс: 921 29 65
101425 Москва,
ГСП, К-51,
Петровка, 22

ЭТОТ ШАГ МЫ СДЕЛАЕМ ВМЕСТЕ